

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

ЧЕСТЬ ИМЕЛИ!

Документальные истории

ТУЛА • 2018

**ББК
К**

Редакционная коллегия

Сергей Львович ЩЕГЛОВ
Вячеслав Иванович БОТЬ
Владимир Васильевич КУЛИКОВ
Надежда Константиновна ТЮЛЕНЕВА

Составитель

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА ТЮЛЕНЕВА

*В книге использованы графические работы
И.Я.Кузнецова, фото из семейных архивов авторов
и выполненные в разное время фотографии
Г.А.Устинова, А.Н. Клочкова, Давида Крихели,
Е.И. Степунина, Н.К Тюленевой.*

К

Тюленева Н.К., составитель

Честь имели! Документальные истории. Тула: Тульское отделение Российского общества «МЕМОРИАЛ», – 2018 – 204 с.

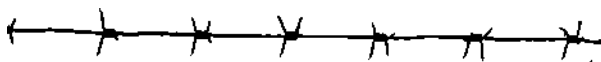
Книга «Честь имели!» издана на средства авторского коллектива и пожертвования доброхотов.

Душевная благодарность материально и технически поддерживавшим данный проект: семье В.Н.Щадилова (г. Тула), О.В. Сахаровой (С.-Петербург), С.Г. Сахаровой-Рудаковой (г. Тула), семье Л.А. Устиновой (г. Тула), семье Корниловых-Герасиных (г.Тула), А.Н.Щегловой (г.Тула), семье Чибисовых-Пономаревых (С.-Петербург), семье Ждакаевых (г. Москва), семье Кулиш-Архангельских (г.Тула), О.Л.Васильевой, Н.Д.Антиповой, В.А.Преображенскому (г. Тула), Е.Н. Шподаревой.

ISBN.....

©Тюленева Н.К., составитель
©Коллектив авторов

*Посвящается россиянам, до
конца оставшимся верными своему
гражданскому долгу и сохранив-
шим в нечеловеческих условиях
человеческий облик – подобие Божие*





**Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно
Как невозможно жили мы...**

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

*Давайте придумаем деспота,
Чтоб в душах царил он один
От возраста самого детского
И до благородных седин.*

*Усы ему вырастим пышные
И хищные вставим глаза.
Сапожки натянем неслышные
И проголосуем – все – за!*

*Давайте придумаем деспота,
Придумаем, как захотим.
Потом будет спрашивать не с кого,
Коль вместе его создадим.*

*И пусть он над нами куражится
И пальцем грозит из тьмы.
Пока, наконец, не окажется,
Что сами им созданы мы.*

Булат ОКУДЖАВА





**Надежда
ТЮЛЕНЕВА**

**ПОД ТЕНЬЮ
ФАНТОМА «ПОЗОР»**

Этих мальчиков растили женщины – мамы, бабушки, старшие сёстры, тётушки – у кого как придется. Эти мальчики не знали отцов. Но не были они той классической безотцовщиной, с которой взрослые отчаивались, не зная как справиться. Держась внутренне обособленно, эти мальчики выделялись некоей цельностью, не умели виновато заискивать и просительно заглядывать в глаза. Потому что у этих мальчиков были матери, которые, не говоря никаких слов, умели непостижимым образом вложить в души своим сыновьям, что замечательные отцы их живы.

ЭТИ мальчики видели, как из последних и лучших крох собирались узелки с передачей, упаковывались посылки, как писались по ночам письма... Знали: это отцу.

Догадывались, почему у матери заплаканы глаза после возвращения из очередной инстанции. Мальчики ни о чем не спрашивали. Только еще крепче верили: что-то непременно изменится в мире к лучшему, и их отцы вернутся.

Примечательно, что собираясь погонять мяч во дворе или порыбалить на речку, не было случая, чтобы кто-то стал расспрашивать другого или распространяться сам о своем, вроде как непостижимым образом исчезнувшем, отце...

Володя Щадилов не был исключением. Рядом росли такие же дети – Степановы, Чалины – они тоже ждали своих отцов и также верили в их возвращение.

Спустя годы, повзрослев, став Владимиром Николаевичем, будучи сам обременен



Евгения Александровна
Полухина-Щадилова, мама Владимира

отцовством, с бьющимся сердцем он листал странички скудного маминго архива. Так нашел он старый, желтый и хрупкий, от 14 мая 1934 года, № 109 (858) многотиражной газеты «Ударник» Тульского оружейного завода, где было выступление отца, секретаря парторганизации цеха № 5, токаря Николая Ивановича Щадилова. Это было за четыре года до его ареста.

Сколько лет прошло! Строки на сгибах поистерлись, многие слова только угадывались. Но эти строки, эти слова были для сына единственным средством почувствовать отца, уловить «запах времени», в котором жил и трудился отец...

А Николай Иванович докладывал собранию о том, что решение о разукрупнении партийных групп оказалось верным шагом, и это подтверждается жизнью. Например, у т. Мишакова под началом теперь не 45 человек, а 13, в результате появилась возможность дойти до каждого. Так, коммунист Шабловский несколько месяцев не платил взносы. Мишаков навестил его, посмотрел, как живет его семья. Оказалось, на одного работника семь ртов. Партгруппа позаботилась, чтобы взяли в завод на работу жену Шабловского. И положение в семье улучшилось, и вопрос об уплате взносов отпал.

Взялись за бракоделов и лжеударников. Стал хорошим наладчиком ранее работавший с холодком Денисов. Выдвинут на руководящую работу ранее неактивный коммунист, но опытный рабочий Тутаев. А кроме него, еще 13 человек. Каждый пятый коммунист в цехе имеет свое поручение, в частности, руководит своим «десятком» по распространению займа. В результате цех № 5 первым отчитался о размещении займа.



Николай Иванович Щадилов,
отец Владимира Щадилова

Примечание 1.

Сами по себе займы не были новинкой, эта форма укрепления экономики использовалась в России ещё и в XIX в. Не отказалась от такого хода и советская власть. Пиара тогда в таком оголтелом виде, как нынче, еще не существовало, поэтому бремя активного развития системы государственных займов возложено было прежде всего на коммунистов, а движителями этого дела на местах стали секретари парторганизаций. Ну, те и старались, каждый в меру своего понимания, рвения, способностей.



Материально-бытовые вопросы тоже в поле зрения цеховой парторганизации. Добились решения о предоставлении квартиры хорошему бригадиру Морозову. Старых кадровиков Богданова и Татынского послали на курорт.

Забьются, чтобы был всегда кипятилок в цехе, ежедневно вывешивается меню заводской столовой, каждые два дня предоставляется людям возможность проверить свои облигации, а то обнаруживается много не востребованных выигрышей, потому что не все своевременно получают такую информацию, и вот рабочий Баранов получил выигрыш сразу по трем облигациям.

Примечание 2.

ЦИК и СНК Постановлением от 30 апреля 1930 г. дали старт займу «Пятилетка – в четыре года». В ходе подписки подняли «контрольные цифры» до 1.120 млн. руб. Президиум ВЦСПС обратился к трудящимся с предложением отдать займы государству двух-трехнедельный заработок. Однако на местах приветствовалась инициатива: «Месячный заработок – взаём». К 1957 г. в стране были выпущены облигации 65 займов.



А вот с оплатой выигрышей дело шло очень туго... Упала доходность — до 3–4 процентов. Сроки погашения сдвигались на 19, потом 20 и более лет, проводилась унификация облигаций.

Но, конечно, цель преследовалась благородная – изыскать средства на проведение в СССР масштабных преобразований.

В 1957 г. система принудительных займов была свернута.

В настоящее время выплаты по еще имеющим реальную силу займам снова отложены. Наиболее продвинутые граждане – держатели облигаций, – решились, наконец, обращаться в суд. Первый смельчак за вложенные в свое время тысячи рублей «отсудил» 27 рублей с какими-то копейками, а истцы «нового поколения» отыгрывают у государства через Страсбургский суд уже и по тысяче с лишним евро.





«Недостатков в нашей работе еще очень много, но под руководством партийного комитета мы будем их устранять и устраним», – так закончил свое выступление секретарь парторганизации цеха № 5 Николай Иванович Щадилов.

* * *

Это было в мае 1934 г. Воли оставалось Николаю Ивановичу еще три года и девять месяцев. Но беды он, как говорится, не предчувствовал. Ибо всё у него складывалось в жизни правильно и надежно: более того (совсем незадолго до ареста 7 октября 1938 г.), Николай Иванович сообщил молодой жене, что у руководства есть намерение послать его в Москву на учебу, с перспективой повышения по работе. Поэтому, когда Николая Ивановича арестовывали, он, передавая сына с рук на руки жене, спокойно заверил, что причин для тревоги нет, очевидно, опять неувязка вышла, быстро разберутся и отпустят. Так ведь уже было...

Действительно, вот и подтверждающая бумага.

**«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 40
заседания Бюро ГК ВКП(б)
от 8 сентября 1935 г.
п.13. Заявление т. Щадилова
(ГК ВЛКСМ)
О СНЯТИИ С НЕГО ВЫГОВОРА**

1. Ввиду того, что решение бюро ГК ВКП(б) от 28.03.35 г. о вынесении выговора т.Щадилову было принято в его отсутствие, – считать возможным пересмотреть это решение.

2. Заслушав объяснение т.Щадилова, выговор, объявленный ему решением бюро ГК ВКП (б) от 28.03.35 г., – снять.

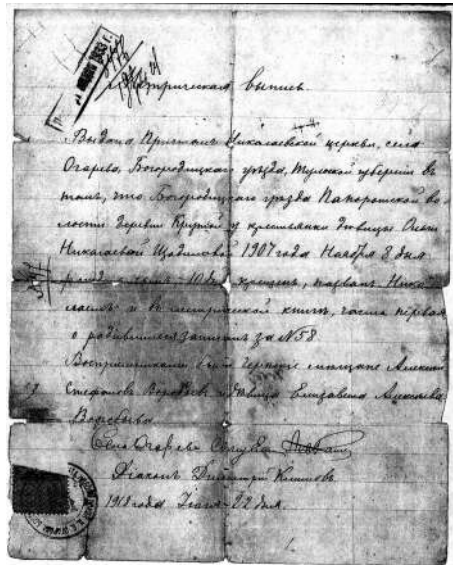
Секретарь горкома ВКП(б) Сойфер».

(Круглая печать под выпиской, между прочим, «МГК Московской области», – Тула тогда входила в состав Московской области, а подписавшего документ тов. Сойфера ожидала вскоре та же участь.)

Да, в 1935-м дело обошлось, но сейчас... Трепыхался в душе теплый птенчик надежды... И этой надеждой мать и сын жили долгие годы, десятилетия!..

* * *

...А родом Н.И.Щадилов был из крестьянской семьи. Метрическая выпись, свидетельствует: «... у крестьянки девицы Ольги Николаевны Щадиловой 1907 года ноября 8 дня родился сын, – 10 дня крещения, назван «Николаем» и в метрической книге, часть первая, о родившихся, запись № 58». Восприемники: чернские мещане Алексей Стефанов



Воробьев и девица Елизавета Алексиева Воробьева.

Подпись села Огарева диакона Климова. И круглая печать причта Николаевской церкви с. Огарева Богородицкого уезда.

Рос мальчик здоровым и крепким, с малых лет был помощником в хозяйстве. Но жизнь становилась все труднее и голоднее. Мать забрала сына и в 1923 г. переехала с ним в Тулу. Она думала: на таком огромном заводе, как оружейный, найдется дело ее работающему, старательному малому. Так и вышло. Между тем сыну подоспело время идти в Красную Армию, с 29 по 31 год служил рядовым (человек, окончивший четыре класса сельской школы по тем временам считался достаточно высокообразованным). В мае 1928 г. Николая приняли в ВКП(б).

В июле же 1929 г. получил важное поручение: был откомандирован на решение остро стоящей для всего государства продовольственной проблемы. Впрочем, лучше предоставить слово документам.

**«ХЛЕБОЦЕНТР»
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 160**

9 июля 1929 г.

Предъявитель сего тов. Щадилов Николай Иванович, являясь членом бригады, организованной ВЦСПС совместно с Хлебоцентром, направляется по линии хлебной с.-х. кооперации для участия в работе по:

а) организации уборочной кампании и обмолоту хлеба;

б) оказанию содействия системе по усилению хлебозаготовок, в частности, сбору законтрактованной продукции;

в) проведению кампании по контрактации озимых посевов и помощи в работе низовым звеньям системы по производственному кооперированию и коллективизации сельского хозяйства.

Просьба ко всем заготовительным, а равно партийным, советским и другим общественным организациям оказывать тов. Щадилову всяческое содействие в его работе.

Срок командировки 2 (два) месяца».

Удостоверяет документ круглая печать «Хлебоцентра».





Как же справился Николай Шадилов с возложенной на него немыслимой новизны и трудности задачей? Предоставим слово документам.

Выданная в августе 1929 г.
Миллеровским Сельско-Хоз.
Кредит. Коопер. Т-вом Донокруга

«ХАРАКТЕРИСТИКА

с 19 июля по 12 октября

Заверяют своими подписями члены правления Галахов, Логодин и круглая печать Товарищества. Документ за № 884 отправлен по месту требования из почтового отделения с. Голодеевка Таокруга, ст. Миллерово.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Дана товарищу Шадилову Н.И. в том, что он, находясь на работе Уполномоченным по хлебозаготовке, работал активно и добросовестно, практически его работа выражалась в организации красных обозов.

Инструктирование кооперативных уполномоченных, проводил собрания в населенных пунктах в районе деятельности с.х. т-ва под нашим руководством, масса крестьян остались с хорошим мнением о тов. Шадилове».

Ростово-Пригородный
Укрупненный Районный
Полеводческий союз
Льско-Хозяйственной кооперации
Райполеводсоюз

дел. № 1369 1929 г.
г. Ростов на Дону,
улица Фр. Энгельса, ч. 21.
адрес: Районный №
Мислосава №

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Настроил дана Правлением Пригородным РАЙ-
ПОЛЕВОДСОЮЗОМ представителю рабочей бригады Хлебо-
центра тов. ЩАДИЛОВУ Н. в том, что за время работы
его с 12 июля до 12 октября в Миллеровском с.х.Кред
товариществе он действительно добросовестно выполнил
возлагаемые на него поручения в работе по усилению
хлебозаготово и проводил организационную работу по
указанию РАЙПОЛЕВОДСОЮЗА.-

РАЙОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ
Щадилов Н.К.
Щадилов Н.К.



Примечание 3.

Первые советские реформы по административному делению проводились в 1925–1929 гг: полностью ликвидированы губернии, созданы области, края, районы. Новый лозунг: «Вперед к крупному зерновому хозяйству!» Уместна военная терминология: еженедельный информационный бюллетень публикует вести с **«фронта сельхоззаготовок»**. «Хлебоцентр» держит это дело под своим контролем вот уже третий год... «Красные обозы в системе хлебозаготовительных реквизиций» – да, красные обозы – как рычаг и система. Коллективизация как неизбежность. Ко всему этому молодой коммунист Николай Щадилов успел прикоснуться только на время командировки. Но горячее дыхание эпохи уже ощутил.



Формируется очередной «красный обоз»



...Сидим с Владимиром Николаевичем на скамье в студенческом городке возле спортивного корпуса, напротив нас стела политехникам, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной. По аллее молодые родители дружно катят коляску с малышом...

«А меня злой рок разлучил с моим отцом, когда мне было один год и восемь месяцев... Но мне всегда казалось, что я отчетливо помню и представляю его... И уж точно знал, что был он хорошим семьянином, любящим отцом. Хотя наши беседы с мамой о нем были нечасты и немногословны. Касались только бытовых, семейных моментов... А однажды, когда мы с мамой возвращались к своему дому № 37 по нашей ул. Свободы, нам встретился мужчина, который работал с отцом, хорошо знал его. Мужчина остановился и сказал, обращаясь ко мне: «Твой отец был честным и правильным человеком». Эти слова постоянно жили во мне и живут».

Мы уже успели достаточно погулять, Владимиру Николаевичу надо было поспешить домой – к приёму лекарств. Опираясь на трость, он удалялся, мне же в продолжение общения остался конверт с бумагами, цены не имеющими. Судите сами: Метрическая выпись от 22 июля 1918 года; выписка из протокола заседания бюро Тульского горкома ВКП (б) от 8 сентября 1935 года; анкета репрессированного – из НКВД, от 7 февраля 1938 года; а далее – внушительная подборка ответов из органов Главной военной прокуратуры СССР, Тульской областной прокуратуры, Военной коллегии Верховного Суда СССР...и т. д.

Чудовищность ситуации в том, что все годы хлопотали о живом, а человека уже не было, он был расстрелян – на третий день после ареста!

СПРАВКА из Тульской прокуратуры № 1с-355 от 2 сентября 1955 г. – в ответ на запрос Володиной мамы, Евгении Александровны Полухиной, прислана по их старому адресу: ул. Свободы, д. 37, кор.1, кв.10.

«Ваше заявление о пересмотре дела Щадилова Николая Ивановича, поступившее из прокуратуры СССР, нами проверено и направлено для разрешения помощнику военного прокурора Московского военного округа (г. Тула), куда и надлежит обратиться. Зам. прокурора Тульской области старший советник юстиции И. Савушкин».

НКВД

Анкета арестованного

В О П Р О С Ы	О Т В Е Т Ы
1. Фамилия <i>Шагинев</i>	<i>Шагинев</i>
2. Имя и отчество <i>Николай Иванович</i>	<i>Николай Иванович</i>
3. Год и место рождения <i>1907</i>	Родился <i>1907</i> г. обл., край <i>Тюменская</i> р-н <i>Березовский</i> гор. село <i>Ольга</i>
4. Постоянное место жительства (адрес)	<i>В. Тюмен. губ. Советская ул. д. 10 корпус 3, кв. 12</i>
5. Место службы и должность или род занятий	<i>Тюмен. Райком изд. дел.</i>
6. Профессия и профессиональная принадлежность, Х. обряда	<i>Писатель Писательской организации</i>
7. Имущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с.-х. и индустри. Если коллективизация, указать имущ. положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз)	<i>Женатый, двое детей</i>
8. То же до 1929 года	<i>Женатый</i>
9. То же до 1917 года	<i>Женатый, двое детей</i>
10. Социальное положение в момент ареста	<i>Интеллигент</i>
11. Служба в царской армии и чин	<i>Не служил</i>
12. Служба в белой армии и чин	<i>Не служил</i>
13. Служба в Красной армии. а) сроки службы б) воинская категория	<i>Служил в 1920-21, 1922. 1923-24 № 175</i>

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:
14. Социальное происхождение	из крестьян
15. Политическое прошлое	
16. Национальность и гражданство	Русский, С.С.С.Р.
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета	Член ВКЗ (В) с 1928.
18. Образование (подчеркнуть и указать точно что закончил):	Высшее, среднее, <u>нижнее</u> , неграмотен
19. Категория воинского учета	К.Т.Б
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение	Под судом и следствием не был.
21. Состояние здоровья	Здоров.

22. Состав семьи: перечислить отца, мать, сестер, братьев, сыновей и дочерей (их фамилия, имя и отчество, место службы и должность или род занятий и адрес):

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Место работы, должность или профессия	Место жительства
Отец	Полухин Евгений Александрович	30 лет	Завод № 9 коммунальный	3 тупик ул. Свободы дом № 14 корпус В кв.
Сын	Магидов Владимир Иванович	20 лет	—	—
Мать	Магидова Ольга Ивановна	50 лет	Работает дома	Коммунальный № 14.

Подпись арестованного

Магидов

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован 3-го февраля органами ЧОБВ
3. Особые примечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

Магидов

3-го февраля 1938 г.

Примечание 1-е. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.

Примечание 2-е. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

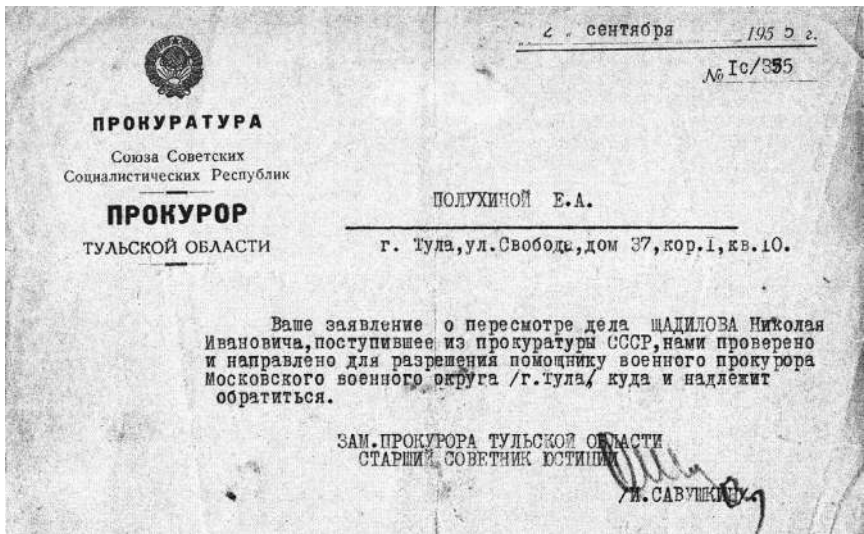
19 января 1956 г., ответ Главной военной прокуратуры Союза ССР №9н-42581-39. «Сообщаю, что поступившая от Вас жалоба Главной военной прокуратурой рассмотрена и дело Щадилова Н.И. направлено на рассмотрение в Верховный Суд СССР. Военный Прокурор Отдела Главной Военной Прокуратуры подполковник юстиции...» (подпись неразборчива).

СПРАВКА Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 15 марта 1956 г. №4н-0304-56.

«Дело по обвинению Щадилова Николая Ивановича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 8 февраля 1956 г.

Приговор Военной Коллегии от 7 октября 1938 г. в отношении Щадилова Н.И. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции А.Чепцов».

А эта рукописная бумажка – не то справка, не то записка, в верхней строке датированная **16 марта 1956 г.**, скоропись едва разборчива, без штампея, без печати, но всё же на



половинке бланка Верховного Суда СССР, в последней, нижней строке имеет дату **17.02.56 г.** «На Ваше заявление от 5 марта 1956 г. сообщаю, что за получением свидетельства о смерти Вашего мужа Щадилова Николая Ивановича Вам следует обратиться в местные органы ЗАГСа, куда нами будет дано соответствующее указание.

По вопросу возвращения конфискованного у Вас имущества Вы обращаетесь в УКГБ по Тульской области, куда указание нами дано. Офицер Военной Коллегии капитан В.Владимиров».

К слову о компенсациях.

Сегодня мое дежурство в нашем «Мемориале», принимаю взносы у старейшего коллеги, зашла речь о компенсациях и льготах репрессированным, сетует, что из всех льгот остались единожды в год выплачиваемые 500 руб., а компенсация – в двойном размере заработной платы на момент репрессии – также выплачена была единожды, по случаю присвоения статуса «реабилитированного». Владимир Николаевич тоже ярко запомнил день получения этой компенсации. Это было во время Московского фестиваля молодежи и студентов. Маме, Евгении Александровне, выплатили целых 300 рублей(!), по тем временам это считалось немаленькой суммой. Евгения Александровна решила купить сыну настоящий взрослый костюм. И когда Владимир облачился в обновку, ему показалось, что теплые ладони отца легли ему на плечи.

Следом пошла реакция по партийной линии. 16 октября 1956 г. за № 744. Е.А.Полухина получила сообщение в 5 строк за подписью члена Партийной комиссии при Тульском обкоме КПСС П. Акимова:

«Партийная комиссия при Тульском обкоме КПСС сообщает Вам, что решением Тульского обкома КПСС от 15 октября 1956 г. Ваш муж ЩАДИЛОВ Николай Иванович, состоявший членом КПСС с мая 1928 г., реабилитирован в партийном отношении (посмертно)».

И только 13 июня 1996 г. из Прокуратуры РФ по Тульской области за № 13-537-96 пришла справка на имя Владимира

Николаевича Щадилова, сына – расстрелянного 58 лет тому назад – Николая Ивановича Щадилова – о признании пострадавшим от политических репрессий. И в этой справке сын впервые прочитал, черным по белому прописанную, несуществующую вину отца: *«7 октября 1938 г. военной коллегией Верховного Суда СССР за участие в право-троцкистской диверсионно-вредительской и террористической организации к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведен к исполнению 7 октября 1938 г.»*

* * *

...Текли годы немыслимо трудного бесплодного ожидания...

И какая же это дьявольски хитроумная машина была, иезуитски мучила людей неизвестностью и ожиданием. Кто бы помыслить мог, что государство играет с несчастными в кошки-мышки. Ведь уже с 1 декабря 1934 г. действовал закон, который предписывал следующий порядок рассмотрения дел:

1. Следствие заканчивать в срок не более 10 дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Ссылка 1. Из закона о порядке рассмотрения дел, 1 декабря 1934 г. (**ГАРФ. Ф.3316.Оп.12 Д.516 Л.4**).

А позднее, по прошествии «10 лет без права переписки», просто вошло в обыкновение в свидетельства о смерти расстрелянным в строку «причина смерти» писать, например, «крупозное воспаление легких» или «кровоизлияние в мозг». Дату смерти ставить произвольно.

Ссылка 2. «...ничего не изменилось и после смерти Сталина. 18 августа 1955 г. Президиум ЦК КПСС оставил в силе существующий порядок выдачи справок о судьбе осужденных. На основании этого решения тогдашний председатель КГБ СССР И. Серов спускает органам КГБ на местах развернутое **Указание № 108сс от 24 августа 1955 г.** В нем под грифом «Совершенно секретно» предписывается по-прежнему сообщать родственникам расстрелянных, что те

были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания наказания.

Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительная) и место жительства осужденного до ареста.»

(Как же ко времени, как промыслительно оказалась у меня на столе эта книга – «Без права переписки. Связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей». М., 2017, Agey Tomesh, высланная коллегами НИПЦ «Мемориал», откуда и взяты были данные ссылки).

* * *

Но вот Владимир Щадилов уже студент Тульского механического института. Предмет политэкономии вела Лидия Ивановна Корнилова. Фронтовичка, кавалер ордена Красной Звезды. В 16 лет вместе с госпиталем, дислоцировавшимся в её школе № 39, уехала из дома, сначала в Москву, потом стала пробираться на фронт; далее - плен, побег, партизанское соединение, кавалерийская, танковая части, Курская дуга, контузия... Орден Красной Звезды. Воевали все братья Лидии Ивановны: младший Михаил сложил голову в Чехословакии, брат Константин погиб во время партизанской операции, Дмитрий единственный пришёл с войны живым. Все Корниловы горели желанием «смыть пятно позора». Никто из них ни в какой «позор» Николая не верил, но «смыть и доказать» было делом чести, было жизненно важно. Старший брат Николай, выпускник Ленинградского механического, ведущий инженер Тульского оружейного, был объявлен врагом народа, шпионом, расстрелян в том же Тесницком лесу. Всю семью, вместе с тяжело больным отцом, выбросили из заводской хорошей квартиры в сырую каморку. Вернувшаяся с войны, закончившая университет и ставшая преподавателем, коммунист-фронтовик Лидия со всей энергией и верой в правоту, бросилась во все инстанции. Однажды её вызвали в бюро горкома партии. После заседания летела на занятия, как на крыльях: на бюро огласили имена реабилитированных оружейников. Прозвучала фамилия брата Николая, и еще уловила «Щадилов»... Кажется, был в потоке студент с такой фа-



Владимир Николаевич
Щадилов (в 2000-е годы)

милеей... Не частая всё же. А вдруг!..

Об этом рассказал мне Владимир Николаевич в начале той прогулки по студенческому городку, когда спросила его, а КАК он узнал о реабилитации отца. «Вошла, необычайно взволнованная и сходу: «Есть среди вас студент Щадилов? Встаньте! Вашего отца звать Николай Иванович? СЕЙЧАС, на бюро горкома партии, фамилию Вашего отца назвали в списке реабилитированных».

И оттого, что брата этой удивительной женщины и его отца звали одинаково «Николай Иванович», и у обоих была одна судьба, Корнилова показалась

давней и близкой родственницей. Домой, к маме, Владимир тоже летел, как на крыльях.

* * *

А как же выстроилась жизнь сына Николая Ивановича Щадилова? Закончил Владимир известную в Туле исключительной математической выучкой мужскую среднюю школу № 4, что стало решающим в выборе факультета и специальности: машиностроительный факультет, автоматическое оружие.

По окончании вуза был распределен в «почтовый ящик», нынешнее КБП (Конструкторское Бюро Приборостроения). Этими фактами многое сказано: закрытая специальность; предприятие, куда брали самых блестящих выпускников. 10 лет безупречной службы в КБП, великолепная конструкторская практика; затем три года в Минприбор «Проектавтоматика», далее в течение 14 лет – начальник отдела, заместитель директора, и шесть лет – директор НИИСУ Госнаба СССР, работа в возглавляемом академиком В. А. Трапезниковым академическом институте ИПУ ... Куда выше! И всё равно, как два пишем один в уме, жила в Щадилове-младшем и отзывалась неизбывной тревогой судьба отца.



Евгения Александровна
Полухина-Щадилова

Вырастил Владимир Николаевич и достойных продолжателей своего рода: сына и внука. Но, оглядывая прожитое, признается самому себе, что всегда довлело над ним: «доказать». Но что? Кому? Зачем? Да затем же, чего страстно желали и Корниловы: чтобы на потомков не легла и тень «позора»...

А как мама? Евгения Александровна работала экономистом в плановом отделе номерного, 535-го завода (ныне Тульский машиностроительный). Пришлось и ей пережить мучительно-тревожные моменты. Снова начались проверки, «беседы» с сотрудниками КГБ. И пропасть бы ей, если бы не решительное



заступничество директора Бориса Михайловича Пастухова, поднимавшего ТОЗ после эвакуации с Урала. Бескомпромиссный, могучий человек был, чудом не коснулись его репрессии. Защитил молодую мать: «Работай, Женя, спокойно работай!» И проработала на одном заводе полвека. Умерла в 79 лет.

Первым шагом Владимира Николаевича, когда стал только обозначаться контур будущего мемориала «Тесницкий лес», была установка памятного креста на месте расстрела отца. По своему нынешнему физическому состоянию Щадилову уже не по силам навещать «могилку», поэтому попросил членов правления нашего «Мемориала» возложить самые лучшие цветы на символическую могилу его отца, оплатив не только букет, но и такси...



Крест в «Тесницком лесу», поставленный Николаю Ивановичу Щадилову его сыном Владимиром



...Тесницкий лес...

Бывая там, мы стараемся воспринимать его как место последнего упокоения наших близких... А ведь это, безусловно, место КАЗНИ.



Но постояннонося в себе боль невосполнимой и ничем никогда не компенсируемой утраты, приехав сюда, побродив по лесу меж крестов и памятных плит, выстояв литургию в память невинно убиенных пред открытыми дверями храма, чувствуешь, как внутри тебя что-то отпускает и становится возможно дышать, и высыхают слезы. Уезжаешь из Тесницкого с восстановленным миром в душе.



**Лидия
КОРНИЛОВА**

**ТИХО ПАМЯТЬ
ПЛАКАЛА**



ТИХО ПАМЯТЬ ПЛАКАЛА

ЭТУ публикацию разыскала я в своем архиве (бывшего редактора вузовской многотиражки Тульского государственного университета, тогда называемого горожанами коротко «политехом»). Редакция была тем местечком, куда заходили на чашку чая, на огонек – поскольку свет в редакции, и правда, горел нередко до полуночи, иные забегали на перемене просто выкурить сигаретку. Преподаватель кафедры политэкономии, кандидат экономических наук, участница войны, член редколлегии **Лидия Ивановна Корнилова** была не только частым, но очень желанным гостем. Этот человек стоит отдельного очерка. В данном случае извлекаю уже из исторических недр опубликованные в трех номерах газеты «За инженерные кадры» воспоминания Корниловой «Тихо память плакала».

Сентябрь 1989 г. Еще в областных СМИ серьезно не подступались к теме политических репрессий, а в нашей тиражке мы старались вести волнующую всех тему практически из номера в номер. И прошу заметить – ни ректорат, ни партком ни разу не воспрепятствовали этому. А работавший в редакции на полставки курьером студент с утра разносил по факультетам, общежитиям и службам свежий номер, причем секретарь парткома Николай Николаевич Фролов был неизменно первым, кто с удовольствием выхватывал из рук курьера свежий номер.

Итак, слово самой Лидии Ивановне...

Надежда ТЮЛЕНЕВА,
с 1977 по 1991 гг. – редактор газеты
«За инженерные кадры»
Тульского политехнического института

* * *

Под убаюкивающей рубрикой «Справедливость восстановления» областная газета «Коммунар» напечатала: «...посмертно реабилитирован... Корнилов Николай Иванович, 1909 г. рождения., член ВКП(б) с 1930 г.», до ареста, в феврале 1938 г. был начальником второго отделения Тульского оружейного завода. Добавлю, по совместительству преподавал в Тульском механическом институте. Это – мой старший брат.



Со дня ареста прошло более полувека, и было бы ему сейчас 79 лет, но мертвые не стареют, и для его родительской семьи (своей он завести не успел) он навсегда остался таким, каким погиб – 28-летним, живым, полным сил Колей. И моя память о нем свежа, благодарна, а боль не притупилась.

Коля был объектом гордости и поклонения всех семи членов семьи, безусловным авторитетом, верховным судьей, образцом для подражания. Самые младшие его просто обожали. И было за что.



Лидия Ивановна, кандидат
экономических наук,
преподаватель высшей школы

ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ

ИЗ ЗАТЕРЯННОЙ в архангельском лесу деревеньки за 90 км от железной дороги он дерзнул вырваться в Ленинград и без какой-либо помощи из дома (отец стал инвалидом труда еще в 1924 году, мать-туберкулезница и четверо младших детей), окончил военно-инженерный институт. Помню, как мать тайком вытирала слезы, глядя на студенческую фотографию брата с исхудавшим лицом, и украдкой вкладывала в письмо один или два рубля, чтобы послать сыну. В 1932 г. Коля стал первым инженером в семье, да и в стране их было не густо.

За старшим покинули дом двое других братьев, Дмитрий и Константин – и тоже получили образование.



Слева направо: Лидя, мама Евдокия Павловна,
младший брат Миша, папа Николай Иванович



Еще все вместе: впереди на стульчиках младшие –
Миша и Лидка, во втором ряду – родители
и Николай, стоят Константин и Дмитрий



Предметом гордости семьи было также преподавание Коли в институте, кроме того, он продолжал учиться в Ленинграде уровнем где-то еще выше института, – тогда я не знала, что это называется аспирантурой. Не раз видела, как он вскакивал ночью и сидел за столом с настольной лампой, потом говорил матери, что ночью пришло решение задачи, и он встал, чтобы записать его. Мне эти занятия казались чем-то необычайным, таинственно-важным.

Высокий, подтянутый, русоволосый, сероглазый, с интеллигентными манерами, казалось, не знавший ни грубых слов, ни резкого тона в противовес отцу (в минуту гнева не стеснявшемуся в выражениях), он определял весь уклад жизни семьи.

Прежде всего, в 23 года он стал единственным ее кормильцем, взвалил на свои плечи четырех иждивенцев, в том числе и меня. Был фактически главой семьи. Коля не любил «барахла», кроме самого необходимого, соглашался приобретать только книги: дома много читали. Даже отец, никогда не знавший школы и самоучкой выучивший грамоту, записался в библиотеку и без конца читал, особенно по темам истории. Когда приезжали братья, Константин и Дмитрий, в се-

мье шли шахматные баталии, в подражание старшим и младшие очень рано познали и полюбили эту сложную для них игру. Все 50 лет мы бережно храним призовые шахматы Николая с монограммой на торце доски: *«Участнику команды цеха, занявшей первое место на заводском первенстве по шахматам. 8.III.35 г.»*.

Коля любил музыку, играл на струнных, часты были нехитрые домашние концерты: соло на балалайке вел брат, гитарный аккомпанемент под его руководством – я, мама пела. Когда собирались друзья или братья, шли политические разговоры, даже споры. Думаю, брат был бы не из последних политических лидеров. Будучи 14 лет, еще в 1924 г. в лесной глухомани он организовал комсомольскую ячейку. Мать рассказывала, как бушевал отец, когда односельчане на Рождество шли в церковь, а братья убежали в клуб играть антирелигиозную пьесу. Помню также толпу любопытствующих подростков под нашим окном, где братья «испытывали» самодельный деревянный самолет собственной конструкции и изготовления.

В Ленинграде Коля сначала учился в механическом техникуме, был там членом культштаба в 1930 г. и, видимо, значился не последним, если через два года учебы был приглашен на студенческую скамью в институт. В институте, в 21 год, стал членом партии, что было тогда редкостью в студенческой среде.

В общем, жили как-то приподнято, хотя и трудно. Продовольствие распределялось по карточкам: детям и иждивенцам полагалось по 200 граммов хлеба в день, а на рынке буханка хлеба была равна зарплате брата-инженера: 300 руб. Видела в 1933 г. опухших от голода женщин, жевавших придорожную траву. Я бежала за ними, чтобы отдать дневную пайку хлеба... Но жизнь постепенно налаживалась, отменили карточки, брата повысили по службе, прибавили зарплату. Подрастали младшие, ловили каждое слово брата, повторяли, как аксиому: «Коля сказал!»

Однажды отец вошел в комнату смертельно бледный и с тревогой произнес: «Кирова убили!» Конечно, в 9 лет я не знала, кто такой Киров, но вздрогнула, почувствовав трагедию в голосе отца. Вскоре поползли слухи о вредителях, дети на митингах не присутствовали, но были растревожены поисками вражеских символов на обложках школьных тетрадей, в песнях, стихах, изъятых книгах. До ушей доходили слухи об аресте соседей, о «черном вороне», который увозит людей по ночам. Всё настора-

живало, но проходило мимо нас. И вдруг 9 февраля 1938 г. я проснулась ночью от шума в соседней комнате, а утром мне мама сказала, что нашего Колю и Юрия (сосед по квартире) увели, то есть арестовали.

Через 18 лет УКГБ по Тульской области мне выдаст документ о смерти брата, наступившей 7 апреля 1938 г. «от кровоизлияния в мозг». Что это? – замаскированный расстрел или допрашивали так, что вызвали кровоизлияние в мозг у 28-летнего здорового крепкого мужчины.

Таких миллионы, рядовых. Ни песен о них не споют, ни сказок о них не расскажут.

Глубоко убеждена, что Николай Иванович был хорошим, неординарным человеком и специалистом, не будь я сестра, сказала бы, талантливым. Это дерево, которое еще не расцвело, а было загублено, отчего семья потеряла опору, государство и нация – драгоценные крупы своего интеллекта и часть сильных молодых побегов в будущее. Слишком многих в варварстве потеряли, оттого так и бедны теперь.



СЛОВО «лишенцы» было расхожим до конституции 1936 г. и означало классово враждебный элемент, лишенный ряда гражданских прав, в том числе избирательных, зато обремененных дополнительными налогами и трудовой повинностью. К нашей семье это юридически не имело никакого отношения. Но – фактически...

Арест старшего брата сначала у всех нас вызвал шок: арестовывают ведь врагов народа, а советская власть – сама справедливость, конечно, там разберутся, и Колю отпустят! Но обращения к прокурору области ничего не дали, кроме оскорблений за то, что воспитали «контрреволюционера». Через пару дней появились дополнительные горькие, но еще мелкие «ягодки»: отобрали «казенное имущество» – старую уродливую кровать с проваленным пружинным матрацем, два стула, стол и тумбочку. Через неделю получили благодарственное письмо от командования пограничных войск, где служил Костя, благодарили за воспитание сына – надежного защитника

Родины. Еще через неделю «надежный защитник» явился в Тулу, уволенный досрочно не только из пограничной службы, но вообще из армии как брат «врага народа». Он стал свидетелем, как приходили конфисковывать имущество Коли, но ушли с пустыми руками – взять было нечего.

Вскоре мы поняли, что арест Коли для нас – полнейшая катастрофа. Прежде всего, двое больных стариков и двое детей – 10 и 12 лет – остались без куска хлеба.

Отец устроился сторожем в артель инвалидов, официально это называлось чернорабочим. Чтобы не голодать, он брал под охрану несколько магазинов, а после бессонной ночи нередко шел по дворам пилить дрова. Дети тоже искали заработок: мне случалось нянчить малышей, вышивать, собирать с младшим братом носики клена, стручки акации и сдавать на семеноводческую станцию, за это тоже немного платили.

Экономии жестоко на всем. В квартире не было радиотрансляции, чтобы не платить; газет не выписывали; кино смотрели только бесплатное; белый хлеб не смели есть с маслом, так как это считалось дорого, а сваренные макароны не жарили, чтобы не расходовать много жира; конфеты доставались нам только в новогодних подарках. Я ни разу в жизни не была в пионерлагере, потому что нужно было платить, и т.д. Я считалась эгоисткой, так как до исступления хотела учиться в школе, и тогда младший брат ушел из шестого класса школы на гособеспечение в профтехшколу, чтобы облегчить бремя отца.

Обрушилась новая беда – потребовали освободить квартиру. На наших глазах соседку-артистку облдрамтеатра, с грудным и пятилетним детьми, после ареста мужа выселили прямо под лестницу, где даже окон не было. Нам все же повезло: дали в красноперекопском бараке конуру с толстым слоем льда на двух стенах, площадью в 11 кв.м, из которых 1 кв.м занимала печь. Отец рассказывал, что на работника завода, выдавшего ордер на эту конуру, посыпались обвинения в заботе о враге народа, но он ответил, что не может выбросить на улицу инвалида, члена союза металлистов (отец получил инвалидность на лесосплавах общества Путиловского завода). Как видите, были и тогда мудрые и мужественные люди. В этой связи хочется сказать еще об одном очень достойном человеке, бывшем завуче 17-й средней школы С.С. Протопопове. Будучи сам под ударом, как сын священника, он добился, чтобы

мне школа выделяла 15 копеек в день. Это было до слез дорогим подарком, тем более что без каких-либо просьб родителей.

Квартирные мытарства продолжались долго. Даже в 50-е годы я видела повестки с завода с требованием немедленно освободить занимаемую конуру и содрогнулась, как бедный отец постоянно живет под дамокловым мечом выселения. А женщину, которая заняла нашу бывшую квартиру, я встретила после войны, она работала в механическом институте уборщицей.

«Справлять новоселье» прибыл брат Дмитрий, бывший курсантом Ульяновского военно-технического училища. Его пожалели, позволили закончить училище и получить диплом (оставалось 3 месяца до окончания), однако, несмотря на блестящие характеристики, на кадровой службе не оставили, уволили в запас.

Но всего тяжелее была моральная угнетенность. Знакомые при встрече «не узнавали»; если отец здоровался первым, прежде чем ответить, тревожно озирались по сторонам. Родители со всеми потеряли связь – с друзьями молодости, с родствен-



Инженер Николай и курсант Дмитрий, начало 1938 г.

никами, даже с родным братом отца. Исчезли фотографии Николая со стен и альбомов, чтобы не повредить остальным детям. Отец все молчал, но был чернее тучи, срывал боль на домашних. Раньше мы почти не видели слез матери. Теперь по ночам, когда отец уходил на дежурство, я просыпалась от ее приглушенного тоскливого воя. Иногда мама с тоской в глазах и голосе обращалась ко мне, девчонке, в надежде получить каплю утешения. А я, бессильная чем-нибудь помочь, была от этого в шоке, чувствовала себя виноватой. Тогда она просила меня поиграть на гитаре, и я знала, что под рокот струн она слышит и видит Колю. Изредка мама все еще пела, но теперь только одну песню: «Отворите окно, отворите, мне недолго осталось жить. Отворите окно, отворите, не мешайте страдать и любить!»

Дома был ад, а спасением от него – школа. Не замечая голода, я пропадала там по 10–12 часов. Отец, не понимая причин этого, не раз меня жестоко бранил, возникало взаимное недоверие и глухая неприязнь.

Началась война с Финляндией. Дмитрий писал в ЦК партии, чтобы взяли на фронт хотя бы рядовым. Хотел смыть «пятно» с семьи. Жутко было смотреть, как рыдает суровый отец, получив об этом известие.

Родители все пытались узнать что-либо о старшем сыне. Сначала ходили в тюрьму, бывала там с ними и я. Справки, если это так можно назвать, выдавали короткие: сообщали либо «здесь», либо «выбыл», без каких-либо дополнений. День справок выделялся один раз в месяц с фамилией на одну букву алфавита. Несмотря на это, огромное, как вокзал, и свободное от каких-либо перегородок и мебели тюремное одноэтажное здание всегда было забито справляющимися, которые не помещались в здании и толпились на улице. Так много было в Туле арестованных.

Начали писать в прокуратуру, в НКВД, в Москву, мать обращалась даже к товарищу Сталину – никаких сведений ни об обвинении, ни о приговоре, ни о суде, ни о месте нахождения; Москва отвечала – «дело в Туле», а Тула посылала в Москву. Однажды какой-то чиновник сказал, что брат выслан на 10 лет без права переписки. Через 30 лет мы узнали, что такого приговора не существовало, точнее, это означало смерть, что подло скрывали власти и НКВД. А мы всё ждали...



ШЛИ годы, благодаря строгому счету мы не голодали. Митя не поступил на дневное отделение института, чтобы помогать семье. Мать одевала нас почти без новых покупок, выкраивала штанишки Мише и мне платья из своих дореволюционных, широких, длиной до пят юбок; отец сам чинил и строго следил за обувью, чтобы дольше носилась. Боль (боль – не обида, их надо различать) спряталась вглубь, искали силы жить – надо ставить на ноги младших.

Легион современных друзей и единомышленников Нины Андреевой презрительно называют всех, кто попал под мясорубку сталинских репрессий, обиженными на социализм и причисляют их к недобитым врагам советской власти, критиканам, клеветущим на «товарища» Сталина и наш строй.

Примечание.

В 1988 г. в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо Нины Андреевой, преподавателя Ленинградского университета. «Не могу поступиться принципами», сразу же вызвавшее шквал откликов, более всего возмущенных. Нина Андреева стала как бы знаменем антиперестроечных сил, врагом перестройки. Слава Богу, на дворе стоял не 1937-й год. – Н.Т.

Какими мы были в действительности, о чем думали, к чему стремились?

Примечательна в этой связи позиция отца, 1873 г. рождения, для которого революция была, вероятно, крутым и очень болезненным переломом всех устоев жизни, так как отвергалось всё, к чему он привык, в том числе мудрость прошлого, уважение к старшим, якобы носителям темноты и невежества. Когда он всерьез говорил, что «жил при трех царях, а теперь живу при четвертом – при Сталине», – мы, дети, снисходительно смеялись.

Бывший рабочий на лесосплавах, крестьянского происхождения, он сочувствовал советской власти за культ труда, но

никак не мог простить продотрядов, дела которых знал не понаслышке, ибо сам в них участвовал. Всякий раз, когда вспоминал, как реквизировали и под рев многодетной семьи уводили со двора кормилицу-корову, у него перехватывало горло и дрожали от волнения руки.

Отец при всей своей необразованности с одобрением смотрел на колхозную организацию труда, но в переселенцах, занесенных судьбой в глубокие архангельские снега, видел вовсе не агрессивных раскулаченных с Кубани и Украины. Став на лесосплавах инвалидом, отец вернулся в деревню, участвовал в организации колхоза, сдал туда все свое небогатое имущество, которое, хоть и скудно, но кормило семью, а вскоре был вынужден бросить все и уехать на иждивение к сыну в полуголодную Тулу (1932 г.). Практически это была «добровольная» экспроприация и прыжок в неизвестность.

Однако мы никогда не слышали от отца ни сожалений о «пропавшем имуществе», ни упреков в адрес власти, ни идеализации большевиков. Даже в аресте старшего сына он видел какую-то случайность, «запутавшую» Николая, но никак не беззаконие, и обращал свою мысль в сторону шуцбундовцев, работавших на заводе с Колей после разгрома восстания 1934 г. в Австрии.

Примечание.

*Альпинизм становился массовым спортивным движением в Советском Союзе, движению придали новый уровень иммигранты-шуцбундовцы, члены компартии Австрии. Ярким их представителем был Франц Зауберер, готовивший кадры альпинистов из бойцов РККА, начальник Балкано-Сванских горных маршрутов. Был арестован, обвинен в шпионаже, «отсидел» положенное и выдворен из Союза. Что называется, легко отделался. – **Н.Т.***

Вообще, размышляя над прошлым, обнаруживаю, что всем членам семьи – и старшим, и младшим – больше хотелось повесить в какую-то вину сына и брата, чем в несправедливость советской власти. С верой, что виновато не государство, а отдельный человек, было легче жить. Строго говоря, это был наш эгоизм.

Так хотелось, но не верилось, в душе прочно обосновался разлом: непререкаемый авторитет Коли и Советской власти.

Семейная катастрофа не подавила интереса к общественной жизни. Митя работал на Севере в райкоме партии. Костя состоял в комсомоле, я туда рвалась и уже загадывала о партии. Тогда страна напряженно следила за войной республики с фашистами в Испании. Про нее читали и пели, слагали стихи, дети повально ходили в шапках-испанках, скандировали: «Но пасаран!» и сжимали кулаки в салюте. Внутренне улыбаюсь незабвенной картинке: кормилец и кумир семьи арестован, семью выкинули из квартиры, кровать отобрали, а тринадцатилетняя девчонка лежит в постели на полу и ревет, спрятавшись под ватное одеяло. «Что случилось?» – спрашивает испуганная мать. «Валенсия пала!», – всхлипывает дочка.

А как мы встречали детей испанских республиканцев, которые были вывезены в СССР, как кружились около них, как ели глазами, как старались согреть и развеселить! В каждом из них мы видели героя-антифашиста. Помню, долгожданный и единственный в году рубль, который в качестве подарка на день рождения выдал мне отец, я потратила не на лакомства или кино, а на цветы для испанцев.

Со временем стало легче дышать, реже слышали об арестах, открыто заговорили о «ежовщине», о несправедливости массовых арестов, но пружины оставались скрытыми, а в биографии все определяло «черное пятно», и неизвестная, непонятная вина давила на сознание и жизнь всех оставшихся членов семьи. Где там обижаться, мы чувствовали себя виноватыми! За что? Перед кем? Сюжет для Шекспира...



НО вот пришла беда общая, перед которой отступили наши семейные невзгоды. Началась война. Активными участниками ее в семье стали четверо, хотя призывного возраста были всего двое, да и те не призывались – были «бронированы».

И тогда встречались разные люди, но основная масса была воспитана в духе жертвенности. Случалось, человек приходит в

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВПЕРЕД

„Наше дело правое.
Враг будет разбит.
Победа будет за нами.“
В. МОЛОТОВ.

(Из речи, произнесенной по
радио 22 июня 1941 года)

№ 49 (839) (Внеочередной) Понедельник, 23 июня 1941 года

Выступление по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова

22 июня 1941 года

Граждане и гражданки Советского Союза!
Советское правительство и его глава тов. Сталин пору-
чили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предупреждения каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города—Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со своей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойническое нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на виновных фашистских правителей.

ющегося задним числом состряпять обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ—отбить разбойническое нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а клыкой кровавых фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не в первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом.

В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

о мобилизации военно-обязанных по
Ленинградскому, Прибалтийскому особому,
Западному особому, Киевскому особому,
Одесскому, Харьковскому, Орловскому,
Московскому, Архангельскому, Уральскому,
Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому,
и Закавказскому военным округам

На основании статьи 49 пункт „л“ Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военно-обязанные, родившиеся в 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР **М. Калинин.**

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР **А. Горини.**

Москва, Кремль.
22 июня 1941 года.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения

На основании статьи 49 п. „л“ Конституции СССР объявить военное положение в Архангельской области, Белорусской ССР, Вологодской области, Гороневской области, Ивановской области, Карело-Финской ССР, Калининской области, Краснодарском крае, Крымской АССР, Курской области, Литовской ССР, Латвийской ССР, гор. Ленинграде и Ленинградской области, Молдавской ССР, Мурманской области, гор. Москве и Московской области, Орловской области, Ростовской области, Рязанской области, Смоленской области, Тульской области, Украинской ССР, Эстонской ССР и Ярославской области.

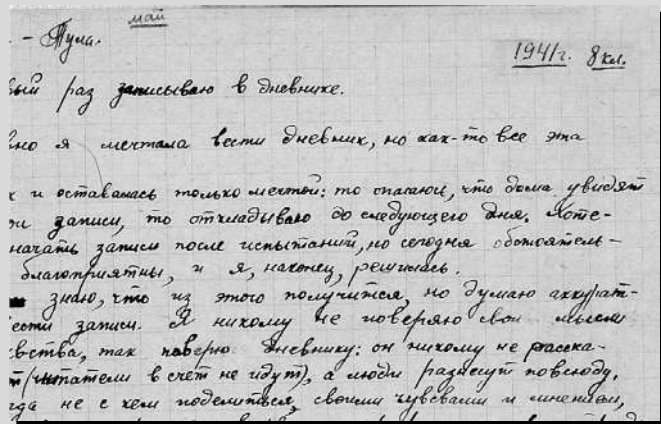
Председатель Президиума Верховного
Совета СССР **М. Калинин.**

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР **А. Горини.**

Москва, Кремль.
22 июня 1941 года.

1941

ДНЕВНИК УЧЕНИЦЫ 8 КЛАССА
ЛИДИИ КОРНИЛОВОЙ
Май-октябрь 1941 года



Май 1941 г.

Первый раз я записываю в дневнике.

Давно я мечтала вести дневник, но как-то все это оставалось только мечтой: то опасаясь, что дома увидят эти записи, то откладываю до следующего дня. Хотела начать записи после испытаний, но сегодня обстоятельства благоприятны, и я, наконец, решилась.

Не знаю, что из этого получится, но думаю аккуратно вести записи. Я никому не доверяю свои мысли, чувства, так пове- рю дневнику: он никому не расскажет (читатели в счет не идут), а люди разнесут повсюду. Иногда не с кем поделиться своими чувствами и мнением, они дают и стремятся вырваться на- ружу, и человеку трудно. Приходится держать этот груз при себе. Так же и мне,— ведь я не исключение. Я не одинока, у меня много подруг и товарищей, но я никому не доверяю, потому что за свою доверчивость уже не раз жестоко поплатилась, поэто- му я хочу довериться дневнику. Отныне дневник — мой лучший друг и товарищ. Интересно будет через, может быть, много лет прочитать записи. Быть может, я тогда, а, может быть, даже несколько дней буду смеяться, или даже ругать себя за то, что думаю сегодня.

5 июня 1941 г.

Кончаются испытания, и я перейду в 9-й класс. Пока сдала 5 предметов, осталось еще два. По всем ним, как будто, имею «Отлично». Очень тревожило сочинение, но по нему тоже «Отлично», (единственное в классе "Отлично" по сочинению).

Июль 1941 г.

Немцы подступают уже к Москве.

Из Тулы ехать не хочется, хотя и есть возможность выехать вместе с учителями. Лускай... На плохой конец, если займут немцы город, уйду из него или буду партизанишь.

Снегу выпало много. Вся земля покрыта белым ковром. Как Валя Крюкова? Я давно ее не видела.

Хочется спать: ведь я сегодня совсем мало спала, только до 2-х часов, а с 2-х до 3ч.30 – провалялась. Миша уже спит... Папа лег. Мама промыслом занимается. Плохо, что нет мыла, нечем стирать. Спать... Голова клонится к подушке.

15 октября 1941 г.

Химических чернил мало, придется писать простыми.

Сдан Мариуполь. По радио твердят об остановлении врага и уничтожении его.

Сегодня с 11 час. до 5 простояла в очереди за 200 г сливочного масла, хорошо еще, что получила, да хлеба черного принесла; папа принес пшена и сахарного песку, а мама с Мишей – накопили картошки и срубили 6 кочанов капусты. Этот день выдался удачным.

Завтра с 4 часов утра надо стоять за сливочным маслом и за мясом (их сегодня привезли в мясной магазин). Пойдем вместе с папой.

Завтра обещали нам выдать зарплату.

Артисты театра и цирка уехали в Казахстан.

В школе у многих преподавателей настроение паническое: только и разговоры о том, что как бы и куда бы уехать из Тулы.

17 октября 1941 г., пятница.

Почтальон теперь не ходит, за газетами приходится идти самим.

Сегодня опять взяли 1200 г масла, только топленого. Кроме того, я взяла кило селедок. Селедки замечательные, папа с мамой так рады!

Враг под Москвой. В нашем коридоре есть одна такая дура (она и всегда ею была), говорит, спорит, что немцы уже в Москве, она слышала по радио, не поняла, в чем дело и брешет зря.

Базар оцеплен военными; у всех, идущих с базара, проверяют документы.

Несколько последних дней нас не тревожили воздушные налеты; была нелетная погода. Сегодня небо прояснилось, выглянуло солнышко, с голубых небес с утра уже посыпались конфетки. Солнце разогнало тучи, зато появились зловещие тени фашистских стервятников. Теперь не будет опять покоя.

Из армии дезертируют, когда я узнала, меня больно ударило; что-то всегда как будто падает в груди, когда слышу про красных дезертиров.

Зарплаты так и не получили. Опять стреляют.

С Верой Байковой были в кино, смотрели «Конёк-горбунок». Кино я смотрела не так, как прошлый раз, но без участия. Внимательно прислушивалась только к песням Иванушки «Мел я лесом», а вторую совсем не могла разобрать.

В комнате такой хаос с начала войны, что просто глаза не смотрят. Картофель ссыпать некуда, мама ссыпает под кровать. И так у нас в комнате от маленькой площади и большого для нее количества людей тяжелый воздух.

органы НКВД и просит: «Арестуйте меня, я – враг народа!» Единственным аргументом такого самообвинения был тезис: «Мой друг арестован, значит, и я – враг народа!» Эта жертвенность особенно жестко и обнаженно звучала впоследствии в словах героини болгарского фильма «Коростяновы»: «Мы сначала любим родину, а потом своих детей».

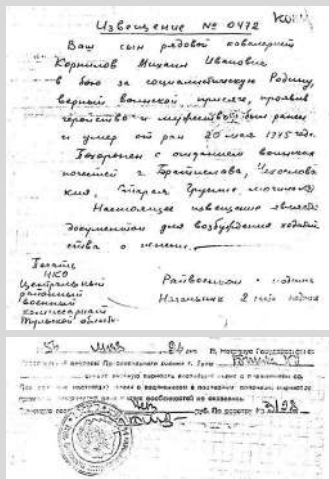
Один за другим уходили дети на смерть; беспомощные, больные, старые родители оставались в одиночестве, но никому не встали на пути с мольбой о пощаде или слезами. Когда фашистские войска подошли к дому, начался бой на южной окраине Тулы, а жители попрятались в подвалы, исчезла из дома шестнадцатилетняя школьница и через 18 дней явилась в солдатской шинели. Даже тогда глаза матери были сухими, а с губ не сорвалось слово упрека за причиненное страдание.

О патриотизме в доме не говорили, слышали только на митингах и читали на плакатах, имя Сталина в семье не зву-

КОРНИЛОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ



Родился в 1927 г. в селе Хачела Онежского района Архангельской области. В 1932 г. с родителями переехал в г. Тулу. Прибавив возраст, ушёл на фронт из Тулы, служил рядовым в 48 Кавказском полку. Умер от ран в госпитале 20 мая 1945 г. в г. Братислава в Чехословакии, позже останки были перезахоронены в братской могиле на мемориале Славин в Братиславе. По желанию родных на одной из аллей этого мемориала ему установлен символический камень-памятник.



Извещения о смерти
Михаила Корнилова



Письмо-ответ из Братиславы на розыск
могилы Михаила Корнилова, 1976 г.

чало, но каждый считал своим долгом идти на фронт. В глубокой тайне души каждый из нас лелеял дополнительный, неглавный мотив – заслужить доверие, доказать, что мы не враги, не «пятая колонна» в стране (к слову сказать обиженные на власть шли за нее на смерть, а не в армию Власова или в полицию. Неужели нужно много ума, чтобы сделать такое «открытие»?)

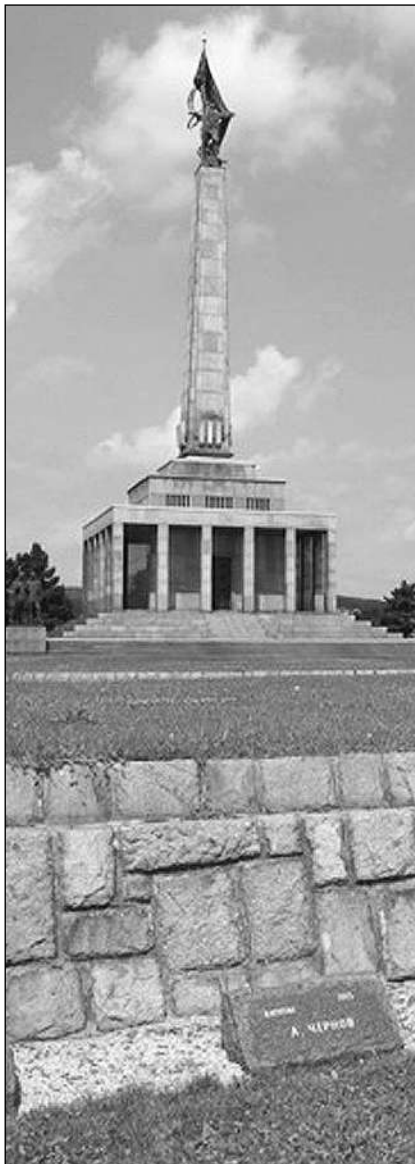
Увы, мы так и остались «виноватыми», даже кровь двух братьев, погибших на полях сражений, не смыла клейма недоверия. Так и тянулся через всю нашу жизнь черный шлейф «родственников врага народа». Нас везде оттирали на задний план как людей второго сорта, и там, где мы имели явные деловые качества или моральные преимущества, возникали разные прямые или скрытые табу. Костю и Митю спасло от ареста только проживание вдали от старшего брата.

Костя, после увольнения из армии, уехал в Ленинград и там из-за анкетных данных был вынужден кочевать с завода на завод, пока не сложил свою кудрявую голову среди защитников города.

В 1944 г. после освобождения Крыма я почти одно-



Памятник Михаилу Корнилову на мемориале Славин в Братиславе



Мемориальный комплекс Славин в Братиславе

временно узнала о представлении меня к награде и доносе в политотдел на своих друзей. Сообщалось, что они общаются с человеком (со мной), который «переписывается с братом – врагом народа» (в сорок четвертом переписывается с тем, кто расстрелян в тридцать восьмом!). Доносы были еще, в 50-е годы, на работу в институт, шли тщательные проверки бабушек, дедушек, дядей и тетей...

Младший, Михаил, в 17 лет похоронен в Чехословакии, он, ввиду молодости меньше других чувствовал уколы чести, но в его лице погиб очень способный шахматист, быть может, один из



Лидия Корнилова во время службы в кавалерийской части

КОРНИЛОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ



Родился в 1916 г. в селе Хачела Онежского района Архангельской области. Закончил Станкостроительный техникум в Ленинграде. Перед войной жил с семьей (женой и дочерью) в пригороде Ленинграда (село Рыбацкое). Ушел добровольцем летом 1941 г. в народное ополчение. Был в партизанском отряде Савченко, который базировался под Валдаем и занимался диверсионной работой в тылу врага. Последнее письмо от Константина Корнилова (п/п № 557 сектор 25) пришло в январе 1942г., в котором он писал, что уходит на задание и вряд ли вернется живым. Пропал без вести под Ленинградом.



На строительстве оборонных сооружений вокруг Тулы:
противотанковые рвы, три линии окопов,
противотанковые ежи. Начало осени 1941 г.





Дмитрий Корнилов: курсант инженерно-военной школы
в 1935 г. и в первые послевоенные годы



Среди товарищей по оружию.
Дмитрий Иванович – в нижнем ряду в центре

советских гроссмейстеров. Будь жив старший брат, он не допустил бы гибели младшего.

В условиях тотальной не-свободы больше всех доставалось второму по старшинству брату – Дмитрию.

Он обладал огромной работоспособностью, завидной точной и объемной памятью, глубоким аналитическим умом, оригинальностью мышления, разносторонней образованностью, упорством, твердостью характера, прямоотой и одновременно мягкостью в обращении. При этом всегда твердил, что Николай был куда способнее его.

Митя знал физику, теоретическую механику, высшую математику, лесоводство, филосо-



Лидия, накануне демобилизации



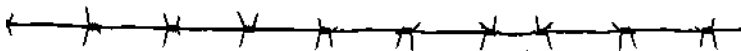
фию, историю, всегда молчал о литературе, но хорошо в ней ориентировался, прилично владел английским. На экстернат в Военно-политической Академии при самой добросовестной подготовке ему потребовался всего один год. Чтобы сдать экзамен по поли-



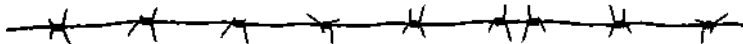
тической экономии, он проштудировал три толстенных тома «Капитала» К.Маркса (все ли преподаватели общественных наук прочитали этот труд полностью?).

Из-за анкетного табу Митя неоднократно «отказывался» от предложений интересной и престижной работы, в том числе в дипломатии. Даже в боях Отечественной припоминалось это «пятно», в частности, при форсировании Одера, когда представление Дмитрия Корнилова к званию Героя Советского Союза было отвергнуто. Много невосполнимых утрат понесла семья, но самой тяжелой были арест и гибель старшего брата. Как ни горька гибель сына на войне, но можно было хотя бы гордиться им и своей причастностью к победе. Арест заставлял стыдиться, прятаться, таиться, еще больше грызла неизвестность. В довершение ко всему, уже в начале войны полностью ослепла мать, лишился рассудка отец, так и умер, не дожив до реабилитации сына.

Словом, беззаконие и произвол не только убили старшего брата, но смяли, изуродовали жизнь остальных членов семьи. Даже мой сын, родившийся через 10 лет после смерти дяди, вкусил от горьких плодов тех бед. В самый нежный и восприимчивый возраст его воспитывало убожество квартиры с покрытыми плесенью стенами, где он спал на одной кровати с мамой и бабушкой (другую кровать поставить было некуда), рядом с обезумевшим дедом; среда из беспризорных, заброшенных, нередко с уголовным элементом детей, общая обстановка горя формировала характер, травмировала психику. Под прессом безысходности человек волей-неволей становился пассивным.



**ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ,
ИЛИ О ТОМ,
КАК НАС ОБЕРЕГАЮТ ОРГАНЫ**



ЧЕРЕЗ 18 лет, благодаря Хрущеву, XX съезду КПСС, Военная Коллегия Верховного Суда Союза СССР по нашей просьбе пересмотрела дело Корнилова Николая Ивановича, отменила постановление НКВД и Прокурора СССР, пересмотрела уголовное дело брата «за отсутствием состава преступления». Это считает-



Лидия, студентка МГУ

Первое дело, политическая оценка событий несомненно важна, но главным образом для общества; чтобы очиститься, многим пострадавшим это уже ни к чему: мертвых не воскресить, изломанные судьбы не выправить.

Ущерб материальный, нанесенный обществу от беззакония, в полном объеме определить невозможно; ущерб реабилитированному и родственникам, если грамотно сосчитать, составит цифры астрономические.

В этой области жест был: мать, как и все, подобные ей,

ся полной реабилитацией, однако реабилитация партийная наступила лишь спустя еще 33 года, или через 51 год после совершенного против брата преступления.

В цивилизованных странах признаками торжества справедливости является не только оценка поступка или события, а еще наказание порока и возмещение физического, материального и морального ущерба потерпевшим.



Дмитрий Иванович с супругой Анной Федоровной и дочерьми Таней и Ниной.
«Опять весна на белом свете...»

получила 220 рублей компенсации из расчета двухмесячного заработка инженера, но так и не удостоилась своего угла, кроме дома вечного. Права отца и других членов семьи на возмещение какого-либо ущерба не признаются, словно никто и не пострадал.

Порок, преимущественно, ушел от наказания, виновных нет, перед нами даже никто не извинился. Бывшие заплочных дел мастера выполнили чужую волю и награждены за то орденами и



Прошли годы... Не стало Дмитрия Ивановича. Вдова Анна Федоровна (в центре), дочь Татьяна и внучка Надя



Лидия Корнилова, 1949 г.

персональной пенсией, укрыты от возмездия. Осуждение их абстрактно, конкретных виновников не задевает, к тому же месть бесплодна, но не на возмездие мы должны обратить свои силы и дело, а на внимание к пострадавшим и извлечение уроков.

Всё, что остается близким и родственникам посмертно реабилитированных, это – память, все крупички которой должны скрупулезно собираться и бережно храниться.

Естественна и психологически понятна жажда людей



Брат и сестра Дмитрий и Лидия Корниловы

знать все обстоятельства трагической гибели своих близких, тем более родственников: прочитать протоколы допросов, увидеть знакомый почерк подписи на них, узнать содержание предъявленного обвинения, состав и ход суда. Приговор, его исполнение, могилу, куда можно принести цветы и излить слезы очищения... Все это значит – пройти вместе, хотя бы мысленно, с ушедшим в вечность дорогим человеком его последние дни и часы, услышать его и понять, в памяти о нем находить для себя силы.

Нам знать всё это необходимо, ибо знание не прихоть, а потребность всего живого, даже собака перестает принимать пищу, если лишается информации извне.

Наконец, право гражданина на информацию. Оно записано в статьях 156 и 157 Конституции СССР («Разбирательство дел во всех судах открытое...» с обязательным участием адвоката и др.), а также в Уголовно-процессуальном Кодексе РСФСР. Решения XIX партконференции обязывают коммунистов выдавать гражданам исчерпывающую информацию по всем инте-



Лидия Ивановна Корнилова и Юрий Иванович Луцков,
руководитель общественной радиостанции «политеха»
вместе с группой студентов-радиолюбителей –
в Белоруссии – в походе по местам боевой славы

ресующим вопросам. Право на информированность населения записано в международных документах, под которыми стоит подпись Советского Союза.

Если мы идем к правовому государству, демократии и гласности, то в информации должна быть «правда, только правда и вся правда», полуправда – та же ложь. Вся правда в данном случае есть открытый архив отмененных судебных дел, к тому же давно утративших категорию тайных.

Не раз я обращалась в прокуратуру и УКГБ Тульской области с просьбой познакомиться с архивом реабилитированного брата, но всякий раз получала отказ, даже после того, как с трибуны Верховного Совета на весь Советский Союз прозвучало заявление заместителя Генерального Прокурора СССР В.И. Андреева о том, что родственники при желании знакомятся с подобными документами.



Внук Лидии Ивановны Дмитрий Герасин
с женой Татьяной и детьми – Ваней и Варей

В неоднократных беседах с официальными представителями органов госбезопасности и прокуратуры выдвигались следующие мотивы отказа:

а) знакомство родственников с архивами дел реабилитированных «запрещено законом», конкретно статьями 320 и 325 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР;

б) есть «секретный закон», запрещающий допуск к архиву, и нет закона о допуске к архиву;

в) в материалах названных архивов содержатся методы работы и следствия в НКВД, которые не хотят раскрывать (почему? Зачем? Чтобы применить снова?);

г) нельзя травмировать участников процессов тех лет и их родственников (судей? Следователей? Лжесвидетелей? Доносчиков?);

д) родственники не способны разобраться в содержании архивов и могут использовать их во вред обществу.

На самом же деле закона об архивах вообще нет никакого (!), в том числе и запрещающего, однако во все времена архивами пользовались. Ссылки на «секретный закон» несостоятельны, ибо не может быть закона, знать который гражданам запрещено. Под

«секретным законом» подразумевалась, вероятно, какая-либо ведомственная инструкция, то есть подзаконный акт, не имеющий силы закона.

Упомянутые же статьи 320 и 325 УПК РСФСР не открывают доступ посторонним лицам к материалам следствия, дабы не осложнить его, я же просила материалы суда, когда следствие уже закончено, данные его официально опровергнуты, названы фальшивыми, сфабрированными, а суд в соответствии с Конституцией и УПК должен быть гласным.

Кому непонятно, что в ссылках на статьи 320 и 325 УПК совершенно сознательно заложена передержка, подмена понятий, рассчитанные на юридическую неосведомленность и бестолковость граждан.

Содержат ли названные архивы тайну о методах работы НКВД, – учреждения, сохранение которого необходимо для безопасности государства? Эта «тайна» давно, многогранно и на весь мир раскрыта настолько, что новые факты уже не вызывают удивления, лишь холодное отвращение. Разоблачение этих методов несет нашему обществу очищение от прошлых мерзостей, а сокрытие их подрывает авторитет правоохранительных органов и веру в демократизацию.

Кадры КГБ оказались завалены пересмотром дел невинно осужденных и, возможно, считают эту работу сродни подвигу, ибо ведется она сверхпланово, отрывает от главных профессиональных задач, крадет свободное время, сон, отдых. Восстанавливая законность, они помогают обществу освободиться от деформаций и, случается, извращений. Сами разыскивают родственников посмертно реабилитированных, но от живых постра-



Лидия Ивановна, преподаватель политической экономики, 1980 г.

давших не считают зазорным откреститься старыми методами – отпиской, отговоркой, подменой понятий. Нас по-прежнему считают маленькими, неспособными понять, разобраться в бумагах, недееспособными, подозревают в дурных намерениях, хотя и разговаривают вежливо, отвечают без проволочек.

Мы читаем множество биографий. Пусть выдающихся, но далеких и незнакомых нам людей, написанных на архивных материалах, но ничего не можем узнать о своих близких – брате, сыне, отце... Как и полвека назад нас отсылают от Понтия к Пилату. Это недостойная игра в гласность, если гласность доступна только «богам» и не положена «быкам». Она преследует интересы только органов власти, так как призвана поддерживать их авторитет, но игнорирует интересы личности, особенно пострадавших. Это остаток бесчеловечности прошлого, мы ждем, когда он будет устранен.

Лидия КОРНИЛОВА,

доцент кафедры политэкономии, К.Э.Н.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

БОЛЕЕ четверти века прошло со времени публикации статьи этой (газета «За инженерные кадры» от 11 сентября 1989 г.). Не стала ни урезать, ни «осовременивать» последнюю главу. Пусть в ней дышит время. Ибо, по сути-то, кардинально ничем не облегчена участь близких и родственников, «прорывающихся» к расстрельным делам невинно репрессированных. Хотя презентоваться ведомствам вроде есть чем: выпущена масса литературы «мемориальной» тематики; интереснейшие, волнующие до дрожи проходят иногда встречи на телевидении; немало прекрасных документальных роликов дошли до зрительской публики – даже в ДК «Ясная Поляна», в маленьком городке Венева проходили просмотры фильма Дарьи Виолиной «Дольше жизни» с обсуждением при участии создателей этих кинолент; выпускаются бесценная газета «30 октября» и приложение к ней «Мемориальные хроники»... Но чья это заслуга?... Чьими трудами и моральными затратами это создается? В лучшем случае выдадут вам краткие биографические данные вашего родственника с фальшивым заключением о причине смерти.



**Людмила
УСТИНОВА**

**НЕИСПОВЕДИМЫ
ПУТИ НАШИ**

ПОЗАДИ детство, молодость и почти вся жизнь. Уже есть душевная потребность более точно осмыслить, понять, осознать все этапы своей жизни, все ее жесткие и жестокие времена. Вспомнить людей, благодаря которым я стала ценить жизнь и иметь свое представление о ее смысле.

Становление людей, рожденных в период сталинских репрессий, а затем переживших Великую Отечественную войну, проходило с обостренным чувством сострадания и справедливости.

РОДИЛАСЬ я в Туле 19 октября 1937 г. Мама, Галина Александровна, — дочь купцов I и II гильдий Александра Афанасьевича Кузнецова и Марии Трефильевны Залогойной. Отец, Устинов Александр Семенович, был членом ВКП(б) с 1925 года. Его арестовали 22 октября 1937 г., и Военная Коллегия Верховного Суда осудила 8 октября 1938 г. по ст. 58, п.п. 7,8,11 УК РСФСР на 20 лет с поражением в гражданских правах на 5 лет (см. том 3 Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области, 2006 г.).

На момент ареста отца мама находилась в Тульском центральном родильном доме; моей сестре Карине было два года, брату Геннадию — семь лет. Поздравляя маму с моим рождением и передавая ей корзину роз, папа не мог знать, что ощущение радости встречи с нами откладывается на 19 лет.

Маме выпала доля остаться с ярлыком «жены врага народа», имея на руках троих ма-



Мария Трефильевна
Залогина. 1902 г.

лых детей, растить их и воспитывать. Это стало возможным благодаря семье с укоренившейся традицией поддержки друг друга.

В Саратове в 2007 г. была издана книга «Балаковская народная энциклопедия». В ней можно прочитать о развитии купечества, промышленности, образования в городах Балакове, Вольске, Саратове. Есть упоминания и о Кузнецовых Александре Афанасьевиче, его отце Афанасии Егоровиче и Залогине Трефилии Егоровиче.

Александр Афанасьевич Кузнецов на свои средства по-



Галина, Виктор, Маргарита,
Николай Кузнецовы.
Балаково. 1913 г.



А.А. Кузнецов,
М.Т. Залогина и ее младшая
сестра Ольга. 1898 г.

строил общественный каток на старой базарной площади Балакова (открыт 28 ноября 1899 г.). В 1913 г. был одним из первых уполномоченных городского общественного управления, членом попечительского совета Ольгинского детского приюта, членом ревизионной комиссии местного отделения Лиги борьбы с туберкулезом, выполнял обязанности казначея попечительского совета коммерческого училища.

Не менее интересна в этой энциклопедии информация о благородных делах



М.Т. Кузнецова (Залогина), О.Т. Залогина,
А.А. Кузнецов, М.Т. Залогин. 1915 г.

семьи Залогиных и вкладе ее в развитие городов Балаково и Вольск.

В конце 1918 г. Александр Афанасьевич сильно заболел, был парализован. Все тяготы периода красного террора и большевистского режима легли на плечи Марии Трефильевны, поднимавшей на ноги пятерых детей. В 1920 или 1921 г. Александр Афанасьевич скончался. Семья переехала в г. Вольск. Девочки учились в гимназии, мальчики — в коммерческом училище.

Отец, Александр Семенович Устинов, родился 5 марта 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье портного. Под влиянием революционных настроений бросил учебу в гимназии, поступил в одну из типографий и включился в деятельность рабочих-революционеров. В июле 1925 г. вступил в ВКП(б). В 1927 г. был направлен в г. Вольск.

В Вольске в окружном комитете, где служила тогда моя мама, происходит ее встреча с моим будущим отцом, завершившаяся браком.



Маргарита, Виктор, Галина, Николай,
Татьяна Кузнецовы. Вольск. 1922 г.

В 1933 г. отца по партийной линии переводят на работу в Тулу на патронный завод на должность заместителя директора по снабжению.

После ареста отца мама с детьми переехала в Саратов. Там находились наши ближайшие родственники, без поддержки и помощи которых мы вряд ли могли бы вырасти здоровыми и образованными.

ОТЕЦ, находясь в тюрьмах и на этапах, умудрялся посылать маме записки и даже письма, сообщал, что у него все хорошо. Много позже, после его возвращения, когда он построил дом в селе Бёхово, недалеко от Поленовской усадьбы, к нему приезжали пережившие репрессии «однопольчане»: известная актриса Зоя Федорова, бывший кремлевский врач Я. М. Сувинер, военный специалист, выпускник института им. Баумана В. Н. Шиманов и другие. Мы, дети и внуки, лишь позже узнали всю тяжесть и



Галина, Маргарита, Мария Трефильевна,
Татьяна, Виктор Кузнецовы. Вольск. 1927 г.

весь мрак этих воспоминаний. Арестантская форма, сшитая наполовину из желтого, наполовину из серого полотна; баня — холодная изба, на полу лед и на каждого заключенного один таз воды; белье, полученное из сушилки-вошебойки, с отвратительным запахом поджаренных вшей и гнид; лязг запоров железной двери и замков в тюремной камере; чан для испражнений — параша; люди, лежащие на голом полу без подстилки, впритирку валетом так, что ноги одного лежат у груди другого; ночные допросы с матерной бранью следователей, избиением заключенных; прощание с жизнью в одиночной камере после того, как Военная коллегия присудила к расстрелу; этап по железной дороге, пересыльные тюрьмы, трюм парохода в штормовую погоду через Японское и Охотское моря; посиневшие, отекавшие от стальных наручников кисти рук, вагон-карцер, обитый железом изнутри; суровая тайга, люди в брезентовых палатках при



А.С. Устинов. Вольск. 1928 г.

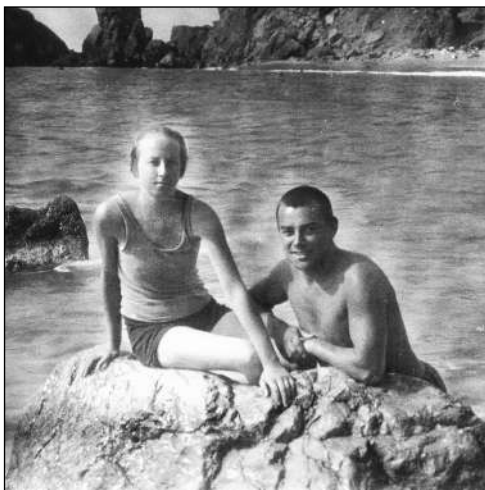
лютых морозах, колючая проволока, ежедневные обыски, передвижение под конвоем под яростный лай овчарок.

Победоносное окончание войны дарило надежду советским гражданам на прекращение репрессий. Мама надеялась на освобождение отца, послала прошение о пересмотре дела в прокуратуру СССР (она никогда не верила в его виновность). Но получила в ответ бумагу о том, что жалоба оставлена без удовлетворения.

По окончании семи классов школы Гена вынужден был поступить в ремесленное училище и, чтобы помогать семье материально, с 17 лет работал монтером-электриком на шарикопод-

шипниковом заводе в Саратове. Карина была очень красивой и мечтала стать актрисой или журналисткой. Но закончить необходимую для этого десятилетку ей не позволили — не дали необходимой характеристики для продолжения учебы в восьмом классе, и девочке пришлось поступить в строительный нефтепромысловый техникум.

Я мечтала стать физиком, училась на отлично. Но в марте 1951 г. в седьмом классе на открытом уроке, посвященном ци-



Галина и Александр Устиновы.
Симеиз. 1929 г.



Члены окружного совета профсоюзов г. Вольска, 1929 г.

В первом ряду в центре — Г.А. Устинова;
во втором ряду второй справа — А.С. Устинов

тате из Ленина: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом», я высказала мысль в защиту взглядов Демокрита и других древних философов и начала со слов: «Ленин был неправ». Говорить о том, что Ленин мог быть в чем-то неправым, считалось недопустимым. Мне сразу же припомнили, что я — «дочь врага народа». Вызвали маму и предупредили, что характеристику для восьмого класса я не получу.

ПАПА ОСВОБОДИЛСЯ из заключения 26 марта 1952 г. досрочно (с применением зачетов за отличную высокопроизводительную работу в лагере). Его перевели в положение ссыльного. Он продолжал работать на том же месте, получил возможность помогать семье — посылал нам деньги. В том же году мама получает письмо от отца с предложением переехать к нему в ссылку. Принять это предложение маме было невозможно. Переехать на Колыму с детьми — значило оборвать достигнутое ими развитие. Уехать одной — значило оставить детей без материнской опеки. Мама ответила отказом.

Усилиями моих родственников меня зачисляют в Саратовский электромеханический техникум им. П.Н. Яблочкова на отделение «Электровacuумное приборостроение», которое я и окончила в 1955 г. с отличием. Поехала в Ленинград с целью поступить в электротехнический институт. Как отличница, имела право поступить без экзамена. Но мне и еще нескольким абитуриентам с такой же биографией устроили собеседование, целью которого было не допустить нас в институт. Нам объявили, что мы собеседование не выдержали. Возвращаясь в Саратов, устраиваюсь работать на электроламповый завод. Главный конструктор Эдуард Ильич Жалковский был руководителем моего дипломного проекта и хотел, чтобы я внедрила в про-



СИДЯТ (слева направо): Г.А. Устинова с Геней, М.Т. Залогина, Валя Кузнецова, супруги Татьяна Васильевна и Виктор Александрович Кузнецовы.
СТОЯТ: Маргарита, Николай и Татьяна Кузнецовы.
Вольск. 1930 г.



Тула, патронный завод. 1934 г.
Во втором ряду шестой слева — А.С. Устинов

изводство курсовой проект, выполненный еще на третьем курсе техникума. Я и занялась этим.

Карина по окончании техникума получила направление в Свердловск, где работала мастером-строителем. Вечерами тренировалась на одном катке с известными фигуристами Л. Белосовой и О. Протопоповым.

Я тоже увлекалась спортом. Позже, учась в Саратовском госуниверситете, защитила степень кандидата в мастера по спортивной гимнастике, участвовала в фестивале в Москве в 1957 г.

Смерть Сталина вселяла надежду, что положение репрессированных станет более терпимым. Мама, вздыхая, тихо сказала: «Господи! Дай, чтобы наконец-то все изменилось к лучшему!»

Но в июне 1954 г. отца отстранили от руководящей должности с открытой ссылкой на то, что он был осужден по 58 статье.

В конце декабря 1955 г. в очередной раз наш дом посетил сотрудник НКВД. Перерыв все мои бумаги, нашел чертеж модернизированной мною приемно-усилительной лампы. «Зачем Вы

	
ПРОКУРАТУРА Союза Советских Социалистических Республик	
ГЛАВНАЯ	
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА	
Вооруженных Сил СССР	
1946	6
г. Москва, ул. Кирова, 41	
Сообщая, что Ваша жалоба по делу УСТИНОВА Александра Семеевича Главной Военной Прокуратурой ВС СССР рассмотрена и оставлена без удовлетворения, так как вина УСТИНОВА А.С. доказана и осужден он правильно.	
ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ВОЙСК МВД СССР ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ: <i>М. И. А.</i>	
/МАЛЫШЕВ/	
М. И.	
При ответе сослаться на Ваш номер и дату	

взяли этот чертеж на заводе?» — спросил оперуполномоченный. Я объяснила, что это — часть моей студенческой работы. Мама стояла ни жива ни мертва. Уполномоченный взял чертеж и, уходя, предупредил, что скоро повторит свой визит. Я рассказала о случившемся Э.И. Жалковскому. В ответ услышала: «Не волнуйся, проживем, увидим». Его слова меня несколько успокоили, но напряжение от ожидания новой встречи с гебистом осталось.

Теперь я могу осознать, чего стоило выдержать все это маме. В то время я не знала, что ей постоянно угрожали арестом. А тут прибавился страх о возможном моем аресте. Однако визитеров из НКВД у нас больше не было.

В КОНЦЕ ЯНВАРЯ 1956 г. отец вернулся в Тулу уже реабилитированным. Вскоре устроился на заводе «Штамп», получил должность заместителя директора по снабжению и двухкомнатную квартиру. Для нас началась новая жизнь с ощущением свободы. Мы уже не дети «врага народа».

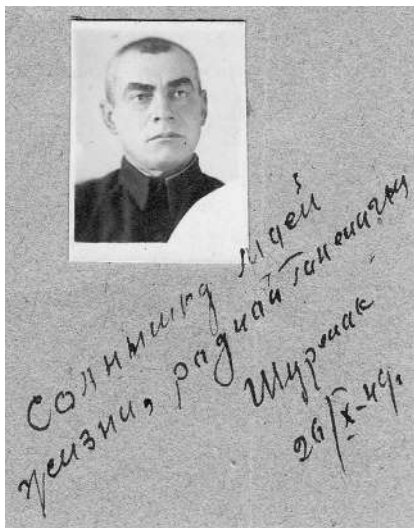
Летом 1956 г. я поступаю вне конкурса в Саратовский госуниверситет на физический факультет по специальности радиофизика и радиоэлектроника сверхвысоких частот. Это был сек-

ретный спецфак. Не верилось, что для меня стало возможным поступить на него. Но реабилитация отца открывала мне двери и на прежде закрытый для меня факультет.

Карина с сыном переехала к отцу в Тулу, поступив в Тульский пединститут на филфак, который закончила в 1967 г. Во время учебы работала преподавателем штукатурно-малярного дела в профтехучилище №1. Закончив институт, переехала в Москву, устроилась в профтехучилище и преподавала русский язык и литературу. Через несколько лет стала директором этого училища. Впоследствии получила зва-



Г.А. Устинова и ее дети:
Карина, Людмила и Геннадий.
Саратов. 1947 г.



А.С. Устинов, 1949 г.

ние Заслуженного работника профтехобразования РСФСР.

С освобождением отца изменилась к лучшему семейная жизнь маминих сестер. И у Татьяны Аряновой, и у Маргариты Холиной мужья были военными специалистами. Местами их службы и проживания с семьями были: Хабаровск, Улан-Уде, Чита. Прежде от них требовали прекращения контактов с нашей семьей. А они не соглашались на это, и мы от них каждый месяц получали переводы по 100 рублей и теплые письма с заботой о нас. Поэтому Сергей Иванович Арянов и Семен Сер-

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

10 декабря 1952 г. Форма «А»
ВЫХОД НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ,
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.
МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

И т.п.
АВ-6
30 ноября 1952 г.

СПРАВКА № 0002409 *

Выдана гражданину (ке) Устинову
Александру Семеновичу
1902 года рождения, уроженцу (ке) г. Ленинград,
гражданство (подданство) СССР, национальность русский
осужденному (ой) Военной коллегией
Верховного суда Союза ССР
« 8 октября 1938 г. по ст.ст. 58-7, 17-58-8-11. УК РСФСР»
лишению свободы на 9 свободных лет с поражением в правах на
1.8.46 года, имеющему (ей) в прошлом судимость
сведений нет
в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения
МВД по «26 марта 1952 г. и по обвинению в
наказании в зачетами рабочих дней
С применением ссылки - поселения
Освобожден (на) «26 марта 1952 г. и следует к избранному
месту жительства
(город, село, дер., район, область)

до ст. жел. дороги.


Печать

СССР
Начальник лагеря (ИТК) АВ-6
Полковник Венедикт
Вн. сл. Крылов
(Нач. Отдела (части) АВ-6
«Майер Вн. сл. Атаман» (Замест.)

Справка об освобождении А.С. Устинова



Карина Устинова.
Саратов. 1951 г.

геевич Холин не получали званий выше майора. Только в 1956 г. и того и другого повысили и перевели с семьями: Аряновых — в Одессу, Холиных — в Волгоград.

Геннадий по окончании электромеханического техникума работал в Саратове в НИИ электроники, стал начальником экспериментального цеха, где и трудился до выхода на пенсию.

Окончив университет в 1961 г. у, я работала в НИИ электроники в Саратове. В 1963 г. переведена в НИИ Госкомитета по использованию атомной энергии (позднее – Министерство среднего машиностроения) в г. Подольск Московской об-

ласти. Бывая часто в Туле у отца, я познакомилась с Семеном Залмановичем Коссым, экономистом Туламашзавода, где он работал с окончания Ленинградского финансово-экономического института. Семен Залманович, кроме того, играл на сцене театра народного творчества, десять лет руководил детским театром при дворце культуры Туламашзавода. В 1965 г. мы поженились, в 1966 г. родилась дочь Татьяна. В том же году мама переехала из Саратова в Тулу и стала жить в нашей с Семеном Залмановичем семье.

В 1968 г. передо мной встал вопрос: продолжать ли работу в Подольске в интереснейшей для меня области ядерной физики или переехать в Тулу? Семья перевесила. Пришлось сменить ядерную физику на физику твердого тела, поступив на кафедру материаловедения в Тульском политехническом институте к профессору М.А. Кришталу.

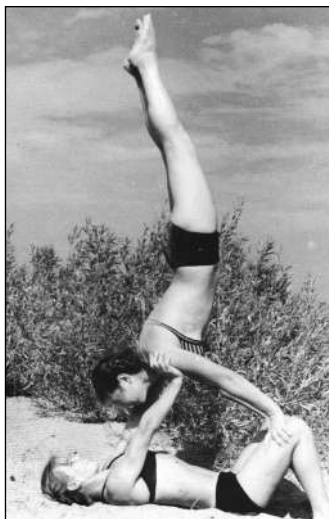
Трудовая жизнь Семена Залмановича длилась 54 года и связана только с одним предприятием. Здесь он прошел путь от рядового экономиста до заместителя генерального директора по экономике, которым стал в 29 лет, затем директора по



Соревнования на первенство РСФСР. Свердловск.
1957 г. Мастера спорта по фигурному катанию
Карина Устинова и Феликс Безукладников



Людмила Устинова
на спортплощадке
Саратовского
университета. 1957 г.



Людмила Устинова
в стойке.
Саратов. 1954 г.

Р. С. Ф. С. Р.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СУСУМАНСКОГО РАЙОННОГО
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

пос. Сусуман. Е. Устинов 1964 г.

№ 254

пос. Широкий

Сусуманского района

УСТИНОВУ А.С.

КОПИЯ: Прокуратура СССР
Прокуратура отдела жалоб.

На Ваше заявление на имя Генерального прокурора СССР от 18/II-54г. сообщается, что отправление Вас от руководящих горных работ является обоснованным и законным, поскольку Вы были осуждены по ст. 58-7 и через 17 по ст 58п.8 и 11 с поражением в правах по ст. 31 п"В" УПК РСФСР.

Использование Вас ранее на руководящих горных работах являлось противозаконным.

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СУСУМАНСКОГО РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ. В. Плеханова

внешней экономической деятельности и председателя совета директоров.

В 1970 г. у нас родился сын Александр. Имея двоих детей и работая в научном секторе, я поступила в аспирантуру. По окончании защитила диссертацию, получила степень кандидата технических наук. С 1976 г. работала преподавателем на кафедре физики Тульского политехнического института, а с 1980 г. мне присвоено звание доцента кафедры физики,

где работаю по сей день (теперь в Тульском Государственном университете).

С благодарностью и теплотой вспоминаю Елену Николаевну Ротову, жизнь которой вплелась в судьбу нашей семьи. Эта женщина в молодости пережила трагическую потерю мужа и двухлетнего ребенка во время пожара, после чего добровольно ушла на фронт Великой Отечественной. По окончании войны завербовалась на Колыму. На Сусуманском прииске работала в сберкассе. На Колыме и встретилась с моим отцом, заключенным по политической статье. Сошлись два челове-

Форма № 80

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

24. ноября 1963г.

№ 4и-012409

Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению УСТИНОВА Александра Семёновича передано Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 октября 1938 года. Приговор Военной Коллегии от 8 сентября 1938 года в отношении УСТИНОВА А.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ИСАКИЯ

/БОРИСОВЕВСКИЙ/

117 МО 1549-12

Справка о реабилитации А.С. Устинова



Людмила Устинова и ее отец Александр Семенович (сидят),
ее брат Геннадий и его жена Светлана. Саратов. Март 1956 г.



А.С. Устинов с сыном
Геннадия Андреем.
Москва, ВДНХ. 1958 г.



Слева направо: Елена Николаевна Ротова с сыном Л.А. Устиновой Сашей, Л.А. Устинова, сын Геннадия и Светланы Устиновых Андрей, дочь Л.А. Устиновой Татьяна на руках А.С. Устинова. Село Бёхово. 1970 г.



Слева направо сидят: С.З. Коссой, Л.А. Устинова, А.С. Устинов с внуком Сашей, Карина.
Позади: Татьяна (дочь Л.А. Устиновой)
и Николай (сын Карины). Село Бёхово. 1975 г.



А. С. Устинов. 1980 г.

ка, испытывавшие жестокости судьбы, и морально поддерживали один другого. Елена Николаевна нашла в Александре Семеновиче близкого друга. После смерти Сталина добивалась пересмотра дела. В конце октября 1955 г. папа получил реабилитацию.

В Туле отец поселился вместе с Еленой Николаевной. Она приняла на себя заботы о Карине с ее сынишкой, которых отец перевез из Свердловска.

В бёховском доме для нас, детей и внуков, была «летняя» бабушка Лена, а зимой в Туле — бабушка Галя. Обе были любимы всеми. Но так получилось, что Галина Александровна и Елена Николаевна нигде никогда не встретились. Тут тайна двух женских душ.

Мама умерла 17 февраля 1974 г. Летом того же года отец заключил брак с Еленой Николаевной. Она ушла из жизни 18 февраля 1975 г.

Таковы извилистые этапы жизни нашей семьи на крутых поворотах истории.

* * *

Далеко не всё успел нам рассказать папа о своей «лагерной жизни». Равно тяжело и горько ему было обо всем пережитом рассказывать, нам – спрашивать. Вот и этот эпизод «колымской саги» семье стал известен в пересказе журналиста Виктора Соломина («МК», №15, 1989 г.)

Совр. фото Геннадия Устинова.

Архивные фото – из семейного архива Устиновых



**Виктор
СОЛОМИН**

**КОЛЫМСКОЕ
ЗОЛОТО
СОРОК ПЕРВОГО**

Это — не очередной рассказ о мученике, жертве тоталитаризма. Таких рассказов сейчас печатается много. Но еще почти ничего не известно о героях, совершавших подвиги в условиях, специально созданных для подавления их воли, без надежд даже на посмертные почести, которые получает солдат, павший в бою.

Правда, герой этого рассказа — и мученик тоже. И одного молчаливого, даже покорного страдания было бы достаточно, чтобы преклониться перед ним. Но он — и победитель. Один из тех, без которых во время чудовищных испытаний не выжила бы страна. В основание памятника нашей Победы над фашизмом заложили свои камни и такие люди...

* * *

ТЕПЛЫМ осенним днем 1970 г. рабочие Заокского завода химизделий провожали в Тулу стройотряд политехнического института. Парни стояли длинной шеренгой против здания нового цеха, который они возвели в баснословно короткий срок, — крепкие, гордые и счастливые.

Они заработали хорошие деньги, совсем не лишние для них, а теперь слушали добрые слова в свой адрес, принимали грамоты и подарки.

Невысокий человек в белой тенниске, без пиджака и галстука, не по бумажке, не «от имени и по поручению», а очень просто и проникновенно поблагодарил студентов, закончив свое выступление словами: «Мы преклоняемся перед вами. Никто и никогда здесь не работал так, как вы».

Через несколько месяцев мне довелось услышать этого человека на предвыборном собрании. И снова — на фоне казенных выступлений, пережевывавших общеизвестные истины, — меня поразила его лаконичная, убедительная и откровенная речь. И я, в ту пору районный газетчик, подумал: «Какой пропагандист!»

Это был директор Заокского химического завода Александр Семенович Устинов, и было ему в ту пору семьдесят лет.

...Предприятие перевыполняло производственные задания по всем показателям, и вот, чтобы рассказать в газете об этом, я вновь пришел на химзавод. Александр Семенович по-



Александр Семенович с сыном Геннадием и женой Галиной Александровной, рядом – брат Федор Александрович, которого, сорвав погоны, препроводили в Магадан, и больше братья уже не виделись. За спиной Федора его жена Надежда.

вел меня по цехам, показывал разные нововведения. Когда короткий зимний день уже клонился к сумеркам, мы оказались на краю песчаного карьера. Устинов начал рассказывать о том, как всё начиналось, и, употребив несколько шахтерских терминов, спохватился.

– Я всё понимаю, – заметил я, – сам работал на шахтах.

– На каких?

– Ну, например, на свинцово-цинковых рудниках.

– На полиметаллических добыча мало чем отличается от добычи на золотых рудниках.

Устинов задумался. Чувствовалось, что этот, такой открытый общению человек, хочет еще что-то сказать и не решает-ся. Наконец, произнес:

– Я работал на золотых рудниках Колымы, когда был в заключении.



Намного радостнее свободный труд!
На очистке от бурелома Бёховского леса

Помолчали. В ту пору еще не стихли споры вокруг солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича», и я спросил собеседника, насколько верно, на его взгляд, описаны лагеря.

– Одно скажу, даже в том аду были люди, не утратившие своего человеческого облика.

Завечерело. Недалеко была одноэтажная контора, квадраты света из ее окон падали на искрящийся снег, как бы приглашали в тепло и уют. Но мы, как вкопанные, стояли у карьера, и Александр Семенович выдохнул:

– Хотите, расскажу всё по порядку, как я туда попал... Особенно распространяться не буду. В тридцатых годах работал заместителем директора Тульского патронного завода. Водил дружбу с крупным военачальником, героем гражданской войны. Дружили семьями, праздники частенько отмечали вместе. В тридцать седьмом моего друга арестовали, начались допросы «ближнего круга». Кто был близок, с кем встречался?.. Дошла очередь и до меня. Обвинение нелепое: передача шпионских сведений с патронного завода агенту иностранных разведок, то бишь моему другу. Когда зачитывали приговор, два лейтенанта, стоящие по

бокам, сдавливали рёбра, обжигали горячим шепотом: «Признавайся, признавайся, признавайся!». Не признался. Дали 25 лет.

Совсем стемнело. Мы медленно шли мимо заводских корпусов, и Александр Семенович продолжал:

— И вот один из колымских лагерей. Канцелярия. Просматривают мое личное дело. Тут же у барьера толчется человек, выходящий на свободу. Сейчас получит бумаги и... Я изловчился и передал заранее написанное письмо жене, которое, неизвестно, на что надеясь, всегда носил наготове. Предельно короткое: «Того, кто передаст тебе это письмо, накорми. Напои. Подари ему мой лучший костюм».

— Щедрая плата только за то, что передаст письмо.

— Мизерная – по сравнению с тем, чем он будет рисковать. А далее я приписал: «Брось квартиру, вещи, забери детей и не медленно уезжай туда, где тебя не смогли бы отыскать».

— Даже не попросили жену походатайствовать? Ведь многие считали такие аресты роковыми ошибками: дескать, стоит родным обратиться куда следует...

— Вот я и хотел уберечь ее от роковой ошибки. К тому времени у меня уже не было иллюзий. Я не верил лицемерным заявлениям, что сын не отвечает за отца, жена – за мужа.

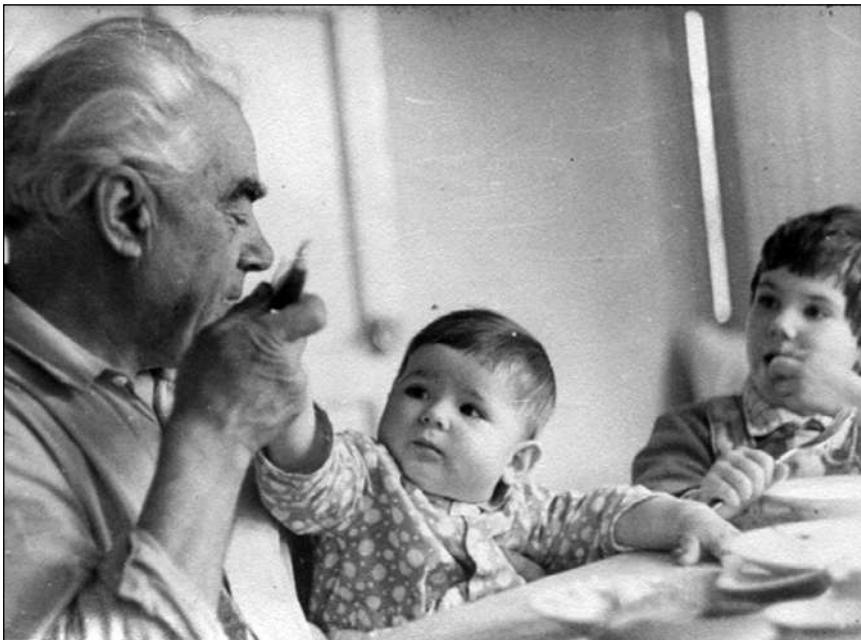
Наступила долгая пауза. Я чувствовал, что Устинов хочет выговориться до конца.

— Известно, уголовники любят хвалиться, что им-де известно все, что происходит «на воле»... Сейчас это, может, и так. А я вам с полной ответственностью скажу: там, где я находился, заключенные только через полгода узнали о начале войны. Если точнее, то приблизительно в ноябре-декабре сорок первого года, когда немцы уже стояли под Москвой.

— И как же вы восприняли эту весть?

— Об этом стоит рассказать. В громадной камере с нарами и парашей — шестьдесят человек. Из них «политических» — пятеро. Остальные — убийцы, бандиты, воры-рецидивисты. Верховодил отъявленный головорез, стоило ему дать команду своим шестеркам — и они, как правило, ночью — отправили бы на тот свет любого неугодного. И виноватого не найдут, да и дознаваться особо не будут, разве только для проформы.

Лагерь (а точнее, тюрьма) был неработающий. Здесь отбывали сроки по самым страшным статьям зэки, многим из которых высшая мера была заменена предельной отсидкой. Таким работать не полагалось.



Александр Семенович Устинов.
Жизнь после реабилитации. С внуками

Весть о том, что немцы подошли к Москве, отпетые уголовники встретили с радостью. Сменись власть – им забрезжит свобода. И решили внести свой «посильный вклад» в победу фашистов, в которой мало кто из них в ту пору сомневался. А потому, когда по камерам объявили, что назавтра ожидается построение на работу, пятьдесят пять глоток ответили ревом протеста. А тот, кто верховодил в камере, во всеуслышанье заявил: «Если кто завтра выйдет на работу!..»

Вот они – настоящие враги народа! Прозрели ли тогда хоть немного наши надзиратели, которые до этого с нескрываемым удовольствием поощряли и наблюдали, как «честные уголовники» глумятся над «политическими»?!

Александр Семенович тяжело перевел дух:

— А пятеро коммунистов, бывших, конечно, собрались в углу камеры и провели тайное совещание. И решили: Родина в смертельной опасности, поэтому мы не можем, не имеем права оста-

ваться в стороне. Как бы там ни было и что бы там ни было – завтра выходим на работу...

Можно ли было заснуть в ту ночь! Мы все понимали, что нас ожидает. Особенно, если нас не поддержат политические из других камер. Но решение было принято, и отступать мы не собирались. Наутро после завтрака выстраивают весь лагерь во дворе. Конвой – ни много ни мало – шестьдесят солдат – уже перетоптывается на морозе, перебрасывая с руки на руку заиндевевшее оружие. Раздается команда: «Кто пойдет работать на золотой рудник, выйти из строя и стать рядами по пяти!»

Вышли... И оказалось нас всего пятеро, как раз на один рядок. Оглядываюсь по сторонам – нет, никто больше не собирается выходить. Свист. Брань, угрозы: «Вот только вернитесь в камеру!..» В нас летят палки, какие-то отбросы...

Начальник конвоя критически осмотрел нас, повернулся в сторону конвойных:



Александр Семенович с внуками, в с. Бёхово, на Оке

«Это же курам на смех — вести пятерых под охраной полроты за пять верст. Да и какой от них будет толк!» Заколебался. Что мы пережили за эти мгновения! И тут я подскочил к нему, схватил за грудки и закричал изо всех сил: «Пожалей нас! Разве ты не видишь, что нас ожидает!»

— Рискованный шаг! — заметил я.

— А что оставалось делать? Уж лучше легкая смерть от пули конвойного. Молодой лейтенант сначала оторопел от такой неслыханной дерзости. Потом оттолкнул меня, обвел глазами строй эков, изрыгавших проклятья, скомандовал отправление в путь.

— Но ведь рано или поздно вам пришлось бы вернуться в камеру!

— А куда денешься? Спустили нас в шахту. Работаем. Труд — сами знаете — какой. Но и обед спустили прямо под землю вполне приличный. Понимали, что золото стоит хорошей еды. К концу рабочего дня мы вооружились: кто сунул в карман тяжелое долото, кто запихал в штанину стальной прут, кто спрятал кусок железной полосы... Подняли нас на поверхность и построили в окружении всего того же многочисленного конвоя. Перед началом движения полагался обыск. И снова теперь все зависело от начальника конвоя. Кричу ему: «Прошу вас, гражданин начальник, не делать обыск!»

Устинов горько усмехнулся:

— Согласитесь: просьба в те времена и в тех условиях была мало уместной. С замиранием сердца смотрим, как он отреагирует. Лейтенант, несмотря на холод, снял ушанку, чешет затылок. Понимает, конечно, отбери он у нас железки — мы станем совершенно беззащитными перед озверевшими уголовниками, видящими в нас пусть косвенную, но все же преграду к освобождению. С другой стороны, есть уставы, инструкции. Как он поступит? И кто поручится, что среди полроты солдат не найдется стукача, которому прямо в руки падает вожаемая возможность выслужиться?

Лейтенант, наконец, надел ушанку и крикнул: «Старшина, обыскать!»

Старшина, здоровенный мужик в годах, видимо, из сверхсрочников, первым обыскивал меня.. Он без труда нащупал в моей брючине железный прут и... пошел обыскивать второго, третьего... Потом подошел к начальнику и доложил по всей форме: «Обыск произведен, товарищ лейтенант. Запрещенных пред-

метов не обнаружено!» Лейтенант скомандовал «в путь», и мне показалось, что его голос был веселым.

На сердце полегчало, но ненадолго. Смертельная опасность еще не миновала. Ведь внешний конвой должен был по прибытии в лагерь передать нас внутреннему, а это еще один обыск, у самых ворот, другими стражниками.

Когда мы, еле волоча ноги от усталости, появились у ворот лагеря в сопровождении нашего грозного эскорта, вышедший навстречу другой лейтенант от души засмеялся. И безапелляционно заявил: «Ну, что они могли подобрать по дороге с такой охраной! Обыскивать не будем!» Стоит ли говорить, какой музыкой прозвучали для нас эти слова!

...Мы не вошли в открывшуюся дверь камеры, а влетели. Договорившись заранее, метнулись влево и стали плечо к плечу спиной к стене.

По молчаливому кивку атамана с полдюжины самых отпетых бросились на нас — со злобной и нетерпеливой радостью безнаказанных хищников. И тут мы выхватили наши железяки. Нам некогда было напавших отпугивать, мы били этих осатаневших людей наотмашь, куда попало, отвечая на грязную матерщину не менее грязной бранью. Пусть видят, что и мы способны на всё.

Первая волна откатилась, причем кое-кого им пришлось уволокивать. Захлёбываясь от ярости, пошла в атаку вторая волна. И тоже, со стонами и проклятиями, откатилась, побитая и окровавленная. Сколько таких атак мы выдержали, не могу сказать. К середине ночи, поняв, наконец, что идем ва-банк, уголовники, кинув несколько кружек в наши головы, улеглись спать. Зачем нести потери? Если можно под утро передушить нас сонных, как котят? Поэтому остаток ночи мы провели у спасительной стены. Трое стояли наготове, двое, прислонясь спиной к стене, спали сидя.

Наутро на работу. А вечером — опять к стене. И конвой был уже не такой многочисленный, и нас не обыскивали ни при подъеме из шахты, ни у входа в лагерь... С каждым днем интерес «отпетых» к нам притуплялся, но мы не расслаблялись и по-прежнему спали по очереди.

Таких ночей было пять. На шестые сутки лагерное начальство перевело нас пятерых в огромную камеру. Какой же это был для нас праздник! Как мы после этого стали работать! Не замедлило и поощрение: нам стали давать махорку. Золото было нужно воюющей стране как никогда...

Но много ли могли наработать пятеро? Лагерное руководство ломало головы. Как заставить работать всех. А дело организовывалось само собой. Столкнешься с кем-либо вдали от чужих глаз – ээк просит махорочки. Закурив, воровато озирается и жалуется: «Как хотелось бы работать! Да боюсь...» И тогда я просил начальство – тайком, конечно, – перевести такого-то в нашу камеру.

... Был глубокий вечер, а мы с Александром Семеновичем все расхаживали по заводскому двору, и он все рассказывал:

— Вот такими и подобными путями была организована бригада подземных рабочих, которую я возглавил. Через несколько месяцев рудник был полностью укомплектован заключенными нашего лагеря. Работали, практически, все ээки. А меня назначили начальником рудника. Расконвоировали, конечно. А то ведь неприлично было появляться на партийно-хозяйственном активе или совещаниях – под конвоем. Между прочим, я был в ту пору единственным заключенным из всех руководителей предприятий города, причем рудник гремел на всю Колыму: мы давали и по полтора, и по два плана добычи золота.

Минуло ещё немало лет. Умер Сталин.

И вот настал день моего освобождения. Немедленно собрался в дорогу. Еще не доехав до дома, которого, впрочем, у меня не было, являюсь по вызову в ЦК — оформить восстановление в партии. «Вас хочет видеть такой-то», — и называют фамилию ответственного работника.

Захожу, как был, в лагерной телогрейке, в его кабинет. Бросаю на стул потрепанный «сидор», сажусь в предложенное кресло. С минуту молча разглядываем друг друга. Потом он говорит: «У тебя, Устинов, вот здесь хоть что-нибудь осталось к партии?» — и ткнул себя пальцем напротив сердца.

«Не скажу, — отвечаю, — осталось что-нибудь или нет. Потому что сейчас меня волнует совсем другое: надолго ли?..» — «Что — надолго ли?» — «Да вот это самое... забыл, как называется... ах ты черт... вспомнил – свобода! Вот она самая, надолго ли? Тут вот какое дело: за девятнадцать лет, что я отсидел, лейтенант, который выкручивал мне руки на допросах, дослужился с божьей помощью до полковника и соответствующей должности. Стоит ему позвонить из Москвы в Тулу своим подчиненным и сказать только, что возвращается Устинов...»

«Ну, что ты такое, как ты такое мог подумать, теперь подобное исключено. Иди оформляй документы».





**Ольга
ПЕСНЯ**

СУДЬБА СОЛДАТА

Конечно, мы знали, что наш дедушка — Василий Евдокимович Песня — был посмертно реабилитирован. Знали, что он ни в чем не был виновен. Кто бы сомневался! Но справку о реабилитации не видели (нашего отца — Николая Песни — в это время уже не было в живых, и ее выслали его братьям — Павлу и Александру, живущим в Брянской области, которые нам об этом сообщили). Было это в 1989 г...

И ВОТ, когда статья готовилась в печать, для «Книги памяти жертв политических репрессий» понадобился документ о реабилитации. Я позвонила в Брянск своей двоюродной сестре Светлане (дочке Александра) и попросила найти справку. Долго ее искать не пришлось: «Папа очень бережно относился ко всему, что связано с семьей, — сказала сестра, — каждую бумажку хранил». Справку сканировали и по электронке переслали в Тулу. Получила её, держу лист бумаги в руках, и сердце сжимается...

«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» внесудебное решение от 15 ноября 1937 г. в отношении Песни Василия Евдокимовича 1882 г.р., колхозника «Красный пахарь» Мглинского района, уроженца дер. Малышевки Мглинского района Брянской области отменено, и он считается реабилитированным».

* * *

НАШ ДЕД – Василий Евдокимович Песня – был талантливым строителем. Он с бригадой ездил по округе и ставил дома. Работал дед не покладая рук: надо было кормить большую семью – шестеро детей. Когда удалось накопить денег, дед решил купить мельницу.

Мельницу-то он купил, да вот хлеб смолоть только один раз и успел...

К Василию Песне односельчане относились хорошо. И когда началась борьба с кулаками, к деду пришел председатель только что образовавшегося колхоза и предупредил: «Знаешь,

Василий, ты в списке. Завтра вас в Сибирь угонят. Готовься...» Это предупреждение спасло семью деда. Домашние успели подготовиться – впереди была целая ночь... Феодора (наша бабушка) кидалась из одного угла избы в другой, хватала детей, прижимала к себе, падала на скамью и заливалась слезами... За что?!



Родители: Антонина Константиновна
и Николай Васильевич Песня

Почему?! Как бросить дом?! Как спасти детей?! Но дед собрался духом – надо было многое успеть сделать. По опыту своих «предшественников» семья приблизительно знала, сколько вещей и багажа им разрешат взять с собой. Отбирали самое необходимое – то, что спасет в долгом пути и в страшной далекой Сибири. Дед принял решение – зарезать свинью. За ночь засолили сало и плотно-плотно, кусок к куску, уложили его в сундук. Именно сало, говорил потом отец, спасло их семью от голода.

Как ехали раскулаченные, как обустроивались на новом месте, нам, детям, известно только в общих чертах. Когда люди прибыли в Сибирь, их оставили в чистом поле. Не было подготовлено даже бараков. Рыли землянки. Многие погибли от холода и голода... У старшей взрослой сестры отца — Ксении — там остались муж и двое новорожденных близнецов...

Образованное ссыльными поселение почти не охранялось, и в начале лета Василий Песня вместе со своей семьей сумел уйти из лагеря. Вернулись в родную деревню (надеясь, что больше их не тронут). И действительно, целый год не трогали. Но на следующую осень за отцом семейства вернулись. «Черный воронок» увез его, в этот раз одного и навсегда... Василий Песня был посмертно реабилитирован через 52 года.

Сегодня трудно даже представить, сколько горя пришлось


ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Брянской области

СПРАВКА
"16".05.1989 г. № _____

от 15 ноября 1937 года в отношении Песня Василия Ефимовича
1882 г.р., колхозника к-за "Красный пахарь" Мглинского района
(фамилия, имя, отчество, год рождения, место работы перед арестом)

уроженки(ца) дер. Малышевки Мглинского района Брянской области

отменено и он (она) считается реабилитированным(ной).
"Возмещение ущерба в связи с незаконным осуждением Песня Василия
Евдокии" производится на основании действующего законодательства.


Старший помощник прокурора области *В.В. Нотопов.*

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
УПРАВЛЕНИЕ
по Брянской области
" "05.1989 г. № _____

Брянск

Адрес Брянская область, город Новозыбков, ул. Спартаковская, д. № II

Кому Песня Александру Васильевичу

Направляем справку о реабилитации Песня Василия Ефимовича
(фамилия, имя, отчество)

Одновременно сообщаем, что в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 8 сентября 1956 года № 1655 «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных», им засчитывается в общий трудовой и непрерывный стаж работы время нахождения в местах заключения и в ссылке; выплачивается по прежнему месту работы двухмесячная заработная плата, исходя из существующего заработка ко дню реабилитации по занимаемой до ареста должности. В случае ликвидации предприятия или учреждения, заработную плату выплачивает правопреемник или соответствующее министерство.

ПРИЛОЖЕНИЕ: справка о реабилитации.

Начальник подразделения *Д.С. Савоськин.*



пережить семье, оставшейся без кормильца, как растить детей в семье «кулака», сгинувшего в недрах ГУЛАГа. Наша бабушка отдавала все силы, чтобы поднять их на ноги.

Как им было больно, как страшно, как невыносимо тяжело жить... Что они ели-пили в те тяжкие годы? Как ждали весточки от сгинувшего без вести! Можно только предполагать – отец о том времени ничего нам не рассказывал. И нас воспитывал в беспрекословной, не терпящей никаких сомнений любви к Родине.

Всей своей жизнью мой отец и его братья доказали, как нужно любить свое Отечество. Любить беззаветно и безоговорочно, как бы ни сложились обстоятельства и как бы ни были они жестоки по отношению к тебе...

...НАЧАЛАСЬ Великая Отечественная война, сыновья раскулаченного Василия Евдокимовича Песни рвались на фронт. Ушел воевать старший брат, Павел. Младший, Александр, был совсем молодой. Моему отцу, Николаю, исполнилось 18 лет, и он сразу ушёл на фронт. Сначала партизанил в брянских лесах, а уж

потом попал в действующую армию. В 18 лет он стал сапером. Сколько раз учащенно билось сердце моего отца, громко стучало в висках, а по лицу катился пот в страшно напряженные минуты, когда перед ним стояла задача: успеть, суметь обезвредить. Много раз и много месяцев... Он был хорошим сапером, хотя никогда не говорил об этом. Об этом говорят его солдатские награды и тот факт, что из саперов отца взяли в разведку (известно, что отбирали туда самых-самых...).

Однажды я, будучи школьницей младших классов, спросила: «Папа, почему ты никогда не рассказываешь про войну? Вот к нам в школу бывшие фронтовики приходят, много всего рассказывают...» – «А что можно рассказать о войне? – ответил отец. – Ничего в ней нет хорошего...»

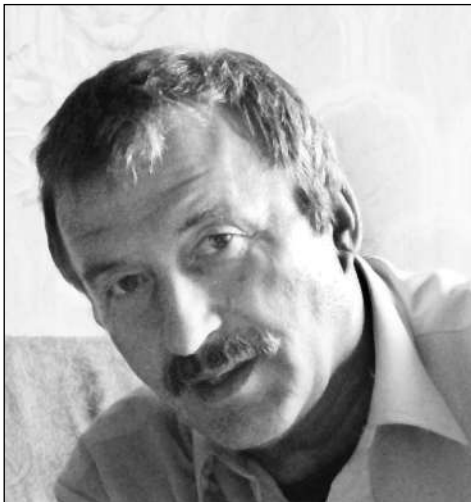
И все. Это были слова солдата, воевавшего с первого до последнего дня, закончившего войну в Праге... Наверняка ему было что рассказать. Только, видимо, не хотел походя говорить о столь глубоко волнующих вещах. Сохранился в памяти рассказ однополчанина отца, приехавшего к нам в гости, когда я была маленькой.

...На фронт прибыли высокие военные чины. Объезжали многие части, в том числе и ту, где служил отец – уже разведчиком. Энергичный и говорливый политрук произнес речь, говорил о стойкости и смелости, о том, что от состояния духа, от веры в победу зависит исход боя. «А какое у вас настроение?» – допытывался он у солдат. «У нас все в полном порядке, – ответил командир разведгруппы, – мы в каждую разведку идем с Песней...» Он имел в виду, конечно, фамилию моего отца, и все в части это поняли, а вот слегка опешившему политруку пришлось объяснять...



Павел Николаевич Песня
(крайний справа)
с однополчанами

В ПАМЯТИ моей навсегда осталась картина, иллюстрирующая отношение отца к войне, к фронтовому братству. В начале 70-х гг. в совхозе «Свободный», директором которого тогда был мой отец, проводили перезахоронение останков бойцов, погибших в кровопролитных боях в тех местах. Я помню выражение лица отца, отрешенный взгляд, внезапную сутулость плеч, опущенные руки... Тогда я не анализировала увиденное, просто сознание отложило эту картину в дальний



Юрий Николаевич Песня

уголок памяти. И только много лет спустя я поняла, что значила эта отрешенность... Отец в тот момент мысленно был не у братской могилы, где звучала траурная музыка. Он был далеко, со своими однополчанами и заново переживал гибель товарищей, боль и трагедию той войны, про которую ему всегда было трудно говорить...

В центре нашего села поставлен обелиск воинам, павшим в боях за Родину, и скульптура солдата на братской могиле. Они и поныне любовно оберегаются сельчанами.

...Тысячи километров фронтовых дорог прошел наш отец. Был трижды тяжело ранен. Один раз – в рукопашной: штыком в правое легкое. Тогда захлебывавшегося кровью отца занесли после боя в дом на окраине деревни и попросили хозяйку выходить боевого товарища, ведь рядом не было ни госпиталей, ни медсанбата. Рассказал об этом отец тоже невзначай, к слову, говоря о доброте старушки, выхаживавшей его, и о пользе козьего молока, каким его отпаивали. Выходила женщина нашего отца... Низкий ей поклон...

Закончил войну Николай Песня в Праге, вернулся домой. Живым вернулся с фронта и брат отца Павел. Успел повоевать даже младший — Александр, до этого ему пришлось много

поработать в колхозе. Но в годы войны умерли от тифа сестра Женя и еще один брат. Сестру Ксению во время оккупации деревни Малышевки жестоко избили фашисты за связь с партизанами и службу братьев в Красной Армии. Ксения долго болела, умерла молодой...

А отец после войны работал как одержимый: может, чувствовал, что отпущена ему всего лишь половина человеческого века?

РУКАМИ отца и под его руководством – он работал агрономом, управляющим отделением, – посажены сотни гектаров садов в Орловской и Тульской областях. А сколько выращено хлеба – не сосчитать!

...Мои первые «сознательные» воспоминания об отце: он приезжает вечером, усталый, с работы, достает и разворачивает завернутый в бумагу кусочек хлеба с салом – очень вкусным, тонко нарезанным и подтаявшим на хлебе. Этот крестьянский бутерброд пах свежестью полей, которые объезжал отец за долгий день, – если это было летом, или морозом – если зимой... Он был необыкновенно вкусен – этот хлебушек «от зайчика», как говорил отец. В свое время он приносил подарки от «зайчиков» и «лисичек» моим старшим сестре и брату. Он очень любил нашу маму и нас, детей... И всех родных – братьев, племянников, он был человеком очень щедрой души... А между братьями всегда существовала особая, невероятно крепкая кровная связь, хотя они и жили далеко друг от друга.

Отец работал, куда его только не «бросали», где требовались его знания, руки, опыт. «Ездила за ним, как за военным», – говорит мама. Успешно закончил сельхозакадемию, умный человек, толковый специалист – его нельзя было не заметить. Николая Васильевича Песню не раз приглашали в обком партии, предлагали возглавить хозяйство. Но для этого необходимо было состоять в рядах коммунистической партии. «Пиши заявление, – говорили ему, – тебя обязательно примут». Он писал, но в анкете никогда не забывал указать, что отец – репрессирован. Когда выяснялось, что кандидат – сын «врага народа» и отречься от отца не собирается, – в партию его не принимали. Так было несколько раз. Пока первый секретарь обкома Иван Харитонович Юнак в сердцах не сказал: «Да сколько можно, Николай, что ты сам себе

карьеру губишь? Да не пиши ты ничего про отца в анкете, никто спрашивать не будет. Ты нам нужен!» Отец отказался. И тогда секретарь обкома решил: «Что ж, тогда я возьму грех на душу, пиши, что хочешь, дальше мое дело...»

Отца приняли в партию и сразу поставили перед выбором: возглавить уже созданное хозяйство или организовать новое.

КОНЕЧНО, он решил организовать новое. Создал совхоз и назвал его «Свободным».

Совхоз очень быстро стал одним из лучших в области.

Возведены были огромные молочно-товарные фермы и свинарники, оснащенные кормораздатчиками, электропоилками и механизмами для уборки помещений. В совхозе построили новые дома, школу, дом культуры, детский сад, столовую, баню.

Николая Васильевича Песню до сих пор вспоминают, и только добрым словом. А его нет уже более тридцати лет... По роду своей деятельности я встречалась со многими руководителями области, председателями колхозов и совхозов, с бывшими губернаторами - Севрюгиным и Стародубцевым. Услышав фамилию, каждый обязательно спрашивал: кем вам доводился Николай Васильевич Песня? «Это мой отец», – говорила я. И все — все, с кем я общалась, говорили, что мой отец – настоящий человек.

Говорят, мужчина должен сделать в жизни три главных дела: построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Он построил много домов, в том числе и своими руками, вырастил замечательного сына – моего брата Юрия, талантливого инженера-оборонщика, прекрасного человека, а деревьев посадил – несчетное количество. В сотнях построенным им до-



Александр Николаевич Песня

мов и квартир живут люди, в школе учатся дети. Сады, парки и аллеи до сих пор радуют туляков. И это тоже благодаря моему отцу.

Говорят, история все со временем расставит по своим местам. Что же, и в данном случае, историческая справедливость восторжествовала — наш дед реабилитирован. Только отец об этом не узнал.

30 ОКТЯБРЯ 2012 г. - день памяти жертв политических репрессий. Вначале в Туле в сквере у памятного камня, а затем в Тесницком лесу проходят траурные мероприятия. Среди тех, кто пришел отдать долг памяти безвинно пострадавшим в те страшные годы, мой внук (правнук Николая и праправнук Василия Песни), ученик Тульской православной классической гимназии Сергей Подлесный со своей одноклассницей Анной Почуевой, у которой также был репрессирован прадедушка со всей семьей...



ТЕСНИЦКИЙ ЛЕС.
30 октября 2012 г.
Слева направо: Ольга Николаевна
Песня, Сергей Подлесный,
Анна Почуева

**Элеонора
ЩЕРБАКОВА**

**ИСПОВЕДЬ
НА ТЕТРАДНЫХ
СТРАНИЦАХ**

Разбирая в очередной раз свои домашние архивы, я вдруг неожиданно вернулась в... чужое прошлое, которое на самом деле — маленькая частичка трагического прошлого нашей большой страны.

«... Никогда не забуду исповеди 70-летней женщины, у которой в 1937 г. арестовали отца, врача железнодорожной больницы. Сколько непреходящей боли было в ее словах при упоминании о тех страшных часах, когда отца вместе с другими «врагами народа» под дулами ружей провели по городу на вокзал, а там, до прихода поезда, поставили всех арестантов на колени. И навсегда остался в памяти дочери последний жест отца из окна зарешеченного вагона — прижатый к губам указательный палец: «Молчите...» А спустя годы пришла «бумажка» — о посмертной реабилитации «за отсутствием состава преступления».



Элеонора Юрьевна Щербакова

Эти строки — из газетной статьи «Мемориал»: боль и память», написанной мною в марте 1994 г. Женщина, о которой идет речь, — Валерия Павловна Грицкова, выпускница 1941 г. белёвской школы №4, раньше — №24. Впервые я увидела ее в 1986 г. — на последнем звонке, который звенел в мае того года для нашего класса.

Выпускников 1941-го встречала вся школа. Они стояли на линейке в школьном дворе, ветерок шевелил седые пряди их волос, в руках у них были букеты цветов, в глазах стояли слезы... Они вспоминали свой последний звонок, свой счастливый май, свои мечты... А потом — всё разрушила, перечеркнула война. Июнь 1941-го всех их призвал в строй...

Выпускники второй половины 80-х, мы узнали о судьбах своих



В родной школе через 25 лет

ровесников военной поры благодаря поисковой работе 8-б класса и его классного руководителя Надежды Алексеевны Лукьяновой. Восьмиклассникам приходили письма из разных городов тогда еще Советского Союза – полные радости, грусти, воспоминаний и – любви: к своей школе, родному городу, Родине, за которую многие мальчишки и девчонки из 1941-го отдали свои жизни.

Валерия Грицкова тоже прошагала дорогами войны — с эвагоспиталем №1866, где военврачом служила и её мама. С госпиталем, днем и ночью ухаживая за ранеными, выпускница нашей школы дошла до Победы. Уцелела. Ведь их, 1923 года рождения, вернулось с той Великой войны лишь трое из ста. Из КАЖДЫХ ста, ушедших на фронт со школьной скамьи...

Спустя 45 лет родная школа собрала их, выживших и победивших, вновь. И заливающая трель звонка в тот солнечный майский день звучала для них также трогательно и волнующе, как и для нас, выпускников 1986-го. Встреча выпускников двух поколений получилась настолько эмоциональной по накалу патриотических чувств, что забыть ее невозможно до сих пор. Что уж говорить о том, что было по «горячим следам». Я буквально «заболела» судьбами этих людей. И так вышло, что с некоторыми из них у меня завязалась переписка. С Валерией Павловной Грицковой мы тоже обменивались теплыми, искренними письмами. Она была очень одинока: война и предвоенная трагедия, о которой я узнала чуть позже, многое поломали в ее судьбе... Мне казалось, одно из немногих, что грело ей душу, – это встреча их выпуска спустя 25 лет после Победы, – в организации которой она принимала непосредственное участие. Вместе с одноклассником Виктором Барановым они разослали своим соученикам групповое фото – родом из 8 класса – с надписью на обороте: «Если ты друг



Выпуск 41 года - встреча через полвека

и помнишь своих товарищей по школе, ты должен быть 17 июля 1965 г. в своей родной школе в 10.00».

Встреча состоялась точно в назначенное время и продолжалась целых четыре дня! Впечатления были незабываемые...

... А во время нашей с Валерией Павловной переписки в стране уже шла перестройка. Осознание всех происходивших событий давалось мне тяжело, меня лихорадило и разрывало изнутри. Своими «горячечными» мыслями делилась с дневником, друзьями и с Валерией Павловной тоже. В студенческом дневнике 1988 г. сохранились записи: *«Валерия Павловна прислала письмо с газетой об обществе «Мемориал». Вчера прочитала. Не верится, что такое было, что такое может быть в стране социализма. Не могу представить этого ощущения постоянного страха — ночного особенно, когда замирает сердце от каждого звука, от каждого шороха...»*.

«Валерия Павловна обещала написать мне «большое письмо-исповедь о прошлых временах». Как мне кажется, это вызвано с ее стороны тем, что я затронула в своем последнем письме вопросы нашей истории. Мне тоже хочется написать



Это радость со слезами на глазах...

ей письмо-исповедь; может быть, хоть взгляд человека, прожившего долгую жизнь при всех «правителях», сможет в чем-то прояснить мои мысли».

Обещанного письма не было долго. Потом я получила конверт с несколькими тетрадными страницами. Написанное на них стало для меня потрясением... В дневнике осталась запись:

«Первый раз о тяжелом, горьком в своей истории — не из книг и фильмов, не по рассказам, а от живого, знакомого человека... Причем — лично тебе. И — может быть — только тебе?.. Почему она решила написать мне ЭТО? Почему мне? Не знаю... Но это у меня — как прикосновение к тайне, к самому больному...».

Наверное, на тот момент эта исповедь была в равной мере нужна и самой Валерии Павловне, и мне. А теперь думаю, что, быть может, это провидение: из всех присланных Валерией Павловной писем через четверть века сохранилось только это, одно. Самое главное.

Чтобы помнили...

Элеонора ЩЕРБАКОВА

75 ЛЕТ СПУСТЯ

В Белёв мы приехали летом 1935 г. Перевели по службе моего отца, Павла Илларионовича Грицкова. Так что поступила я в нашу, 4-ю школу, в 5-й класс и через шесть лет ее закончила.

Жили мы на улице Ленина, около Рабочей улицы. Снимали полдома.

Жили мы хорошо и даже, можно сказать, счастливо. Отец был начальником железнодорожной санэпидстанции и в железнодорожной амбулатории вел терапевтический прием больных. Мама, тоже по образованию медик — четыре курса мединститута, в то время работала в редакции «Белёвская правда» литсотрудником, корректором. В школе у меня было всё хорошо, я отлично училась, любила свой класс, у нас была хорошая компания — Умар Каболов, Валя Гольц, Миша Базукин, Боря Муха, Дроздовский (классом моложе), Варя Цветкова (Ефанова), Люся Ананьева, Зина Куприкова (Новикова), я и Роза Солёнова (дочь военного, потом уехала). Мы



На первом шествии Бессмертного полка в Туле. Геннадий Коптельцев, Элеонора Щербакова, Юрий и Ольга Песня, Елена Корнилова и Марина Сёмина

встречались в доме Вари, который потом разбомбило в первую бомбежку) и в ее саду зимой на лыжах катались.

Новый 1938 г. мы встречали у меня, родители ушли в гости, а у нас был хороший вечер. Как говорят, ничто не предвещало беды.

Это было в 7-м классе. Учились мы во вторую смену. В тот день — 13 февраля — был после уроков непредвиденный отрядный сбор. У меня было скверное настроение, и я пыталась сбежать, но все же до конца досидела. Когда я пришла домой часов в девять вчера, уже все свершилось — арестовали отца.

В квартире был погром. У нас была большая медицинская библиотека — книги разбросаны, распотрошены. Сидели заплаканные, растерянные мама и квартирная хозяйка. При аресте забрали у нас шприц и сберкнижку на 400 рублей.

Потянулись тяжелые дни, бессонные ночи, всё ждали, что глава семьи возвратится. Но где тут, еще раньше, в 1937 г. были арестованы врачи: Романов — главврач железнодорожной больницы и городские — Субботин, Громов — и как в бездну канули.

На второй день, когда я пришла в школу, у нас не было уроков — в эту же ночь было арестовано несколько наших учителей. Я сидела в коридоре у батареи, дрожала и плакала, а ребята, пробегая мимо, бросали: «Не расстраивайся, видишь, и учителей нет». Но могло ли это быть утешением.

На второй же день маму уволили из редакции как жену врага народа. Спустя недели две, видя, что это «всерьез и надолго», мама стала ходить к следователю, просить о передаче теплой одежды отцу для отправки по маршруту. Следователь — ни в какую. Тогда мама, выйдя из себя, бросила в него чернильницу. Слава Богу, не попала, маму не задержали, пришла домой. И еще десять страшных дней и ночей мама ждала, что её арестуют. Но именно в это время арестовали начальника-следователя, и проишество, слава Богу, не имело последствий. Я долго помнила фамилию следователя, но время стерло ее из моей памяти.

А через месяц после ареста отца увезли. Это было в воскресенье, выходной. Я возвращалась из бани. И встречные люди сообщали мне, что по аллейке провели на вокзал арестованных, в числе других и папу. Наверное, тогда для этого не было машины, и так унижительно, под дулами ружей конвоиров, на виду у всего города, отправляли уважаемого врача и других.

Я побежала скорей домой сказать маме, но она и хозяйка-бабушка с мешком вещей и сухарей ушли уже на вокзал. Я побежала туда и встретила их возвращающимися, с тем же мешком.

Так я и не увидела больше папу. Они рассказали, что никого до прихода поезда на перрон не пускали, а заключенных поставили на колени (в мартовский-то мороз!). Провожающих пустили, когда заключенных посадили в вагон. И только в последний момент в окне появился папа. Он прикладывал палец к губам, показывая маме, дескать, — «молчи».

Мы с мамой тут же поехали в Москву, в железнодорожный НКВД, куда его отправили. Хотели узнать, на какой срок осудили и куда вышлют. Но нас не допустили — прикладами выгнали из коридора.

И всё. Ни одного письма. Где, что? Потом мама всё писала прошения Калинину о том, что отец был знающий врач, порядочный человек, всего себя отдавал людям... Так за что же? За что? Ответов, конечно, не было.

В ту пору мои одноклассники вступали в комсомол, и я хотела тоже. Но на комсомольском собрании один старшеклассник заявил: «Ей нельзя в комсомол, она — дочь врага народа». Заступился завуч Казинкин, он сказал, что я — отличница, председатель класса, вожатая отряда и (модная тогда фраза) — дети за отцов не отвечают. Приняли.

Но у меня расшатались нервы, я стала болеть и хуже учиться. В 9-10 классах у меня уже хороших отметок было наполовину. Мама вернулась в медицину, работала в городской санэпидемстанции.

Тут грянула война...

Когда мы приехали с нашим госпиталем на Украину, о врагах народа уже и не вспоминали. Начались гонения на тех, кто был на оккупированной территории.

Война и время притупили эту боль. После смерти Сталина выяснилось, что всё это исходило не от Ежова и Бери, а от него, «отца всех народов». Опять вскрылись старые раны. Потом началась реабилитация. Я долго не затевала этого дела, наверняка зная, что отца нет в живых. В 1957 г. я впервые после войны, через 16 лет, поехала в Белёв, там еще жила моя тетя — папина сестра Замараева Анна Илларионовна. Наконец я встретилась со своими подружками. Когда я была у Ангелины, к ней пришла ее соседка по улице Пушкина Вера Шира, она училась на класс моложе нас. Ее отец тоже был в 1937 г. арестован и уже реабилитирован. Вера окончила юридический институт. Она и объяснила мне, куда и что надо писать. Документы начали быстро про-

ходить, и вскоре меня в Хмельницком вызвали в МГБ. Опять дрогнуло сердце: а вдруг жив? Но нет. Сообщили о реабилитации, посмертно. В справке говорится, что осужден тройкой. Теперь-то мы знаем, что это такое. На какой срок и куда был выслан, не сказано. Выдали свидетельство о смерти. Умер в декабре 1941 г. в местах заключения. В общем-то, это отписка, филькина грамота. Интересно, что теперь мне сообщат по этому поводу...

С тех пор вроде бы зажила душа, да и пора — не одно десятилетие прошло. Но вот новая волна реабилитации, уже последняя, и, наконец, нам **сказали всю правду**. И — старые переживания по новому кругу. Оказалось, эта боль на всю жизнь. Жаль, что мама не узнала всей правды...

Вот и вся история. По сравнению с тем, что я теперь знаю из прессы, радио, телевидения, — капля в море. И лишь теперь, на общем фоне, мое горе притупилось. Но все равно сердце заходится, едва представишь, что с людьми делали в гуглаговских застенках. Помню, как впервые прочла в журнале «Юность» № 9 за 1988 г. «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Страшно.

Я помню свое состояние, когда слушала в театре «Хронику сталинских репрессий». Рассказывал Дмитрий Юрасов. Этот парень с 14 лет собирал картотеку репрессированных, 1340 карточек. Студент историко-архивного института, из которого его исключили за эту деятельность. Пять лет он работал в архивах, полтора года — в архиве Коллегии Верховного Суда. Собрал огромный материал. Изучил обстановку с 1928-го по 1953 гг. в стране, оцепленной колючей проволокой лагерей. Лекция Юрасова была жутко

Справка.

Грицков Павел Илларионович, родился в 1893 г. в с. Сомово Карпачевского уезда Брянской губернии. Из купеческой семьи. Жил в г. Белеве Тульской обл., ул. Ленина, д. 19. Санитарный врач ж.д. станции Белев. Арестован 7 февраля 1938 г. Осужден 4 марта 1938 года тройкой УНКВД СССР по Московской обл. по обвинению в АСА к ВМН. Расстрелян 10 марта 1938 г. Занесен в Книгу Памяти «Бутовский полигон».

убедительной, волнующей, к тому же Дмитрий был отличный лектор. За три дня — 11, 12, 13 января 1988 г. (по два сеанса каждый день, в 17 и 20 часов) в театре юного зрителя эту лекцию прослушали 2700 человек. Весь сбор пошел на памятник жертвам репрессий.

...Ну, вот на эту тему и всё. Наконец я осилила свои «свидетельские показания» ...

ГРИЦКОВА Валерия Павловна





**Надежда
ТЮЛЕНЕВА**

**ЯССЫ – ЯСНАЯ
ПОЛЯНА,
ДАЛЕЕ ТРАНЗИТОМ –
ГУЛАГ**

Как нами правят звезды? Сводят друг с другом и разводят, выводят на перекресток, когда память впечатывает в себя лишь имя или взгляд, а через много лет окажется, что не случайно, а посланы были тебе эти знаки, дабы опереться на них в будущем.

Надо же было руководителю нашего «Мемориала» Сергею Львовичу Щеглову вытянуть из тугο набитого шкафа с папками бывших гулаговских сидельцев и дать мне в руки именно эту, вызывающе тоненькую, — с фамилиями «Векслер» и «Витолин».

К тому времени я уже знала об Анне Борисовне Векслер немало, впрочем, только то, что было доступно тому, кто обращался в научную библиотеку музея-усадьбы «Ясная Поляна». Анна Борисовна — высочайшей пробы профессионал библиотечного дела. Она знала семь иностранных языков, на которых без затруднений изъяснялась, с которых легко переводила и на которых вела переписку; соиздательница отдела, где аккумулировалось всё изданное и издаваемое в мире на иностранных языках, где хотя бы единожды упоминалось имя Л.Н.Толстого. Она искренне радовалась каждому гостю «Ясной» и всегда была готова помочь.

Все остальные знания об Анне Борисовне приходили ко мне через моих коллег по работе в тиражке Тульского политеха (как в обиходе называли тогда нынешний Тульский государственный университет): Лидию Максимовну и Владимира Ивановича Улыбышевых, яснополянских соседей Векслер, и Ирину Николаевну Извольскую, начинавшую свою трудовую биографию в научной библиотеке под материнскую руку Анны Борисовны.



Анна Борисовна Векслер.
Первые годы после лагерной жизни. Косая Гора

Примечание автора. Кстати, и прикипеть бы Ирине до конца дней своих к Ясной Поляне, и сме-нить бы со временем Анну Борисовну в ее библио-течной ипостаси, да нашелся некий «доброжелатель» – прислал в музей письмо, предостерегающее: для штатной работы в музее Извольская опасна. Ну, и не срослось, ну и не пришлось ко двору. Не пропала же, нашла, где кусок хлеба заработать. Так же и мать её, Тамара Николаевна, не «приходилась» в свое время для работы в вузе. Реабилитированный Николай Иванович Извольский, отец их и дед, на все эти «не-срастания» только с усмешкой покачивал головой: «Да, подгадил я вам, дефьки, биографию...»

И вот как-то спрашивает меня Извольская, не соглашусь ли я, чтобы после концерта еврейского танцевального ансамбля «Фрайлехс» в Тульской филармонии, куда мы ходили втроем, Анна Борисовна осталась бы у меня ночевать. Мое-то обита-лище неподалеку, а нашей почтенной Анне Борисовне доби-раться после концерта от ее остановки 114-го автобуса до микропоселка сотрудников музея по пересеченной местности пешком да еще потемну, с её-то больными ногами, весьма непросто. Что говорить – я обрадовалась возможности позна-комиться с Векслер поближе: вообще люблю узнавать новых людей – это как открывать новые земли.

Но моя гостья оказалась не тем человеком, который торо-пится открыться. Хотя ясно чувствовалось, на скрижалях па-мяти Анны Борисовны такое отразилось – лучше не ворошить. Мы обсуждали детали концерта, восхищались музыкой, рисун-ком танца и пластикой танцоров. А еще я отвечала на много-численные вопросы гостьи касательно бывшей, но по-прежне-му опекаемой ею питомицы: как устроилась Ирина, как нала-жены её быт и питание, не имеет ли долгов, есть ли хорошие друзья и, главное, – как пережила смерть последнего род-ственника – удочерившего и вырастившего её деда.

Вскоре и я оказалась гостьей Анны Борисовны. Были уже упомянутые Ирина и Лидия Максимовна с Владимиром Ивано-вичем, также в свое время отдавшим дань музею «Ясная По-ляна» в качестве экскурсовода экстра-класса, на уровне зна-менитого Николая Павловича Пузина. Описывать тот вечер не

стану, отошло к историко-публицистическому альманаху «Воскресение» (№2, 1995 г.) – к очерку Ирины Извольской «Яснополянская рапсодия», где обо всём этом рассказано.

Прошло полгода с небольшим... Мы в той же однокомнатной квартире яснополянского музейного коттеджа, но уже без хозяйки, которую только что похоронили. Необходимо разобраться с её архивом, найти адреса зарубежных родственников. (спешим, потому что завтра квартира будет опечатана коммунальщиками, и доступа в нее уже не будет). Тогда-то я увидела написанное крупным размашистым почерком на большом коричневом, из крафтовой бумаги конверте имя: **Алексей Мартынович Виталин.**

Выданная Первой Московской Государственной нотариальной конторой копия «Свидетельства о праве наследования по закону от 19 мая 1962 г. № 3197-62» удостоверяла, что Векслер Анна Борисовна, являясь женой гражданина Виталина Алексея Мартыновича, умершего первого сентября 1938 г., есть **«наследница ко всему его имуществу».**

Наследовала Анна Борисовна и вклад в Гострудсберкассе 5287 по счету 139131 с причитающимися процентами: облига-



Баракы ГУЛАГа



В бараках ГУЛАГа

ции Госзайма на пять рублей и денежные суммы за конфискованное имущество – согласно сообщению Мосгорфинуправления от 4 декабря 1961 г. № 5-73-125.

Вероятно, под имуществом подразумевалась и московская квартира (№39 в доме № 16-18 на Б.Колхозной площади с её содержанием, где и были арестованы 14 июля 1938 г. (по другим данным 2 декабря 1937 г. – Н.Т.) комбриг Витолин А.М., а его жена Векслер А.Б. – 2 октября того же года.

На могиле Анны Борисовны благодарные яснополянцы поставили памятник из красного мрамора с лаконичной надписью: «От друзей». Приехавшие из-за границы родственники посетили место упокоения и выразили сердечную признательность людям, позаботившимся об увековечивании памяти их незабвенной Коки, как ласково называли в семье Анну Борисовну.

А вот к месту захоронения Витолина Алексея Мартыновича, расстрелянного на печально известном Бутовском полигоне под Москвой, никто никогда не придет.

БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН



В списке расстрелянных
в Бутово - 600 туляков



Примечание.

По другим сведениям, Алексей Мартынович Витолин расстрелян в «Коммунарке». Это 24-й км Калужского шоссе. Укромный лесной уголок был отдан под дачу руководителя этого самого жуткого в стране ведомства, Генриху Ягоде. Использовалась дача исключительно для деловых, понятно, кровавых по назначению, совещаний. Поблизости и ров устроили, куда отправлялись подсудимые. Пауза между приговором и исполнением иногда была почти мгновенной. Когда Ягода сам оказался во врагах народа, он нашел свой конец в том же рву, рядом со своими жертвами. «Коммунарку» еще называли «верховкой». Здесь захоронены представители 11 стран, 62 национальностей, точных данных нет, но, по скромным подсчетам от 10 до 16 тысяч человек.

В нескольких километрах к востоку – Бутовский расстрельный полигон (не верится, даже адрес есть: Юбилейная, 2). Здесь расстреливали «разночинцев» – кого попроще, из интеллигенции, священство (из 940 расстрелянных представителей церковной иерархии приняли особо мученическую смерть и отнесены к священномученикам Церкви – 352 человека. А всего в Бутово зарыто более 20 тыс. человек).







18 ноября 2017 г. Бутовский полигон
 Экскурсия организована Тульским "МЕМОРИАЛОМ" на средства
 муниципального гранта "Жители Тулы до и после 1917 г."

По крохам, по каплям выжимает из себя пользователям мировая информационная сеть Интернет неизвестно как стекающиеся в неё данные. Вот и я нашла:

«Витолин Алексей Мартынович. Родился в 1893, г. Рига; латыш, член ВКП(б) с 1919, образование высшее; 1922–1924 – сотрудник 3 отдела Разведуправления РККА; 1924–1925 – начальник 2-й части 2-го отдела; 1925–1927 – в распоряжении Разведуправления; 1927–1929 – помощник начальника 2-го отдела; 1929–1931 – в распоряжении Разведуправления; 1931–1937 – помощник начальника 2-го отдела; 1937 – бригадный комиссар. Жил в Москве: Б.Колхозная пл., д.16–18, кв. 39. Уволен из РККА в июле 1937 г. Арестован 2.12.1937 г. Приговорен ВК ВС СССР 1.09.1938 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 1.09.1938. Реабилитирован 13.07.1957 г.».

Кстати, если уж продолжать верить источникам («Ленинградский мартиролог», том 10, май-сентябрь 1938 г.) у Алексея был брат, Андрей Мартынович Витолин, 1897 года рождения, расстрелян также в 1938 году. Похоронен в Ленинграде.

Там же я обратила внимание еще на одного Витолина. Мартина Францевича. Родился в Курляндской губернии, Баусский уезд, хутор Нейгут. Образование высшее. Член КП(б), журналист, сотрудник издательства «Коммунар Циня». Проживал в Москве, ул. Почтовая, 18-30, корп. 6, кв. 1. Арестован 2 декабря 1937 г. Приговорен к расстрелу 25 января 1938 года (за создание повстанческой организации). Расстрелян 27 апреля 1938 года. Место захоронения Московская область, Бутово. Реабилитирован в марте 1957 года.

Латышей – носителей фамилии Витолины в расстрельном списке 21 человек: Витолин А.И., Витолин А.А., Витолин А.Ф., Витолин А.Я., Витолин Г.Я. Витолин Ж.Я.. Витолин М.Ф., Витолин П.П., Витолин П.Я., Витолин Р.Ф., Витолин Ф.А., Витолин Я.М., Витолин Я.Я.. Витолин В.А. и другие. Люди разных профессий, должностей и званий (начиная от сотрудников ГРУ): нарком совхозов, учитель, кладовщик, испытатель сеноуборочных машин, консультант Дома партактива, счетовод, журналист, крестьянин, садовод, начальник управления плодоводства, линотипист типографии, колхозник, машинистка, капитан Госбезопасности, статистик обувной фабрики и т. д.

Что касается Алексея Мартыновича Витолина, друга командарма ГРУ Яна Карловича Берзина, я прочла: «Пост резидента в Германии считался самым важным в Разведупре. Поэтому по рекомендации Берзина на него назначались пользующиеся особым доверием люди».

Военная разведка всё больше подпадала под влияние НКВД. Партбюро поручило Ежову установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать по согласованию с Наркомом обороны неотложные оперативные

меры, выявлять недостатки Разведупра и через две недели доложить ЦК свои предложения по улучшению работы Разведупра и указания по свежим кадрам. Ежов становится полномочным хозяином военной разведки.

Конвейер смерти работал бесперебойно. 1939 год. В Разведупре состоялось очередное заседание партбюро. В зале 239 коммунистов, в президиуме уже нет Берзина: он арестован. Туманян сообщает о новых арестах. Расстреляны начальники Разведупра С.М.Урицкий, С.С.Гендин.

Разведупр терял своих квалифицированных сотрудников не только в результате арестов. Некоторых под различными предлогами увольняли, однако, такое увольнение лишь в редчайшем случае не заканчивалось арестом и последующим осуждением. В одном из архивных дел мелькнули две фамилии: Довгалло и Витолин. Оба – уроженцы Риги. И оба уволены из Разведупра за то, что «работали на агентурной работе за рубежом под руководством арестованных врагов народа Штейнбрюка и Максимова».



Векслер Анна Борисовна. Заведующая научной библиотекой Музея-усадьбы «Ясная Поляна». Бывшая сотрудница разведывательного управления РККА

Никто мне не мог пролить свет на эту супружескую пару: Витолин-Векслер. Но удалось кое-что найти в Туле в архиве Косогорского металлургического завода. Когда Анну Борисовну освободили, она проживать в Москве по месту прежней прописки, в своей квартире, не имела права, могла поселиться не ближе 101 километра. Так оказалась в Туле на Косой Горе. Нашлось место ученика библиотекаря на Косогорском металлургическом заводе. Сотрудницы отдела кадров вместе со мною рассматривали хрупкие, почти коричневые странички личного дела Векслер А.Б. Писала их Анна Борисовна собственной рукой.

Вот «Автобиография».

«Я родилась в г. Грац (Австрия) 17 января 1905 г. в еврейской семье мелкоторговца. Кончила среднюю школу и поступила в университет на филологический факультет. Так как у родителей было пятеро детей и тяжелое материальное положение, будучи студенткой, я жила самостоятельно в г. Вене (Австрия) в общегитии, зарабатывала себе уроками на жизнь и на учебу.

В 1931 г. я вступила в австрийскую коммунистическую партию. В 1932 г. окончила университет; в 1934 г. сдала государственный экзамен. В 1936 г. вышла замуж за Витолина Алексея Мартыновича (латыш, советский гражданин, бывший в командировке за границей). В июне 1937 г. мы приехали в Россию и жили в г. Москве, Б.Колхозная пл., д.16/8, кв. 59. Сейчас же по приезду мы подали заявление в Верховный Совет СССР с просьбой о присвоении мне советского гражданства. Но 2 декабря 1937 г. арестовали Витолина, а 26 марта 1938 г. изолировали меня на 5 лет, как члена семьи (жена). Там мне сообщили, что мне присвоено гражданство СССР. В связи с войной я осталась работать там же до сентября 1946 г. При получении теперь вида на жительство в моих документах не оказалось соответствующей записи о присвоении мне гражданства. В настоящее время мною подано заявление о выяснении и присвоении гражданства в соответствующие инстанции.

С момента моего приезда в СССР я не имею никаких сведений о своих родных.

18.01.1947. Векслер А.Б.»

Возрождать Косогорский металлургический завод им. Ф.Э. Дзержинского, вернувшийся из эвакуации с Урала, досталось Арону Яковлевичу Цейтлину. Времени на раскачку не было, как воевали танкисты-сибиряки – с платформы вместе со своими боевыми машинами в бой, так и косогорцы – сегодня вернулись – сегодня давай металл. От косогорских металлургов ждали чугуна для изготовления поршневых колец к танкам.

Шел 1943 год. Арону Яковлевичу было поручено главное звено, за которое можно было вытащить весь завод – доменный цех, начальником которого он и стал. Цех стал победителем в борьбе за звание « Лучший доменный цех Советского Союза», и Цейтлин был назначен главным инженером. До конца войны КМЗ выдал 1 200 000 тонн высококачественного чугуна.

6 апреля 1945 г., за месяц до Дня Победы, А.Я.Цейтлин был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Четырежды удостоивался он этой высокой награды, единственный директор в Союзе. Были и другие награды, но самой дорогой для себя считал Цейтлин знак «Почетный металлург».

Именно в пору, когда Цейтлин был главным инженером, появилась на КМЗ некий «ученик библиотекаря в технической библиотеке», А.Б.Векслер. А Цейтлин очень трепетно относился ко всякому новому знанию и регулярно бывал у тех, кому в первые руки попадали новинки. Цейтлин по достоинству оценил интеллект бывшей «зэчки» и поручил ей сбор технической информации из иностранных реферативных журналов и научных книг о новом в металлургии. Для европейски образованной Векслер, умеющей четко организовать добывание и классификацию знаний, эта работа была в удовольствие. Так на КМЗ родилась уникальная техническая библиотека, помощь которой во внедрении нового, передового – трудно переоценить. Чтобы поддержать Анну Борисовну материально, Цейтлин дал указание оформить её по штату помощником лаборанта центральной заводской лаборатории – там ставка была побольше, чем в библиотеке.

В анкете Анна Борисовна назвала своих родителей – Соломона Бернхарда, родившегося в 1885г. в Харлоу (Румыния), мелкого торговца; мать – Анну Векслер, родившуюся в Австро-Венгрии, домашнюю хозяйку. Еще остались у нее в Румынии два брата: Исаак и Иосиф Саул, сестры Берта и Бина-Рашелла. Все они до 1937 г. жили в Яссах, а далее никаких сведений о своей семье Анна Борисовна не имела.

С семьей супруга она и познакомиться-то не могла: отец Алексея – крестьянин-батрак, умер в 1919 г., мать тоже крестьянка, скончалась в 1934 г. (слава Богу, думаю я, им не пришлось переживать расстрела своих сыновей).

В пункте анкеты о владении иностранными языками Анна Борисовна скромно указывает четыре: немецкий, французский, румынский, английский. А переписывалась едва ли не на десяти.



Когда, в 1951 г., А.Б.Векслер пришла в научную библиотеку музея, весь фонд умещался на двух небольших стеллажах. За тридцать лет трудами Анны Борисовны было собрано 40 тысяч единиц книг и журналов на 36 языках мира: Анна Зегерс «Толстой и Достоевский», 35 томов сочинения Толстого на японском языке, присланных в дар музею переводчиком, роман «Война и мир» на французском языке, подаренный Жаком Дюкло... В личном архиве Векслер – переписка с известными толстоведами Т.Д.Мотылевой, А.И.Шифманом, К.Н.Ломуновым. Есть на книжных полках труды ученых ТГПИ (ныне ТГПУ им. Л.Н.Толстого), М.П.Николаева, И.Е.Гриневой, М.М.Буркиной, и библиотека для которых часто становилась рабочим кабинетом. Здесь всем удивительно легко и плодотворно работалось...

Из стран, в которых она жила и бывала, Анна Борисовна назвала в анкете Швейцарию, «куда приезжала 1936–37 гг. с мужем».

Тут всё окутывается туманом неизвестности. Когда мы похоронили Анну Борисовну, разобрали ее документы и покидали её квартиру, Ирина Николаевна взяла горные ботинки и со слезами на глазах сказала: «Возьму себе на память. Анна Борисовна в них границу в Швейцарских Альпах переходила». Какая граница? Какие Альпы? Позже, перебирая бумажки в вынесенном Ириной конверте, нашла я черновичок письма Анны Борисовны.

Она делилась впечатлениями о работе альпинистского молодежного лагеря «Металлург». В котором, вероятно, была инструктором, а пишет «с точки зрения иностранца, занимавшегося альпинизмом за границей», впрочем, слова эти она сама же и вычеркнула.

В журнале «Даугава», который я выписывала, чтобы знакомиться с произведениями своих сокурсников по Литинституту, впервые напечатали «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Найдя там дорогие имена писателя Варлама Шаламова и врача-эпидемиолога Якова Уманского, родного брата моего давнего друга и наставницы Софьи Михайловны Уманской, я дала прочесть журнал Ирине Извольской. Она отыскала имя Клары Соломон. В «Крутом маршруте» говорилось о том, что Клару Соломон принесли в барак со следами пыток, превосходящими по жестокости Сигуранцу.

Из Интернета узнаю: Евгения Гинзбург появилась в Магадане и жила на поселении в 1947–1949 гг., когда Векслер уже стала жительницей Тулы. Но предыдущие 730 дней отсиживала в одиночках политизоляторов в Бутырках и Ярославля. Так что в прообраз Клары Соломон, не исключая, привнесено нечто и от Анны Векслер. Ибо, как признавала сама Гинзбург и подтверждают исследователи ее творчества, книга «Крутой маршрут» — «беллетризованный сборник», вобравший, кстати, воспоминания и других узниц.

О том, что Анна Борисовна была узницей не только советских, но до того еще гестаповских концлагерей, говорила мне Ирина Извольская, слышавшая много ее рассказов. Подтверждала это в беседах со мной и Лидия Максимовна Улыбышева (хотя все же сидит во мне сомнение: не похоже на Векслер, чтобы она с кем-либо могла пуститься в такие доверительные воспоминания. На редкость мудра и осторожна была).

В заводском личном деле А.Б.Векслер есть еще один документ – формы «А», в котором говорится, что он «*видом на жительство не служит. При утере не возобновляется*». Это справка из Темниковского исправительного лагеря «249/161881». Могу представить, как им дорожила бедная «зэчка», едва хлебнувшая воздуха свободы.

«Выдана гражданке Векслер Анне Борисовне, 1905 года рождения, уроженка М.Яссы (Румыния), гражданство (подданство СССР, национальность австрийка, осужденная по делу МВД СССР 2 октября 1938 г. и по отбытии срока в местах заключения МВД по ст.ст. УК – к лишению свободы 5 лет, с поражением в правах на ... года, в прошлом не судима. В том, что она отбывала наказание в местах заключения МВД по 23 августа 1946 г. и следует к избранному месту жительства в гор. Щекино Тульской области до станции Щекино Дзержинской ж.д.

**Зам.нач. (подпись)
Копия верна (Синяева).»**

На обороте справки Синяева свидетельствует:

Выдано продовольствие на 3 суток с 24 августа 1948 г.

Выдан билет на проезд до ст. Щекино железной дороги стоимостью 60 р. 35 к. Возвращено личных денег в сумме – 48 р.03 к.

Эти «03 к.» просто умиляют: нам чужого не надо, и мы в мелочах скрупулезно точны.

* * *

И как нами правят звезды? Как много в человеческих судьбах непредсказуемого. Неожиданного! Разве могли предвидеть свою встречу коммунистка, студентка, еврейка австрийского происхождения Анна Векслер и резидент советской разведки латыш Алексей Витолин, оказавшиеся в одном месте в одно время – Швейцария, 1936 год? Позволительно предположить: супружеская пара Витолин-Векслер изначально служила великому делу: установлению мирового коммунизма и укреплению мощи первого на планете социалистического государства.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

И вот когда уже дело дошло до вёрстки... Интернет, как дразнит, выдает еще некую информацию.

Витолин Алексей Мартынович. Родился 14.11.1893 г., **по другим сведениям** в 1898 г., в г. Риге Лифляндской губ. в семье сто-рожа на Рижско-Орловской железной дороге; латыш. В 1908 г. окончил пятиклассную школу в Штокмансгорфе. В 1912–1915 гг. агитатор рижского комитета СДПЛ. В 1915–1917 гг. находился в ссылке в Нарымском крае.

В мае 1917 г. приехал в Москву. В июне 1917 – октябре 1918 г. как член РСДРП (меньшевики) был активистом Мос-ковской группы латышских меньшевиков. Позднее находился на военной службе в 56-м запасном полку.

В декабре 1918 г. мобилизован в РККА. Служил телефони-стом, председателем товарищеского суда, делопроизводителем в частях Латышской дивизии. Член партии с 1919 г. Зани-мался партийной работой в дивизии, бригаде. Участник Граж-данской войны, воевал против Деникина и Врангеля.

В сентябре 1921 г. демобилизован, работал до февраля 1922 г. кружководом в КУНМЗ.

В феврале 1922 – декабре 1924 г. сотрудник-литератор, пом. зав. бюро прессы, пом. начальника 3-й части 3-го отдела Разведотдела — Разведупра Штаба РККА. В декабре 1924 – июне 1925 г. начальник 2-й части 2-го отдела Разведупра Штаба РККА. В июле 1925–ноябре 1927 г. находился в распо-ряжении Разведупра Штаба РККА. В ноябре 1927 – феврале 1929 г. пом. начальника 2-го (агентурного) отдела IV управле-ния Штаба РККА. В феврале 1929 – апреле 1931 г. в распоря-жении Управления. В апреле 1931 – апреле 1934 г. пом. на-чальника 2-го отдела, состоял в распоряжении Управления. В апреле 1934 – феврале 1935 г. учился на Основном факульте-те Военной академии им. Фрунзе. В феврале 1935 – июле 1937 г. находился в распоряжении Разведупра РККА.

Из характеристики деятельности Витолина с 1925 по 1937 г.:

«За время работы в тяжелых условиях проявлял неиз-менное хладнокровие, умело руководил аппаратом». Сво-бодно владел немецким и французским языками. В июле 1937 г. был уволен в запас РККА. Проживал в Москве. Арес-тован 2 декабря 1937 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 1 сентября 1938 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической организации» при-говорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.



Вот это сакраментальное – «по другим сведениям»... Читаю и перечитываю автобиографию А.Б.Векслер, написанную для Косогорского завода, и вспоминаю написанное ею же для Яснополянской библиотеки – там есть то самое, что сейчас можно было бы назвать: «другие сведения»... Там Анна Борисовна пишет, что работала до приезда в Россию учительницей в Бессарабии... Не исключаю, что было написано под диктовку искреннего и мудрого доброжелателя – надо же было бывшей «зэчке» вживаться как-то в обычную жизнь. Впрочем, какую обычную?! Бывшей разведчице. А они бывшими не бывают. И каждый новый поворот жизни может быть просто «другие сведения».

Для меня же в Анне Борисовне одно было ясно, понятно и дорого: земля, на которой она так перестрадала, люди, среди которых жила и которых ничуть не идеализировала, стали **неотторжими**. Ведь Анна Борисовна могла в конце концов вернуться в Румынию, где всё же нашлись у нее родственники, они по-прежнему любили свою Коку, как называли нежно ее в семье, они не уставали звать её вернуться. Она предпочитала оставаться для них гостьей. А Россия – непонятная, суровая, жестокая – оказывалась ей роднее(!). В Ясной Поляне любили Анну Борисовну, особенно деревенские жители, а незабываемый Пузин называл ласково «Бориска-Ириска». Она умерла в дивный июльский день, во время экскурсионной поездки яснополянцев на полдороге в Москву, и в день её похорон природа постаралась показать ей все свои стороны: сияло солнце, потом сыпануло снежком, потом загрохотала гроза, засверкали молнии, потом ливанул теплый дождь, и струи его при сверкающем солнце были длинны и фантастически прекрасны... И всё это длилось четверть часа... Загадочно, как сама оставившая этот мир прекрасная Анна.

И как могла она уехать из земли, где остался ее Алёша... Дожили Векслер до наших дней, мы вместе с ней поехали бы в Бутово и нашли на мраморной плите день первое сентября 1938 г. и положили бы розы, какие он ей когда-то дарил...

ЮБИЛЕЙНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ЗАВЕДУЮЩЕЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» АННЫ БОРИСОВНЫ ВЕКСЛЕР

Эта статья – «Ясная Поляна» в восприятии иностранных писателей» – была написана Анной Борисовной Векслер к 50-летию основания музея. Чтобы пришли в научную библиотеку музея отклики на это событие со всех концов земли, сами понимаете, пришлось кропотливо потрудиться, лично обратиться к каждому из посетивших в свое время Ясную Поляну гостей. И те не только ответили согласием, но прислали свои книги, статьи. И всё это, благодаря живой инициативе Анны Борисовны, стало достоянием научной библиотеки музея.

ОСОБЫЙ интерес среди этих материалов представляют около 50 писем и статей, содержащих непосредственные воспоминания о посещении музея. Мы видим под ними подписи таких всемирно известных писателей, как Чарльз Сноу, Анна Зегерс, Джон Апдайк; прислали письма автор монографии о Толстом Даниэль Жиллес из Бельгии, руководители союзов писателей Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Здесь встретились послания из Европы и Австралии, из Индии и Японии, Перу и Монголии.

Не похоже одно на другое как в отношении стиля, так и в смысле восприятия Толстого и Ясной Поляны, письма эти объединены темой благоговения перед гением русской и мировой литературы, выражением благодарности к людям страны, сохранившей Ясную Поляну в исторической неприкосновенности.

Посещение родины Толстого для этих писателей незабываемо. Отметив, что зарубежные литераторы «уже составили свое мнение о Толстом... и они полностью отдают себе отчет в том, какое огромное влияние оказала на мир его мысль на скрещении XIX и XX веков», аргентинский писатель Карлос Руис Додэ подчеркнул испытанные в Ясной Поляне им, писателем, «живущим столь далеко, в южной части западного полушария... чувства глубочайшего волнения и гордости, пере-



Среди самых близких яснополянцев: крайняя справа – Анна Борисовна, рядом с нею – Магдалина Михайловна Буркина, далее – их общий питомец Рома Рюмин, рано оставшийся без родителей, крайняя слева – дочь Лидии Максимовны и Владимира Ивановича Улыбышевых,– Ольга

живаемые лишь один раз в жизни». На письменном столе писателя и сейчас бережно хранятся три березовых листочка, привезенные им несколько лет назад из Ясной Поляны. «Волнующее воспоминание о посещении дома великого Толстого» осталось свежим и десять лет спустя.

«Был в Ясной Поляне только один-единственный день... Но этот день оставил в моей жизни и, возможно, что и в моей литературной работе, неизгладимую печать»,– говорит в своем письме из Братиславы поэт Ян Костра.

Многие писатели обращаются к воспоминаниям о Ясной Поляне, «нуждаясь в духовном отдыхе и в обновлении»,– читаем мы в одном из писем с американским штампом. «Духовная красота Ясной Поляны,– говорит индийский писатель Аруна Асаф Али,– воспринимается как символ её великого хозяина».

Основу глубокого почитания Толстого определяет в своей письме японский писатель Дзюмпей Гомикава: «Толстой напоминает мне величественную горную вершину, возвышающуюся над тучами... Лев Толстой – это светоч, озаривший думу человечества; этот свет будет сиять вечно».

Многие писатели подчеркивают, что книги Толстого стали их любимыми произведениями на всю жизнь.

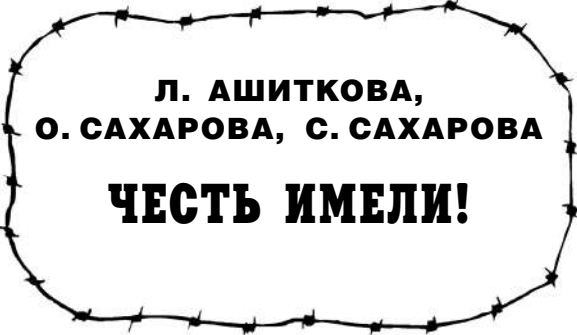
Чарльз Сноу - «первый великий романист века кибернетики», как говорят о нем на Западе, спустя 7 лет после приезда в Ясную Поляну, пишет:

«Из всех памятников великим писателям, которые я когда-либо видел, Ясная Поляна – самый прекрасный памятник. В своем скромном величии он, безусловно, соответствует человеку, который здесь писал. Нет ничего более трогательного, чем простая, без всяких украшений, могила писателя. Толстой был величайшим из писателей-романистов, и все, что связано с ним и его домом, порождает представление о гуманности и силе самой России».

А.Б.Векслер

*(Из «Яснополянского сборника»,
Приокское книжное издательство». Тула, 1976 г. с. 138–139)*





**Л. АШИТКОВА,
О. САХАРОВА, С. САХАРОВА**

ЧЕСТЬ ИМЕЛИ!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТЕЦ. ИВАН СЕРГЕЕВИЧ САХАРОВ

Рассказывают внуки:

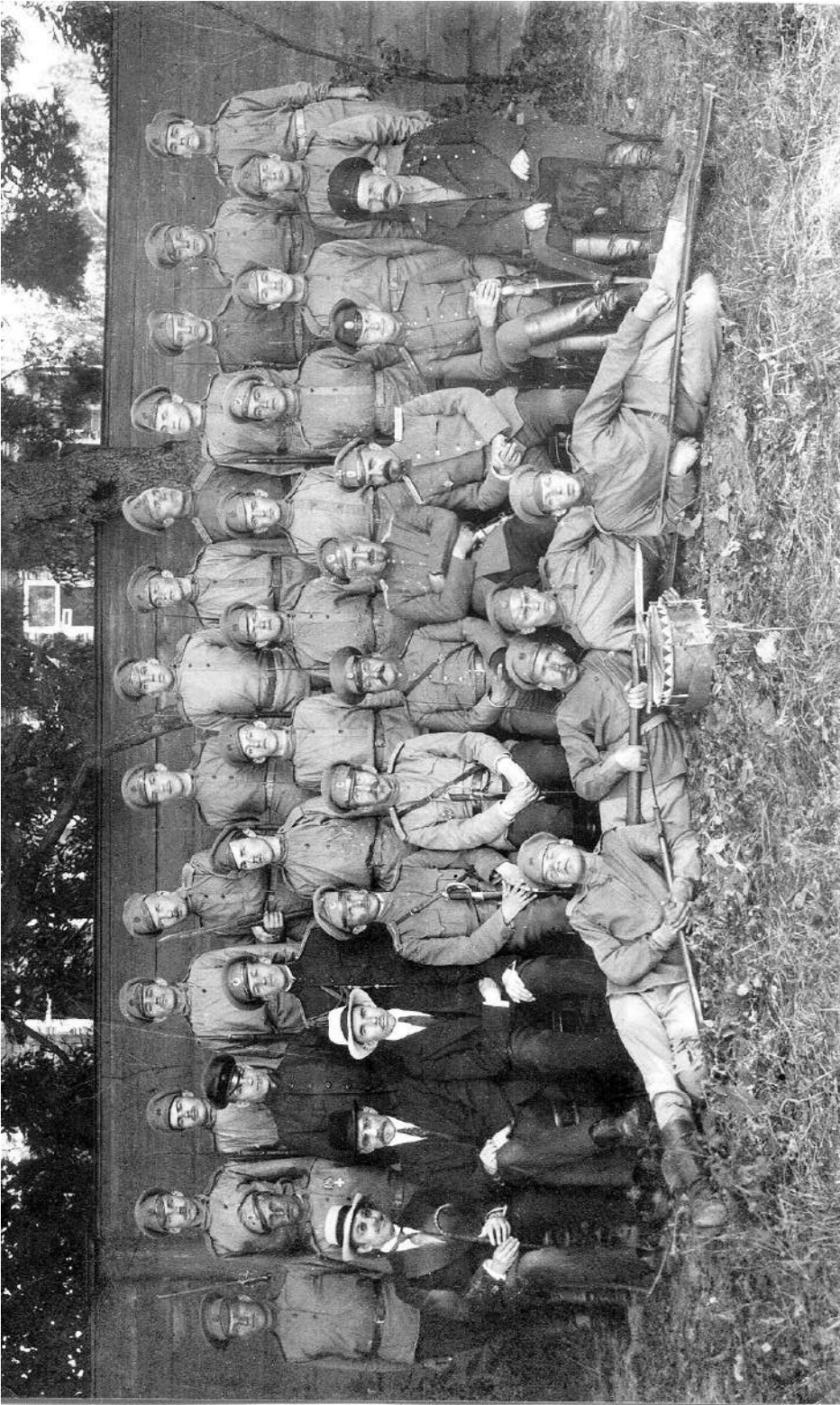
Ольга Владимировна Сахарова, кандидат биологических наук, физиолог растений, блокадница,
Светлана Георгиевна Рудакова (Сахарова), инженер;

НАШ дед, Иван Сергеевич Сахаров, родился 14 апреля (старого стиля) 1878 г. в г.Туле в семье коллежского асессора Сахарова Сергея Ивановича, имевшего высшее образование и служившего в Тульской Земской управе. Его жена, Васса Федотовна, – из крестьян, неграмотной девочкой была взята на воспитание в дом дворян Нарышкиных в Туле, впоследствии её выдали замуж за Сергея Ивановича Сахарова.

В браке у них родились 9 детей: 4 сына и 5 дочерей. Трое первых – Николай, Ксенофонт и Анна – умерли в младенчестве. Из дочерей Александра - в своё время была знакома с М. Горьким – умерла в 1925 г., Мария, Наталья и младшая Раиса (1880–1956), в замужестве Радовицкая, жили в Москве. Мария и Наталья работали на железной дороге и умерли во время Великой Отечественной войны в 1941 и 1942 гг.



Иван САХАРОВ,
курсант Казанского
юнкерского училища



ТЕСНИЦКИЙ ЛЕТНИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ. (Примерно 1909 г.)

СИДЯТ: в первом ряду, четвертый слева – Иван Сергеевич Сахаров, шестой слева – Александр Владимирович Радовичий

Старший сын Пётр (1872-1954) стал врачом, жил и работал в Павловском Посаде, заведывая там детской больницей.

Младший, Иван, был отдан в Казанское юнкерское училище, которое окончил в 1896 г. и унтер-офицером как вольноопределяющийся, поступил на службу в 12-й пехотный Великолуцкий полк, в 1893 г. переведённый из Владимира в Тулу. В составе полка он участвовал в русско-японской войне 1904-1906 гг. После её окончания полк перебросили на три года в Екатеринбург для несения внутренней службы, в частности, по подавлению беспорядков в городе.



Счастливая пара.
Сахаровы Иван Сергеевич и Глафира Васильевна (урожденная Огнева)

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Свидетельствую, что в книге записей актов гражданского состояния
о браке, 1910 года октября
7 числа произведена соответствующая запись
за № 1.

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу Сахаров
жене Сахарова

Место регистрации г. Тула
Червова 12-й Галоп-Ногой полка
18. Мая 1910

Уполномоченный Михайлов
1-й п.з. № 024914

Свидетельство о браке

Примечание.

«07.02.1906 г. Царь утвердил «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям», в соответствии с которыми войска вызывались «для охраны благочиния при церковных торжествах, для предотвращения народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям и начального похищения и разрушения имущества»... Для того, чтобы разогнать толпу, ее трижды предупреждали, а затем по испытанному еще в декабре 1905 года на Пресне приказу «патронов не жалеть!» стреляли на поражение... На армию были возложены дополнительные полицейские и карательные функции при подавлении внутреннего бунта».

Кадровые военные (в составе 55 штыков) под командованием капитана Козлова под Екатеринбургом содействовали поимке шайки бандитов-грабителей, выдававших себя за революционеров. При столкновении с войсками они иногда отстреливались из револьверов и метали самодельные бомбы. В лесу был обнаружен даже целый склад оружия. Террористов-экспроприаторов возглавлял унтер-офицер Лбов. Лбовцы грабили банки, конторы заводов, почтовые заведения, казенные винные лавки и даже напали на паром и поезд с целью ограбления и убийства полицейских чинов. Под начало Лбова съезжались известные боевики и террористы со всей России, однажды число прекрасно вооруженных и обученных бойцов достигло 50 единиц. Лбов замыслил мятеж, овладение губернией. Средства, добытые рэккетом, шли на закупку оружия, передавались на нужды большевистских и эсеровских комитетов, раздавались крестьянам... Банда Лбова была рассеяна правительственными войсками осенью 1907 г., а сам «уральский Робин Гуд» в 1908 г. пойман и повешен».

(По страницам книги Игоря Буйко
«Великолукцы на службе империи»).

В конце концов, закончилась и уральская эпопея полка, обогатив армию России опытом антитеррористической деятельности, и в 1909 г. полк возвратился в Тулу, на постоянное место дислокации. Здесь каждый год (ещё с 1893-го) Великолуцкий полк в полном составе и с семьями выезжал под Тулу **в Тесницкий лес** в летние военные лагеря на весь сезон.



Дважды раненый
И.С. Сахаров, участник
Брусиловского прорыва.
Фото было разорвано
во время ареста

К 1909 г. Иван Сергеевич Сахаров имел звание поручика. Служба шла своим чередом. Город жил обычной мирной жизнью, и в зале Тульского дворянского Собрании с 1909 по 1914 гг. время от времени устраивались танцевальные вечера и балы. По уставу к их проведению могли привлекаться военные. Сам блестящий танцор, Иван Сергеевич был распорядителем на таких вечерах. На одном из них он познакомился со своей будущей женой Глафирой Васильевной Огневой (1888–1961 гг.), с которой он и обвенчался в Спасо-Преображенском храме в центре Тулы в 1910-м году. По воспоминаниям родственников, друзей и просто знавших его, Иван Сергеевич был умным, весёлым, открытым человеком, острословом, любителем анекдотов, душой любой компании, страстным велосипедистом. Например,

вместе с друзьями он отправился в Симферополь, чтобы пригласить в Тулу тогдашнюю звезду велоспорта Тарновского, и тот приехал к ним!

В семье Ивана Сергеевича и Глафиры Васильевны родились трое детей: Владимир (1911–1991), Георгий (1912–1940) и Галина (1913–1983). Их воспитанию, образованию и всестороннему развитию уделялось много внимания, отец просто обожал детей, а они, в свою очередь, радовали родителей своими успехами и талантами.

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, 12-й пехотный Великолуцкий полк, как и многие другие, отправился на фронт. В ходе военных действий Иван Сергеевич был дважды

ранен: первый раз в марте 1915 г. в районе реки Сан, после чего лечился в госпитале города Кашина Тверской губернии (сохранились два письма, присланных оттуда жене – нашей бабушке – от 6.04.1915г. и 11.05.1915г.). А 22 мая 1916 г. он получил, вместе с еще 26-ю сослуживцами, контузию при взрыве фугаса во время Брусиловского прорыва (Сопановский прорыв), лечился после этого в госпитале в Царском Селе. Сын Ивана Сергеевича Володя запомнил рассказ отца о том, как их, раненых, в этом госпитале навестила одна из особ царствующего дома и от имени вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны подарила каждому из них по шкатулке.

В книге Игоря Буйко «Великолукицы на службе империи» подробно описаны военные действия полка и во время русско-японской войны, и в Первой мировой; перечислены многие участники тех событий. Фамилии нашего деда, Сахарова Ивана Сергеевича, в ней нет, но встречаются фамилии его однопольчан, с которыми он вместе воевал, дружил, а с некоторыми их судьбы впоследствии переплелись и в мирной жизни.

Вот, например, Георгий Степанович Бекаревич, подполковник, начальник штаба на начало войны. В 30-е годы он с семьёй жил в Ленинграде, и по просьбе Ивана Сергеевича они приютили его сына Владимира с другом Глебом Глебовичем, поступивших на матмех Ленинградского университета. Туляки прожили в семье Бекаревичей около двух лет.

Упомянут в книге Александр Владимирович Радовицкий. Он стал крёстным отцом детей Ивана Сергеевича, а позже и родственником, т.к. брат его – Радовицкий Пётр Владимирович – женился на младшей сестре Ивана Сергеевича – Раисе.

Дружил в свое время с нашим дедом Сергей Михайлович Козлов, Георгиевский кавалер, погибший в марте 1915 г. в том же бою, в котором был ранен Иван Сергеевич: «...Жалко бедного Сергея Михайловича, – писал жене Иван Сергеевич из госпиталя, – так и погиб, страдая всю свою жизнь...».

В кругу близких нашему деду людей был также полковой священник, он же благочинный 3-й дивизии, протоиерей Александр Захарович Пославский, крестивший его детей.

В 1916 г. Иван Сергеевич Сахаров в звании капитана был демобилизован из армии по контузии. Нужно было устраиваться в гражданской жизни. В том же 1916 г. Иван Сергеевич поступает в Москве в Школу танцев артиста



ЛЕТНИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ В ТЕСНИЦКОМ ЛЕСУ.

Сидят справа налево: И.С. Сахаров с сыном Владимиром, Сахарова Васса Федотовна с внучкой Галиной, слева Глафира Васильевна с сыном Георгием;

Стоят справа налево: Дмитрий Шамин, племянник Ивана Сергеевича; в центре – Ольга, взятая в семью на воспитание из приюта; слева – Екатерина Васильевна Огнева (сестра Глафиры Васильевны)

Государственных Московских театров А. А. Цармана и оканчивает её с примечательным аттестатом: «Дан сей Ивану Сергеевичу Сахарову в том, что он в течение трёх лет проходил полный курс всех новейших салонных, бальных и характерных танцев и ...показал блестящие успехи, почему неоднократно ему поручалось в моё отсутствие руководить танцклассами...».

В Туле, куда Иван Сергеевич вернулся из Москвы, ему пришлось заниматься различными видами деятельности: он преподавал физкультуру в школах, училищах, на Курсах красных командиров; преподавал бальные танцы; органи-

зовывал спортивные секции и хореографические студии, танцевальные вечера и праздники – его дочь Галина спустя много лет вспоминала, что в возрасте 5 лет (в 1918 г.) как ученица отца, танцевала на сцене Дворянского собрания (получившего после 1932 г. название «Дом офицеров Тульского гарнизона».)

В условиях смутного времени пришлось деду работать бухгалтером, счетоводом в различных трестах и других организациях и даже некоторое время старостой в церкви Двенадцати Апостолов. Последним местом работы Ивана Сергеевича Сахарова был городской Парк культуры и отдыха, где он преподавал танцы.

В ноябре 1937 г. Иван Сергеевич был арестован как бывший офицер царской армии. При аресте успокаивал жену, говорил, что это – недоразумение, что обязательно разберутся, даже доверительно пошутил, рассказав анекдот... про Ленина! А 15 декабря того же года Иван Сергеевич Сахаров был расстрелян – по иронии судьбы в том же Тесницком лесу...

Жизни его детей сложилась по-разному.

Старший сын, Владимир, окончил Ленинградский Государственный университет по специальности «Астрономия», был участником Великой Отечественной войны, в послевоенное время занимался научной работой в Пулковской обсерватории, имел много напечатанных трудов.



Участник Первой империалистической войны, офицер 12-го пехотного Великолуцкого полка (1914–1916 гг.), участник Брусиловского прорыва И.С. Сахаров



Тесницкий летний военный лагерь.
Справа третий – И.С. Сахаров, четвертый – А.В. Радовицкий

* * *

Все дети Ивана Сергеевича, по примеру отца, также активно занимались спортом. Георгий непременно участвовал в легкоатлетических и лыжных кроссах, организовал волейбольную команду и с нею участвовал в соревнованиях. Хорошая физическая подготовка очень пригодилась молодому человеку на строительстве Челябинского тракторного завода. Оттуда, наследственно предрасположенный к заболеванию туберкулезом, Георгий вернулся в Тулу в 1936 г. явно не в лучшей форме. Да еще в дороге удосужился отдать своё пальто человеку, который, по мнению Георгия, нуждался в большей степени утепления. Мать ахнула, увидев на пороге полураздетого сына. На его пояснение только руками вплеснула: «Ну, ты, Юрка, неисправим!» И так уж по судьбе сошлось, у его красавицы-супруги Сарры было то же заболевание. Они горячо любили друг друга и думали только о быстро летящем времени. Счастью, казалось, не было предела, когда родилась девочка, она стала для всех светом в окне, светом грядущих дней, и назвали ее Светланой...Больше всех радовался появлению ребенка дед, Иван Сергеевич. Это же была первая его



Иван Сергеевич Сахаров.
1937 г. Фото из
расстрельного дела НКВД



Свидетельство о смерти

внучка, и он еще успел её помянуть. Потом арест, на Сахаровых – клеймо «семья врага народа».

Георгий весь в заботах о хлебе насущном для семьи. Работал временно в разных организациях плановиком, на постоянную работу оформлять остерегались. Да всё одно к одному катилось. Умерла Светочкина мама, и сам Георгий ненадолго задержался на грешной земле, умер 28-летним, в 1940 г. Осиротевшая малышка осталась на руках бабушки с той же засевшей в организме инфекцией.

Галина уже училась во втором Московском мединституте. Удар отчисления смягчил пятилетний «пролетарский» стаж, но из комсомола всё же исключили. Природная заряженность на оптимизм не позволяла впадать в минор. Увлечение танцами и физкультурой украшали её жизнь. Галина получала призы на танцевальных вечерах, участвовала в физкультурных парадах на Красной площади. Стала врачом и всю войну работала врачом. В 46-м возвратилась в Тулу к маме и племяннице.

После того, как Иван Сергеевич Сахаров был ввергнут в НКВДешные застенки, его супруге Глафире Васильевне (уже вдове, о чем она еще не знала) полной мерой досталось хлеб-

нуть вдовьей доли. Утонченная, привыкшая к восхищению окружающих, с благородными манерами, внешне просто светская дама, она легко и с улыбкой бралась за всякое дело: рыть щели для спасения при налетах авиации, тушить зажигалки, шить купола парашютов, развозить хлеб с хлебозавода по магазинам в самодельной тележке, в которую они впрягались с соседом Кузовлевым Константином Васильевичем...

Еще Глафира Васильевна дорожила местом прислуги в доме частнопрактикующего, известного врача-венеролога. И там всё держалось на ней: уборка кабинета, стирка, готовка еды и уход за маленьким огородом во дворе. В Туле даже в войну работали детские сады, и чтобы не отрывать бабушку от дел, сознательная внучка сама отводила себя в садик (на угол улиц Ленина и Демонстрации).

Когда Галина вышла замуж, то вместе с мужем, другом детства её брата Владимира, они воспитывали Светлану и помогли ей вылечиться от наследственного туберкулеза. Галина Ивановна была замечательным врачом и была удостоена звания «Отличник здравоохранения».

* * *

Через 19 лет после расстрела Постановлением Президиума Тульского областного суда от 30 декабря 1956 г. Иван Сергеевич Сахаров был реабилитирован, дело в отношении него было прекращено. А в 1957 г. его вдова получила денежную «компенсацию», на которую купила жившей с нею внучке пальто.

* * *

Когда вы бываете в Тесницком лесу, не исключено, что и кому-то из вас приходят на память строки известного поэта Владимира Лазарева: «...родные берёзы не спят. Быть может, они вспоминают суровые годы войны...». Но эти березы, березы Тесницкого леса, вспоминают и помнят о другой войне. Войне против собственного народа. И о каждом здесь закопанном, даже не захороненном, а именно кое-как засыпанном землей, несправедно осужденном, хочется (как, верно, хочется и каждому из вас), сказать: «Честь имели!»

Чтя память нашего деда, капитана 12-го пехотного Великолуцкого полка Ивана Сергеевича Сахарова, и других жертв, *оставшихся навечно в Тесницком лесу*, говорим: «Честь имели!»

К печати подготовила **Лариса АШИТКОВА**



ГЛАВА ВТОРАЯ

**СЫН.
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ САХАРОВ**

Рассказывает

Ольга Сахарова, дочь В. И. Сахарова

ДЕТИ Ивана Сергеевича Сахарова, Владимир и Галина, чтобы заработать право поступления в высшее учебное заведение, какового отпрыски царского офицера, конечно, не имели, вполне органично влились в ряды рабочего



Мать расстрелянного Ивана Сергеевича Васса Федотовна с внуками Георгием (слева) и Владимиром (справа)

класса (что удивляться! – стоит вспомнить жизнь венценосной семьи в Екатеринбургской ссылке, где император, его супруга и дети безо всякого смущения занимались разнообразным трудом – от починки белья вплоть до пилки дров. Пословица увековечила народную наблюдательность: из пана не сделаешь хама, а из князя – грязи, обратное – сколько угодно). Галина, мечтавшая стать танцовщицей, пошла на завод и стала отличным токарем, отдала этой рабочей профессии пять лет своей юности. Владимир на время попрощался со своей мечтой об астрономии и пошел чернорабочим на строительство фабрики-кухни (стройка первой пятилетки в Туле – почетно!), где элементарно таскал камен-

ные ступени, потом стал мастером по фибролитовому производству в стройтресте, одновременно учился и закончил в 1932 г. с отличием курсы по подготовке в вуз. В этом же году был принят на факультет математики и механики Ленинградского государственного университета (интеллект – его не так-то просто вытравить, если он врожденный и не в первом поколении).

Владимир полной чарой вкушал радости замечательного студенческого братства. Его увлекало всё: спорт (велогонка, лыжи, волейбол, легкая атлетика – что пригодились при прохождении военной службы и во время Великой Отечественной войны), шахматы, искусство, музыка. Часто ходили все вместе в филармонию. Вместе

подрабатывали в студенческих бригадах. А однажды Владимир устроился в качестве подопытного в лабораторию биофака ЛГУ. Шаг оказался счастливым. Судьба уготовала ему здесь встречу с Ольгой Розановой, студенткой биофака, его будущей женой. Но прежде, чем они поженились, он-таки стал дипломированным астрономом, а она – кандидатом биологических наук, им пришлось преодолеть такие преткновения со всякого рода недружественными обстоятельствами! А пока находит время Владимир и для участия в обществен-



Однополчанин Ивана Сергеевича – Александр Владимирович Радоницкий, крестный отец его детей (слева – Владимир, справа – Георгий и Галина). В военных лагерях в Тесницком лесу. Снимок сделан около 1915 г.

ных делах: в работе Осоавиахима, спортивных соревнованиях. Живет жадно, стараясь как можно большим овладеть, успеть. Да, пожалуй, все тогда так жили...

Декабрь 1934 г. грохнулся оземь черным вороном, и покати́лась над людьми леденящая тень. Начало массовых сталинских репрессий было спровоцировано убийством Сергея Мироновича Кирова, обожаемого ленинградцами вождя. В руководство ЛГУ поступил донос на студента третьего курса Владимира Сахарова. Его тут же исключили из вуза. Подрезали крылья на взлете научных изысканий. Владимир уже тогда был замечен в научном мире. По сути, от дальнейшего трагического развития событий спасло Сахарова приглашение в Таджикскую Астрономическую обсерваторию от проф.

З.П.Цессевича: уехал в Сталинабад (Душанбе). А в ноябре 1935 г. Владимира Сахарова призвали в РККА. Служил в Туркмении, близ Ленинабада, в кавалерии, занимался съёмкой местности на советско-афганской границе.

Огромной поддержкой была Сахарову переписка с Ольгой Розановой. В их, как бы теперь сказали, виртуальных отношениях царили полное взаимопонимание и исключительная забота друг о друге.

Дочь Владимира Ивановича и Ольги Семеновны, названная, сами понимаете, не случайно Ольгой, сохранила переписку родителей за все годы, включая и времена Ленинградской блокады. Цены этим письмам нет! Есть в них место и правде жизни, и лирике. Нет одного – уныния. Вот кусочек письма Владимира Ольге, из мая 1937 г.: «Живем среди угрюмых скал; кроме травы, растительности нет. Все дни – в напряженной



Владимир Сахаров четырнадцати лет, 1926 г., юный астроном, постоянный посетитель частной обсерватории, располагавшейся во дворе аптеки Белявского, ныне музей-аптека в Туле



1940 г. Слева – Сахарова Галина Ивановна, дочь расстрелянного Ивана Сергеевича; Сахарова Глафира Васильевна с внучкой Светой, лишившейся к тому времени обоих родителей. Галина – студентка 2-го Московского мединститута

работе. Целыми днями не слезаешь с лошади. Порой приходится взбираться с грузом на плечах на отвесные вершины до 300 м высотой. Во время подобных физкультурных упражнений вспоминаю славные традиции нашей университетской легкоатлетической секции. А лазаю безотказно, чувствую себя крепко».

По окончании службы в РККА Владимир, поддержанный командованием эскадрона, подает заявление о восстановлении в правах студента. Был восстановлен, и с ноября 1937 года он снова – студент третьего курса того же факультета, но по специальности – астрономия. Для приближения своей мечты, преодолевая изнуряющие приступы подхваченной в Средней Азии малярии, пришлось сдать более 10 экзаменов и зачетов по дисциплинам, пропущенным в годы вынужденного перерыва.

Кажется, начиналась в жизни светлая полоса: женитьба на любимой девушке, рождение дочки; в 1940-м приехали для со-

вместного проживания мама Глафира Васильевна и маленькая племянница Светлана. Розановы, то есть семья Ольги Семеновны, сердечно приняла всех.

Хотя незримые, уже снова сгустились тучи и над Владимиром, и над его родными, и над принявшей их дружной гостеприимной семьей Розановых.

Ведь в Туле в ноябре 1937 г. был арестован, а в декабре того же года расстрелян на полигоне летнего лагеря в Тесницком лесу, превращенном из места учебных тренировок в место казни и массовых захоронений, глава семьи Сахаровых, Иван Сергеевич (только узнали близкие о том, что он расстрелян, через десятки лет). На том самом полигоне, где прошло столько прелестных безоблачных дней у маленьких Володи, Юрки, как называли в семье Георгия, и Галки Сахаровых. Тогда были все живы, и радостны, много шутили и смеялись... Невелико расстояние между Тулой и Ленинградом, но пока оно рождало иллюзию безопасности.

Тут невозможно умолчать о некотором обстоятельстве, вернее, свойстве характера Владимира Ивановича. Дело в том, что бабушка Глафира Васильевна требовала от своих ребят с раннего детства неукоснительной правдивости. И Володя этим сильно отличался. Как-то пришла к Сахаровым некая дама – заказать шляпку, которые потрясаяще шила сестра Володиной мамы, тетя Катя. Катя предложила гостье выбрать фасон. Та начала примерять шляпки одну за другой и спрашивать у всех мнение: ну, мол, а какова я в этой, а в этой?.. Дошла очередь и до трехлетнего Володи, он поглядел внимательно на даму в очередном уборе и вежливо произнес: «Хороша!.. – помолчал и прибавил, – только на Пашу-дурочку похожа». Ходила такая по городу, тоже в шляпе.

С годами Владимир Иванович, как видно, не изменял усвоенным с детства правилам. В Средней Азии он, не желая подводить своего начальника, сделал признание о причине своего отчисления из университета; то же повторилось в Ленинграде – он не мог отказаться от своего отца, умолчание, в его понимании, было тем же предательством... Вот был Господь над этим человеком! Оба раза смертельно опасные признания попали в уши порядочных людей. Как говорят, Богу в уши. Может, и душа старшего Сахарова молилась на небесах о спасении невинного семейства.

Через год грянула Великая Отечественная...



С ПЕРВОГО И ДО ПОБЕДНОГО ДНЯ

Слово – сыну Ивана Сергеевича Сахарова Сахарову Владимиру Ивановичу

В Великой Отечественной войне нашего Советского народа против немецко-фашистских захватчиков я участвовал с самого начала и до Дня Победы.

В соответствии с моей гражданской и военной специальностью меня, вскоре после мобилизации, направили в инженерно-аэродромный батальон. Именно в этих частях ВВС я находился в течение всех долгих дней войны, выполняя задания и приказы командования по изысканию, проектированию и строительству аэродромов тактической и стратегической авиации. При этом нередко приходилось решать очень сложные и трудные задачи, сообразуясь с оперативной обстановкой, наличием людских сил и материально-технических средств.

Наша часть находилась сначала на Карельском фронте (1941–1943 гг.), затем на Калининском участке фронта, где мы обеспечивали бесперебойное действие авиации в боях за города Великие Луки, Невель, Новоржев. Здесь рядом с нами дислоцировались чешские воинские части, участвовавшие в боях с фашистами.

В январе 1945 г. в составе войск 3-го Белорусского фронта, находящегося тогда под командованием дважды Героя Советского Союза генерала армии И.Д. Черняховского (1906-1945), наша часть выступила в Восточную Пруссию. Главный удар был направлен на разгром Кенигсбергской группы войск врага. Мне вспоминается один из эпизодов того времени.

В конце марта – начале апреля 1945 г. некоторые зимние взлетно-посадочные полосы аэродромов (ВПП), места стоянок самолетов (МС) и рулевые дорожки (РД) вышли из эксплуатации. Это очень затрудняло боевые действия авиации. На одном из объектов накануне штурма Кенигсберга возникла такая ситуация, что два истребительных авиаполка – один наш, другой – наших союзников по оружию, французов, полк

«Нормандия-Неман» – вовсе были лишены возможности делать боевые вылеты, т.к. ВПП за 2-3 дня очень теплой погоды превратились в поверхность, покрытую жидкой массой толщиной более 30 см, напоминающей чем-то плавун. Я получил из штаба части приказ об ответственности за этот объект. Вскоре на место прибыл командующий воздушной армией дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Т.Т.Хрюкин (1910–1953). Его я знал еще по Карельскому фронту, где он контролировал выполнение приказа И.В.Сталина по строительству аэродрома близ г. Беломорска. Там ВПП представляла собою деревянную решетку на поверхности болота, глубина которого достигала 18 м.

После официальной встречи командующий воздушной армии вместе с сопровождающими – командиром авиадивизии генерал-майором Прудковым, командиром авиации Героем Советского Союза майором Сибириным, начальником штаба полка «Нормандия-Неман» майором Дельфино и др. ответственными лицами – приступил к осмотру ВПП. Он шел впере-



Дом по ул. Демонстрации (бывшая Калужская, домовладелец Кузовлев К. В.), №58, в котором жили Сахаровы.

На фото слева направо: двоюродные сестры Светлана и Ольга Сахаровы, сын Ольги Сережа Булах



Владимир Иванович Сахаров – доктор физико-математических наук, более 40 лет работал в Пулковской обсерватории АН СССР. Известный советский астроном и геодинamik, один из ведущих в СССР специалистов по проблеме изменяемости широт и движения полюсов Земли

ди, энергично преодолевая грязь, в которой вязли его хромо-
вые узкие сапоги; я шел, с трудом вытаскивая из жидкого пес-
ка свои, свободные на ноге, с широкими голенищами кирзовые
сапоги. «Что думаете делать?», – обратился ко мне Т.Т. Хрюкин. –
«Пока не знаю, товарищ командующий», – ответил я. – «Если на
этой полосе ничего не выйдет, – валите лес и разворачивайте
полосу вон в том направлении! Сообщите, сколько Вам нужно
людей и техники, чтобы все сделать в три дня». Обращаясь ко
всем, он добавил: «В Беломорске мы строили не такой аэро-
дром, как этот, а на болоте, глубиной 18 м». – «Я принимал
участие в строительстве этого объекта», – ответил я. – Вы
ежедневно, к концу рабочего дня делали обход участков, и я
докладывал Вам о ходе работы на своем участке, товарищ ко-
мандующий!» Обращаясь ко всем, Т.Т.Хрюкин сказал: «Ви-
дите, какая опытная инженерная часть здесь находится. Я
не сомневаюсь в том, что задание будет выполнено». Обра-
щаясь к командиру авиадивизии, командующий воздушной
армии сказал: «Товарищ Прудков, о готовности объекта до-
ложите через три дня».

Когда все уехали, я стал думать, что делать с ВПП... Каза-
лось странным – кругом песчаная местность, фильтрующая
порода, а на ВПП – жидкая песчаная масса. «Не мерзлый ли
слой задерживает воду?», – подумал я и дал указание пробить
шурф в этом месте. Вода тотчас ушла в песок. Отдал распоря-
жение разбить на ВПП борозды по длине 900 м с интервалами
через 10 м. Как только работа была выполнена, песок стал
плотным. Трактора с прицепными механизмами разровняли
наст, и в результате получилась ровная, очень плотная повер-
хность. Хуже было дело с торцевой частью ВПП, примыкавшей
к заболоченной низине – там грунт оказался суглинистым.
Пришлось делать искусственное покрытие из кирпичного
щебня. Люди и техника немедленно были переброшены на это
дело. Кирпич брали из разрушенных зданий. Щебневое по-
крытие было засыпано сверху песком и укатано тяжелыми
катками. Генерал-майор авиации Прудков сделал пробный на-
лет, оказавшийся очень удачным, и приказал принять ВПП к
эксплуатации.

Тут же начались боевые налеты, нацеленные на Кенигсберг.
Было синее утро апреля. Когда я пришел на КП (командный
пункт) авиаполка для оформления документации, у радио-
приемника стоял начальник штаба. Из эфира доносилось:

«Я – весна, я – весна...впереди два «мессершмидта», вступа-ем в бой». Кенигсберг был взят 10 апреля 1945 г.

Нашу часть перевели для восстановления базового аэро-дрома, с которого гитлеровская авиация по приказам Геринга совершала налеты на наши города еще с первых дней войны. Наступил период фронтового затишья. В ночь с 8-го на 9-е мая все однополчане были разбужены какой-то беспорядоч-ной канонадой. Мы выбежали наружу – по всему горизонту ухали пушки, летели трассирующие снаряды и пули, взвива-лись разноцветные огни ракет. И вдруг мы услышали, как в ночи над весенними полями стало проноситься, как бы пере-катываясь, многоголосое «Ура!»... Прибывший связной сосед-ней части радостно сообщил: «Кончилась война»!

Владимир САХАРОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Владимир Иванович Сахаров награжден орденом «Красная Звезда», тремя медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.», «За взятие Кёнигсберга» и благодарностью Верховного Главноко-мандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина.





**Ирина
ИЗВОЛЬСКАЯ**

**«НЕ ГОВОРИ:
«ИХ НЕТ»**

Не по своей воле Николай Иванович Извольский отдал ГУЛАГу несколько лет жизни, и удочеренная им внучка Ирина, моя коллега по работе в вузовской тиражке и городской газете «Тула», обещала написать о нем в «Книгу памяти», но трагически погибла, не успев сделать задуманное. Таким образом, исполнить её обещание пришлось мне.

С ЧЕГО было начать? С семейных альбомов Извольских? Раскуроченных, с карточками, сваленными кучей вверх тор-машками? – они были выданы мне хозяйкой дома, где жила Ирина в последнее время. Пересмотрев множество фотографий (на иных были семинаристы, ученицы епархиального училища, священники), выбрала я несколько, как мне казалось, подходящих, увы! – все они были без подписей, и уже никто не мог мне помочь, не мог назвать – кто есть кто. Но – эврика! Как могла я забыть! Есть ниточка, есть. «Обитель»! Православный собеседник Свято-Введенского монастыря Оптиной пустыни. Страница 6-я первого номера, полностью подготовленная Ириной, называлась «Не говори: «Их нет!» и посвящалась такой обжигающей в те годы теме политических репрессий. Ход к этой теме был классически прямой и беспрюжный: фотографии из семейного альбома.

А среди кипы добытых мной фотографий чудом зацепилась крохотная книжечка – «Членский билет пайщика кассы взаимопомощи профсоюза работников Леса и Сплава Восточных районов СССР». Выдан был билет № 22 бухгалтеру Извольскому Николаю Ивановичу кассой взаимопомощи месткома союза Леса и Сплава Усольлага НКВД, дислоцировавшегося в Молотовской (нынче



Николай Иванович Извольский



Людмила Александровна
Извольская, выпускница
Белевского епархиального училища

рое, Вечное. Что корни наши не обрублены, что новые побеги питаются их мудростью, живыми соками», – писала Ирина, но во мне звучал живой ее голос, и, побуждаемая им, в поисках официального подтверждения истории Н. И. Извольского, через наше отделение «Мемориала» обратилась в УФСБ. Не ожидала такого внимательного приема, такой готовности помочь. На запрос незамедлительно была выдана «Архивная справка за № 10022»:

Пермской) области. Выдан 4 апреля 1945 г. в г. Соликамск. Вступительный взнос – 6 руб. 50 коп. И далее каждый месяц, судя по отметкам и подписям казначея, взималось по 6 руб. 50 коп. с зарплаты 650 руб. На последней страничке в графе «выбыл» была выставлена дата – 13 марта 1946 г. При выбытии было выплачено Извольскому Н. И. 40 руб. 95 коп. накопленных членских взносов.

«Мы должны по мере сил засвидетельствовать, что мы не беспамятны, что мы помним о тех, кто сеял Разумное, Доб-



Удочеренная дедушкой
и бабушкой Ирочка
впервые на море

«Архивная справка за № 10022»:

«По материалам архивного уголовного дела, Извольский Николай Иванович, 27.07. 1895 г. рождения, уроженец села Протасово Дубенского района Тульской области, проживал в Туле, ул. Гоголевская, д. 56-72 (угол ул. Свободы). По происхождению сын священника, беспартийный, в армии не служил, образование высшее (окончил заочный финансово-экономический институт Наркомфина). Работал заведующим планово-финансовым отделом Тульского горпромторга (с марта 1936 г.). Арестован УНКВД СССР по Тульской области 24.04.1938 г.

Состав семьи Извольского Н.И. на момент ареста: жена – Извольская Людмила Александровна, 40 лет, учительница средней школы № 4, дочь – Извольская Тамара Николаевна, 16 лет, учащаяся.

Из протокола допроса Извольского Н.И. от 25.04.1938 года следует, что он с августа 1916 г. по сентябрь 1917 г. работал во Всероссийском земском союзе, затем был учителем. С марта 1919 г. по май 1922 – инструктор кооперации г. Тулы. С января 1930 г. по март 1936 г. – экономист Тульского Госбанка.

11.08.1938 г. Извольскому Н.И. было предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР в антисоветской агитации, направленной на дискредитацию советской власти.

01.11.1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР Извольский Н.И. был осужден на 5 лет ИТЛ. Срок отбывал в Усольяге НКВД (г. Соликамск, Пермская область). Освобожден 24.04.1943 г.

После освобождения Извольский работал в г. Чердынь (Усольяг) бухгалтером транспортной конторы. В 1946–1947 гг. – бухгалтер-экономист треста Скуратовуголь (Тульская область). С 22.10.1947 г. работал в Туле главным бухгалтером котельно-механического завода Тулспиртотреста. Постановлением президиума Тульского областного суда от 19.03.1958 года Извольский Николай Иванович полностью реабилитирован.

Основание: архивное уголовное дело № 11-1896 (л.д. 5, 9-11)

**Начальник подразделения УФСБ
по Тульской области
А.Н.АВДЕЕВ».**



Ирина Извольская в пору работы в многотиражке политеха.
Встреча с иностранными студентами

Вчитавшись в этот документ, я приопешила. Как же это – не служил в армии? А нога? Яркое вспомнилось: большая сумрачная комната в квартире Извольских, окна затенены двумя огромными пальмами, выращенными из зернышек фиников, привезенных с юга еще молодыми супругами, впервые возившими к морю рыжую внучку-дочку. Но я об этой ноге Николая Ивановича. Он сидел на круглом вращающемся табурете возле пианино (отмечали день его рождения, и он, аккомпанировал нам), неловко оставив правую негнущуюся ногу. При ходьбе он немного подволакивал ее, а когда был огорчен или не в духе, громко шваркал по полу башмаком. Как-то Николай Иванович поймал мой сочувствующий взгляд. «Болит в непогоду?» – смутилась я. «Нет, – по-мальчишески шмыгнул он и даже узкой ладонью провел под сухим носом. – Я, знаете ли, благодаря этой ноге, может, уцелел. После Тульской духовной семинарии я был отправлен на фронт. Шла Первая мировая война. У меня и лошадь была. Я верхом ехал, когда бомба разорвалась. Лошадь осколком убило, она рухнула вместе со мной, придавила мне ногу, я не мог из-под нее выбраться... Вот всю жизнь ...шкандыбаю. Да, лошадка смерть мою



Перовская гимназия, ныне средняя школа № 4,
где преподавала математику Л. А.Извольская

Педагогический коллектив школы.
Людмила Александровна во втором ряду пятая слева



на себя принявши, и еще раз спасла: как инвалид я на другую войну не попал, иначе после «отсидки» вполне мог бы быть отправлен в штрафроту или еще куда, но точно бы на верную погибель. А в лагере уцелел – это уж, в силу своей бухгалтерской профессии. Бухгалтер квалифицированный был нужен...».

Извольский так живописно нарисовал эту сцену с убитой лошадью и своей вывернутой ногой, что я ни на миг не усомнилась: да, на фронте он все же был и порошу пусть капельку понюхал. Но в справке-то УФСБ черным по белому: «В армии не служил». Может, подразумевалось: в Красной Армии? Или – в виду реальной хромоногости Извольского – никому и в голову не пришло, что она не врожденная, а приобретенная, причем не цивилильным образом.

Обратилась за советом и помощью к специалисту по церковным синодикам Т.В.Георгиевской. Тамара Владимировна, нырнув в анналы епархиальной истории, дополнила мои изыскания. Действительно, отец «моего» Извольского, Иван Стефанович, был священником с. Лошачье Одоевского района, имел еще и старшую дочь, Елену Ивановну... Я тут же вспомнила, как на похороны Николая Ивановича привезли седую маленькую старушку, голова



На приеме у научного секретаря Тульской и Белевской епархии протоиерея Димитрия Кудаки сотрудники вузовской студенческой газеты: Дмитрий Ждаев, Надежда Тюленева, Ирина Извольская



Во время похода со студентами по Оке. На Цветаевской поляне застиг проливной дождь. Ира и её любимый пёс Гоша спасались под одним плащом. Снимку придумали название «Враги сожгли родную хату»

которой была убрана в черную кружевную косынку. Почти прозрачными узкими ладонями она гладила лицо большого бритоголового старика, лежащего в гробу, целовала закрытые глаза и приговаривала: «Маленький мой! Коленька, мальчик мой!» Ирина, стоявшая рядом, пояснила: «Сестра его, Елена Ивановна Баранова, между прочим, орденом Ленина награждена. А моя бабушка, Людмила Александровна, считалась лучшим учителем математики в Туле, преподавала в знаменитой мужской школе №4; её тоже представляли, да только не наградили: жена врага народа...». И столько глубинной боли провалось в интонации!

Но вернусь к изысканиям церковного историка Георгиевской. Она подтверждала, что после окончания духовной семинарии Извольский Николай Иванович служил в **Земской** армии. Я и забыла, что такая существовала. Ну, понятно,

армии Деникина, Краснова, Колчака, Юденича, несколько имён сразу всплывают... Но Земская... Да что же это за армия была? – и вот открыла для себя «америку». Речь-то о другом времени – о времени Первой мировой войны, именно тогда были в России сформированы, по типу будущих трудовых армий, в помощь действующим войскам военизированные части Земсоюза (Всероссийского Земского союза), Земгора или Согора (Всероссийского Союза городов), Комитета военно-технической помощи, Промышленного комитета... В целом в этих частях служили более миллиона человек. Армия Земсоюза занималась строительством

коммуникаций, позиций. Понятное дело, попадали и под бомбежку. Так, вероятно, досталось и Николаю Извольскому с его лошадкой. Еще комитеты Земсоюза заготавливали и доставляли на фронт теплые вещи, белье. В автобиографии Дмитрия Фурманова можно прочесть: «С поездками и летучками Земсоюза гонял на турецкий фронт, по Кавказу, к Персии, в Сибирь, на Западный фронт, под Двинск...». Прошло несколько лет. 11 июля 1919 г. решением временного рабоче-крестьянского правительства и Земгор, и Земсоюз, и комитет военно-технической помощи, и прочие «вспомогательные» комитеты были ликвидированы.

А почему Николай Иванович при допросе не упомянул об этом факте своей биографии, понятно: ничего хорошего не сулило ему даже однодневное и весьма неудачное пребывание в армии во время Первой мировой. Уж если даже случайно брошенная Извольским в трамвае шутливая фраза о том, что вот, мол, даже калаш в достаточном количестве для народа не могут наделать, чтобы не простужался в мокрогодицу, была расценена как контрреволюционная пропаганда, что же могли в НКВД вывести из его пусть несостоявшегося церковного служения! Уж если злополучная шуточка насчет калаш ввергла семью в целую цепь невзгод, нерешаемых проблем и несбыточных мечтаний...

Теперь передо мною два исписанных ровным почерком листы... Под ними подписи матери и дочери.

**«Наркому внутренних Дел СССР тов. Берия
от гражданки Извольской Людмилы Александр-
овны, проживающей в г. Тула, ул. Гоголевская, д. 72**

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Зная Ваше чуткое отношение к людям и Вашу справедливость, убедительно просим Вас дать распоряжение на пересмотр решения Тульского ОСО НКВД по делу Извольского Николая Ивановича, арестованного 23 апреля 1938 г. в г. Туле, ордер № 5295.

Извольский Николай Иванович родился в 1895 г. С 4-х лет сирота (умерла мать). Много видел нужды и горя, так как отец был страшный пьяница. В 1916 г., имея костный туберкулез таза-бедерного сустава, окончил среднюю школу, с 1917 г. поступил на работу в качестве счетовода. Постепенно упорной, добросовестной работой добился звания старшего экономиста Тульского отделения Госбанка, закончил Высший Заочный Финансовый институт.

В 1936 г. был переведен на укрепление аппарата Тулторга в качестве начальника финансово-планового отдела.

Кроме того, он одновременно был преподавателем в Тульском Учкомбинате и средних школах, преподавая балансоведение, коммерческий учет и планирование.

Он обучил целую армию счетоводов, работающих в настоящее время в г. Туле и Тульской области. За свою работу он был несколько раз премирован. На протяжении всей своей 21-годовой работы он не имел ни одного выговора, ни одного замечания, ни одного административного взыскания.

Я, его жена, преподаватель математики 4-й средней школы г. Тулы, прожила совместно с ним 18 лет. Знаю всю его жизнь, все его мысли и дела по отношению к нашей дорогой родине, знаю, что он честно, самоотверженно работал на славу и благо великой родины. Ничем не запятнана его совесть, а за что он арестован, почему взят, я и до сего времени не имею представления. Одно предположение, что на него кто-нибудь наклеветал, завидуя его знаниям и авторитету, которым он пользовался в Туле.

В течение двух последних месяцев я не могла получить сведений о муже, где он и судили ли его. Только 17 февраля 1939 г., благодаря письму, от него узнала, что он выслан еще в декабре 1938 г. в Усольлаг Пермской области Чердынского района на 5 лет в лагеря согласно постановления ОСО НКВД 1 ноября 1938 г.

Я и дочь, ученица 10-го класса, член ВЛКСМ, отличница, твердо уверены в честности и невиновности мужа, отца и знаем, что если бы дело его слушалось в суде, то он, без сомнения, был бы оправдан так же, как и другие честные и порядочные люди, которые в настоящее время уже освобождены или освобождаются.

Еще раз убедительно просим и умоляем: дайте распоряжение пересмотреть дело Извольского Николая Ивановича, верните ему великое звание советского гражданина, которым он всегда гордился и дорого ценил.

**Людмила ИЗВОЛЬСКАЯ,
Тамара ИЗВОЛЬСКАЯ 22.II.1939 г.»**

Дорогого стоит такое письмо. В подобной ситуации немало жен и дочерей отрекались от своих мужей и отцов. Людмила Александровна и Тамара всеми силами старалась поддержать Николая Ивановича, часто писали письма, по крохам собирали посылки. И благодарность его не имела предела. Вернувшись из

Усоляга в Тулу, он прежде всего озаботился устройством на работу – довольно уже наголодались его «девочки», как нежно называл он иногда жену и дочь.

Да, шуточка про нехватку калош в весеннюю распутицу дорого обошлась Н.И.Извольскому. Но он никогда не выставлялся с этой историей, сохраняя редкие жизнестойкость и добросердечие,

жалея более всего о том, что так осложнил и жене, и дочери, а рикошетом и удочерённой внучке, в сущности, всю жизнь. И дело не в недоставшихся ученых званиях, степенях, наградах и должностях. Дело в насильственной деформации личности, лишенной и возможности, и права развиваться гармонично, а соответственно, и проявиться в полноте заложенных природой дарований.



Одна из последних фотографий Ирины. Считала, за сигаретой лучше думается.

Надежда ТЮЛЕНЕВА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Хозяин вернулся в дом, жизнь налаживалась, становясь благополучной. Но не благоуспешной. И не могу я завершить свое повествование констатацией того, как, преодолев всякого пошиба каверзы и предстояния судьбы, Тамара Николаевна и Ирина Извольские завершили свою жизнь светло и удовлетворенно. Хотя первая получила прекрасное экономическое образование, а вторая – окончила ТГПИ им. Л.Н.Толстого и Литературный институт им. Горького, а еще музыкальное училище (тоже с красным дипломом, впрочем, как и Тамара Николаевна) и Воронежскую аспирантуру... Но что-то в жизни каждой шло не так... Какие-то подметные письма, недопуск к желанной профессии... Выручало конкретное дело – тапёрство, ездили аккомпаниаторами с гимнастками-художницами по соревнованиям... Кстати, вспоминала

Валентина Афанасьевна Скуратова, тренер по художественной гимнастике Дворца пионеров, обе Извольские тапёрами были исключительными, ловили каждое мимолетное движение гимнасток, могли снивелировать какую-то шероховатость, в полной гармонии с девочками работали. Команда любила с Извольскими ездить, кроме всего прочего, они еще и остроумными, зажигательными были.

Последние годы своей жизни, лишившись из-за инсульта дара речи, Тамара не потеряла жизнестойкости и помогала отцу в его трудах, сборщика-надомника предприятия для инвалидов «Зенит», старики поддерживали материально младшую, рожденную в браке, Тамарину дочь и также внучку Николая Ивановича, в воспитании двух малышей-правнучек... А старшая внучка-дочка Ирина, удочеренная Николаем Ивановичем в 1946 г., промыслительного, считал он, в год его освобождения из Усольлага, ушла в общежитие и, как малый ребенок, жестоко переживала чувство ревности... О последних же годах жизни её только и скажешь «летел тот челн по воле волн»...

«ЧЕСТЬ ИМЕЛИ!» – назвали мы наш сборник. Бесспорно, это код чисто воинской профессии, но среди героев книги – люди гражданские и даже женщины. Однако, кто осмелится заявить, что честь им и не надобна? Как бы нищему роскошь. Несть числа женскому гражданскому воинству – матерям, женам, сестрам, вдовам – которые героически и честно разделили судьбу мужчин своего рода. Судьба складывалась, казалось, одна на всех: трудились, ждали. Ждали – все; дождались немногие. Потому что ждали уже расстрелянных, заморенных, умученных. Казалось, Злодея не станет – «темницы рухнут, и свобода всех примет радостно у входа»... Да, темницы рухнули, но не сразу и не для всех, и приняли реабилитированных далеко неоднозначно. И вот в этих условиях гораздо сложнее, гораздо важнее убедить в себе себя: «Честь имею!» Ведь, сбросив с себя официально клеймо «врага народа», многие оставались пребывать под тенью фантома «позор». Иных колбасило и выворачивало от этой негласной и невидимой (как невидимые миру слёзы) несправедливости. И говорили тогда таким, мол, какого рожна еще надо, «джентльменский» компенсационный набор получил? Образование, профессия, прописка есть? – так иди уже, устраивайся кем-нибудь...

Но Свет под спудом не удержишь. И Свет во тьме светит, и



**Надежда
ТЮЛЕНЕВА**

**И В КАЖДОМ
ГРАДЕ –
СВОЙ КИТЕЖ**

*Сердце пело петухом, когда я получила ордер на все-
ление в эту комнату на третьем этаже бывшей гостиницы
Филиппова. Окна-то мои выходили прямо на Тульский
кремль. Первым делом отправилась его обследовать
(ведь жительницей этого города стала я совсем недавно).*

ГЛАВНЫЙ храм кремля, летний Успенский собор, бедство-
вал. Сквозь его ржавый купол глядело небо. Но здание
Богоявленского храма было ухожено, а в алтаре проруби-
ли парадный вход – для устроенного здесь музея оружия. По-
зднее я узнала, что изначально примыкала к Успенскому четы-
рехъярусная колокольня, а в шаговой близости от стен кремля
тогда красовались дивные Крестовоздвиженская и Казанская
церкви, две часовни. Но «иных уж нет», а иные (к примеру, церкви
Благовещения Пресвятой Богородицы и Параскевы Пятницы)
скоро погибнут. Если не начать «реанимационных» действий. В
другом Успенском соборе, зимнем, что на главной городской
площади и тоже, считай, рядом, расположился архив; соседству-
ющую церковь Преображения Господня заняла школа юнг...

Промыслительный случай привел меня вскоре познакомиться
с доктором богословия, почетным гражданином Тулы, исследо-
вателем храмоздательства и церковной истории края протоие-
реем Ростиславом Романовичем Лозинским и его сподвижни-
ки. Так стала я обладательницей библиографической редкости –
тоненькой бесценной книжечки «Страницы минувшего», с доку-
ментальной точностью явившей тулякам духовное сокровище их
града: 66 православных соборов, монастырей, церквей и часо-
вен, две старообрядческих моленные, католический костел, лю-
теранская кирха, две иудейские синагоги. Все «во время оно»
добрососедствовали и, без преувеличения, благоденствовали.
Всем хватало и неба, и хлеба...

В позднее вечернее время или рано поутру любовалась я из
моих окон видом кремля. Понимала, конечно, не та панорама, что
открывалась столетие назад, но мне, дочери зауральских степей,
и она, понёсшая много непоправимых утрат, казалась сказкой...

Минуло полтора десятка лет. Как-то метельным вечером до-
велось бежать вдоль кремлевской стены к Благовещенской цер-
кви. Встречный ветер хлестал в лицо. А когда возвращались после
вечерней службы, погода уже просто неистовствовала. Послы-
шался колокольный звон. Стараниями протоиерея Льва Павлови-

ча Махно и доброхотов обреченный на снос храм в полной мере возродился и обрел голос. Правда, звонарь был электронный (где их наберешь, звонарей-профессионалов, когда в Туле и области храмы, как грибы после благодатного дождичка, стали возрастать! А ведь не так уж и давно действующими оставались в Туле только четыре храма – из 66(!). Идущий рядом мужчина оглянулся на колокольню и осенил себя крестным знамением. Узнала в нем псаломщика Михаила Васильевича, он как-то читал Псалтирь по новопреставленному отцу моей подруги. Я же и приглашала. «Слышали историю про звонаря из Благовещенской? – спросил меня Михаил Васильевич. – Хотя похоже на легенду...».

Звонарь в Благовещенской был отменный, не скажешь, звонил, а играл – самозабвенно, всегда отличить можно было, как вступали колокола Благовещенской в общий благовест. И вот уж неизвестно никому, что такого натворил, чем провинился перед советской властью этот виртуоз-звонарь, а только пришли за ним посреди службы, и забрали, и повели через площадь, и вдруг сам собою с осиротевшей колокольни взрыдал один колокол, не самый малый, которого ветер мог бы качнуть... Народ запомнил,



- **Собор 25 января 1918 г. постановил устраивать крестные ходы** для вразумления народа. В январе - феврале прошли крестные ходы в Москве, Петрограде и в других годах. Это произвело большое впечатление на народ, и обеспокоенные власти приняли меры: крестные ходы стали расстреливать. Так **15 февраля 1918 г. был расстрелян крестный ход в Туле, при чем погибло 13 человек, и был ранен епископ Корнилий.**

и много лет повторял, как колокола Благовещенской со своим звонарем прощались...

В эту ночь я долго у окна стояла и смотрела, смотрела на кремль, на площадь... Метель металась, метались раструбы света от фонарей, меркли одно за другим окна бывших владений Филиппова и Елисеева (через перекресток)...И представилось мне это метельное пространство, кипевшее перед моими окнами, фантастическим маревом, миражом, в котором, как древний Китеж, снова жили своей прошлой жизнью исчезнувшие храмы и часовни – со всеми своими прихожанами и служителями...

* * *

...15 февраля 2018 г. собрались мы в нашем «Мемориале» по поводу 100-летия расстрела крестного хода в Туле. Что-то дрогнуло во мне, когда вошла и увидела уже собирающихся гостей. Раздурманились от морозца, стряхивали порошу с курток, воротников, сбивали снег с башмаков... Вспомнился мне звонарь тот, мятежный, безымянный, сгинувший в метельной тьме... Крестный-то ход как раз и кружил теми улицами, улочками и переулками, по которым уводили звонаря, где стояли исчезающие один за другим церкви и часовни, словно таяли в зыбучих песках на дне мирового океана...

На вечер памяти собрались историки и краеведы, коллеги-мемориальцы из Новомосковска и Венева, представители священства и молодежного православного братства, партии «Яблоко», подвижники генеалогии, и просто не равнодушные к истории родного города молодые туляки.

Не хочу заниматься неблагодарным делом, перелагая исследования, проведенные другими. Но представлю событие, как бы реконструированное братьями-журналистами: неизвестным репортером городской газеты «Тульская молва» 1918 г. и моим современником Сергеем Тимофеевым из областной газеты «Молодой коммунар».

«14 февраля 1918 года, в первый день, исчисляемый по новому времени (советская власть ввела в обращение на территории России григорианский календарь), Тула решением военно-революционного комитета и советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была переведена на военное положение. В городе запрещались любые, как бы сказали сейчас, публичные мероприятия: демонстрации, шествия, митинги и т. д. Большевики опасались беспорядков, вызванных принятием ранее, 20 янва-

ря (2 февраля) 1918 года, декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, который, в числе прочего, предписывал конфискацию церковного имущества. Духовенство не собиралось подчиняться воле Совнаркома и предстоящий 15 февраля крупный церковный праздник использовало по всей стране для выражения протеста.

Не давая оценки большевистскому декрету, тульская Городская дума осудила введение военного положения как такового: *«Вечером состоялось заседание Городской думы, на котором была принята резолюция, протестующая против введения в Туле военного положения, — писала «Тульская молва», — причем думой поручено было товарищу председателя думы Потемкину вступить в переговоры с военно-революционным комитетом, предложив последнему не принимать никаких мер к недопущению крестного хода, причем в случае отказа, дума слагает с себя ответственность за могущие быть эксцессы».*

Снимая с себя всякую ответственность, гласные прекрасно понимали, что ни большевики, ни церковнослужители на компромисс не пойдут. Крестный ход грозил обернуться массовыми столкновениями красногвардейцев с верующими, которые выс-



Крестный ход на Сретенье 1918 года в Туле

тупят против гонений на церковь и крестным ходом пойдут. В самый последний момент, ночью с 14 на 15 февраля, товарищ председателя думы Потемкин вступил в переговоры с членом военно-революционного комитета Титовым, а затем и с председателем ВРК Каулем, но, как сообщала «Тульская молва»: *«переговоры эти не достигли цели, да и были запоздалыми, так как переговоры Потемкина с Каулем происходили чуть ли уже не тогда, когда начались выстрелы и остановить кровопролитие возможности не было».*

Архиепископ Тульский и Белевский Иувеналий еще до издания декрета о военном положении в Туле получил предупреждение военно-революционного комитета с соответствующим запретом на крестный ход. Преосвященный заверил ВРК, что шествия не будет. Однако 31 января (13 февраля) 1918 г. собрание духовенства своим решением нарушило обещание архиепископа, решив праздновать Сретение Господне по всем канонам Русской Православной церкви.

В полдень 15 февраля, после службы в Богоявленском соборе, церковные иерархи в сопровождении верующих вышли на территорию Тульского кремля. Перед началом крестного хода планировалось зачитать верующим послание Патриарха Тихона, а затем пройти из кремля по Киевской улице к церкви Александра Невского, мимо церкви Петра и Павла, Георгиевской церкви (что на углу ул. Ленина и Братьев Жабровых – **С.Т.**), Николо-часовни (находилась в районе перекрестка ул. Советской и Красноармейского проспекта, до нашего времени не сохранилась. – **С.Т.**) и вернуться обратно в кремль. «Тульская молва» ничего не пишет о прочтении послания Патриарха. В других источниках содержится противоречивая информация. Дальнейшие события описаны подробно от первого лица – корреспондент газеты сам участвовал в процессии.

«Едва только крестный ход показался из ворот, ведущих на Киевскую улицу, как где-то вдали раздалась выстрелы, кто-то скомандовал «ложись», и многие из головной колонны крестного хода полегли. Это, вероятно, подало повод к толкам, что было много убитых при самом выходе из кремля, чего на самом деле не было. Утверждали, что здесь был убит староста Казанской церкви Соборнов, что совершенно не соответствует действительности. Н.В.Соборнов жив и даже не ранен. Около гостиницы Артель головная часть крестного хода прошла спокойно. Часть же толпы, побуждаемая какими-то возбужденными лицами, стала нападать на красногвардейцев и бывшего впереди нас чело-

века в матросской форме. Несомненно, что малочисленным красногвардейцам грозил самосуд.

В это время красногвардейцы, защищая себя от напора толпы, стали стрелять. Многие упали, но не раненые, а из-за страха и чувства самосохранения. Раздавались истерические крики и возгласы. Между тем беспорядочная стрельба началась не только на Киевской, но стреляли и на Посольской (ныне Советской), Площадной (ныне Каминского), Пушкинской, Калужской (ныне Демонстрации) и в целом ряде других улиц, впрочем, стрельба производилась в воздух. Испуганные жители шарахались с одной улицы на другую. Жались к стенам. В Учетном переулке можно было видеть массу лиц, спасающихся от пуль ползком по снегу, хотя прямой опасности не было, так как пули летели высоко, срывая телефонные провода, что особенно заметно было на Киевской улице, где таких проводов оборвано очень много.

Между тем на Киевской улице происходило следующее: вышедший было из собора, архиепископ Иувеналий вернулся в собор обратно. Вернулась с ним и значительная часть молящихся, и во главе шествия остался епископ Корнилий, вскоре раненый двумя пулями в правую руку и ногу. Около него были ранены в правую руку какая-то барышня и в ногу – гимназист.

Несмотря на полученные раны, епископ продолжал шествие и лишь около Учетного переулка силы его ослабели, и он, приказав ходу возвращаться обратно, зашел в аптеку Белявского, где ему оказали первую медицинскую помощь. Помощь эту оказали епископу, а также раненым вместе с ним гимназисту и барышне фельдшер гр. Боровой. У епископа, когда с его раненой ноги сняли сапог, в последнем оказалось около двух стаканов крови».

...Беспорядочная стрельба продолжалась на улицах Тулы еще несколько часов после разгона шествия. По информации, которую сообщил корреспонденту «Тульской молвы» врач губернской земской больницы, в тот день были обнаружены трупы следующих граждан: отца и сына Зябровых, крестьянина Богородицкого уезда Сергиевской волости дер. Петровой И.Матвеева, рабочего В.Пушкарева, настройщика А.Ф.Трофимова, у которого без всяких средств к существованию остались жена и 8 детей; не опознаны: одна женщина и мужчина. Были ранены: «епископ Корнилий, Лидия Морозова – в шею дробью, Руднева, Платонова, рабочие: Селезнев, Колотынский, Чекалин, Петров, Ан. Вл. Щербачев, в ногу, и два красноармейца. Возможно, пострадавших еще несколько человек, не заявивших о ранениях».

... На следующий день после трагедии в военно-революционном комитете озвучили причины стрельбы по безоружным гражданам. «Красногвардейцам было отдано распоряжение не стрелять в толпу. Выстрел же в последнюю (второй залп) последовал лишь после того, когда толпа захотела расправиться с красногвардейцами и Гневышевым самосудом. Много было провокационных выстрелов из скрытых засад. На Киевской стреляли двое городских». Найдены были плакаты, содержание которых сейчас признано было бы экстремистским. По делу о расстреле мирного шествия началось следствие. **(С.Т.)**

Вина за организацию крестного хода позже была возложена большевиками на эсеров, меньшевиков «вкуче с буржуазией», которые были обвинены в попытке использовать крестный ход для разгрома «продовольственного аппарата». А расстрел участников крестного хода объяснялся необходимостью «установить порядок» в «ответ на наглость попов», осмелившихся нарушить решение ВРК о запрещении крестного хода. В целом в тульской историографии советского периода это трагическое событие квалифицировано как «контрреволюционная провокация», которая была сорвана «благодаря бдительности и решительным действиям ВРК».

Орган советов красноармейских и рабочих депутатов г. Тулы «Революционный вестник» сообщил жителям, что в городе «была подавлена «попытка антисоветского мятежа под видом крестного хода».

Тульские эсеры заявили о необходимости провести общественное расследование и вынести «для успокоения взволнован-



ной совести народной – моральное осуждение виновникам». Совершить большее, – считали они, – «при данных условиях невозможно». Одна из тульских газет отмечала, что после расстрела крестного хода наблюдается «страшная злоба населения против большевиков. На предприятиях



прошли собрания с осуждением действий большевиков. Например, на общем собрании в механических мастерских оружейного завода в принятой резолюции было высказано глубокое возмущение расстрелом крестного хода, совершенного по решению военно-революционного комитета. Собрание потребовало предания суду всего состава ВРК как виновника расстрела крестного хода, собрания железнодорожников и «других преступлений»¹

* * *

Ну и что «в сухом остатке?» – спрашивала себя, слушая участников вечера. – Что заставило собраться здесь через сто лет после события – конкретно – кандидатов кто исторических, кто технических наук, преподавателей высшей школы П.В.Понарина, В.В.Куликова, А.Н.Клочкова, А.Г.Зайцева, Ю. Иванову, священника протоиерея Георгия Белькинда, писательницу Л.Д.Алтунину, ветеранов В.Н.Саксонова и Е.И.Степунина, представителей движения «Яблоко»?.. Я-то сама – зачем сюда пришла?..

Между тем о. Георгий Белькинд, руководитель Веневской организации «Мемориала», предлагал продолжить обсуждение темы «в семинарии для того, чтобы пробудить интерес у молодых исследователей к дальнейшему изучению этого события. Нужно постепенно ликвидировать лакуны в церковно-историческом поле наших знаний. Сегодня здесь должно было бы вместе с нами пол-епархии сидеть – расстрел крестного хода! – ведь это

¹ Юрьев А.И. Тульская организация партии социалистов-революционеров (1917–1923 гг.) / А. И. Юрьев — «МПГУ», 2017. – 130 с.

курс нашего самосознания, и он должен быть привнесен через историческое исследование этого события».

В какой-то момент враз заговорили несколько человек...

– Нет, скажите, как же тогда случилось, что народ, тысячу лет исповедующий православие, такой смиренный, готовый подставлять и левую щеку, когда ударили по правой, как этот народ, «любитель» крестных ходов, потом сам стал богоборцем, принялся крушить храмы, жечь иконы, убивать своих пастырей?

– А если вернуться в январь 1918-го, то дело не в том что декрет от 20-го числа был антицерковным – в том смысле что лишал ее имущества, а в том, что Церковь как организация была объявлена вне закона, причем эта ситуация продолжалась вплоть по 1991 г. .

– Позвольте, с чего вы взяли, что крушил, жег и убивал – народ?! Кто социологически это выверил, путем опроса или как-то еще... Как народ сам оценивал свое отношение к религии, свое духовное состояние...

Примечание от проф. С.Л.Фирсова, С.-Пб ГУ. Сколь ни покажется неожиданным и странным, но социология подключилась-таки к этой теме и в мало, казалось бы, подходящее для этого время. Уже после переписи населения 1937 г. запустили опросные листы, в которых был пункт и об отношении к религии. 97,5 млн. человек участвовали в опросе, и 55 млн. из них (56,7 проц.) не отреклись от своей веры в Бога(!). Это в 37-ом! В том самом, когда были арестованы 147 тысяч православных, из них 85 300 расстреляны. Так что не народ наш громил церкви и храмы. Не народ. А вот войну, Великую Отечественную, 1941-45 гг. выиграл – НАРОД. В том числе и та его часть, что пребывала невинно на каторгах, смертельно непосильным трудом внося свой посмертный вклад в дело Победы.

– Один момент, антицерковные действия властей не имеют рациональных политических оснований... Вот недавнее открытие церковно-исторической науки касаясь восстановления патриаршества в СССР в 1943 году... Оно не связано ни с семинарским прошлым Сталина, ни с какой-то политическим расчетом, а явилось прямым требованием Рузвельта и его условием перед проведением Тегеранской конференции...

Убедительно и ярко характеризует проф. Санкт-Петербургского университета С.Л. Фирсов в статье «История восстановления Московской Патриархии Сталиным в 1943 году» расстановку политических сил, расставляет акценты в религиозных отношениях. До начала встречи потенциальных союзников в Тегеране,

которая прошла 28 ноября – 1 декабря 1943 года, Сталину нужно было разрулить и разругать гордые узлы в отношениях с РПЦ, ну, если не кардинально, то хотя бы в той мере, чтобы Рузвельт и Черчилль сочли, наконец, возможным обсуждать участие своих стран на стороне СССР в войне против гитлеровской Германии. Между тем Сталин продвинулся так далеко, что посчитал возможным восстановить духовные учебные заведения, выпуск Журнала Московской Патриархии, рассмотрение списка репрессированных клириков, выделил для Патриархии здание в Чистом переулке, дал добро на создание Совета по делам РПЦ. Наконец, 8 сентября 1943 года был избран Патриарх. Избран из числа 19 иерархов, некоторые были экстренно освобождены из мест заключения.

Союз получил союзников в войне против Гитлера. Но волк оставался пребывать в той же волчьей ипостаси, и православная паства продолжала нести урон. В том же 1943 году были снова репрессированы более тысячи священнослужителей, 500 из них казнены.

В общем, разговор – горячий и временами сумбурный – как бы разбередил... Что? Несуществующие душевные раны? Ну, право слово, какие там раны могут быть у людей молодых, никаких гонений по поводу религиозных убеждений не переживших, а может, даже не имеющих таковых убеждений)!

Так спрашивается, зачем я сама-то на эту встречу приходила... А затем, что с годами не перестаёт меня мучить: как оказались два моих деда по разную сторону баррикад, и одного расстреляли «белочехи», другого – красные. Без суда и следствия, незамысловатенько: одного вывели сотоварищи на деревенскую площадь, другого – в заснеженную степь и просто ШПОКНУЛИ. Представьте, я даже считаю завидной долей окончить дни на Бутовском или Тесницком полигонах... Там хоть какой-то документальный след остался. А мне в поисках никакой архивист не поможет даже при самом искреннем желании.

А что такое, ИСКРЕННЕЕ, желание, искреннюю заинтересованность помочь я встречала, могу документально подтвердить. Вот даже сохранила в личном архиве ответ оперативно и скрупулезно точно реагировавших на запросы нашей редакции газеты «Тула» и даже опережавших их. Документ подписан советником юстиции, ст. помощником прокурора Тульской области по надзору за исполнением закона о Федеральной безопасности Володиным Л.И. и производившим выборку пом. прокурора области, ст. советником юстиции П.А.Новосельцевым. Ах, как жалею, что упустила тогда возможность личных контактов с Петром Алексееви-

чем! Ведь подсказывала же интуиция, что не просто с обязательным исполнителем дело имею, а с человеком не охладелой души, гражданским и Божеским пониманием происходящего. К слову, в хранящемся у меня и датированном 21 декабря 1992 г. «СПИСКЕ лиц религиозного культа, репрессированных в 30–40-е годы за антисоветскую агитацию в соответствии со **ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов»**, значатся 70 человек, из них 26 священнослужителей, из которых 25 расстреляны, остальные 44 (среди них — епископ А.М.Краснов, архимандрит Н.В.Маслюков, один псаломщик, семь монахинь и обычные прихожане сельских приходов) были приговорены к разным срокам ссылки и принудительных работ. Опять же, к слову: у моего коллеги журналиста В.Г.Щеглова также были расстреляны два деда, священники приходов г. Ефремова и г. Одоева Тульской области, их в этом списке нет, но позднее удалось опубликовать в первом томе нашей «Книги памяти жертв политических репрессий».

* Дома, после встречи, снова листала «бумаги» из папки «Расстрельного крестного хода», снова перечитывала выборку, сделанную П.А.Новосельцевым. Впервые обратила внимание на даты расстрелов. Странное возникало чувство. Мало того, что нет в расстрелах случайности, казалось еще, что руководил-то всем этим нездоровый человек, у коего поздней осенью и в начале зимы случалось обострение, вскипала черная кровь, которую только и можно было утишить живой человеческой кровью, ну никак вурдалак не мог насытиться: 37-й год. Октябрь – четыре расстрельных дня: 9, 20, 23, 25; ноябрь - 10 расстрельных дней, на 11-пришлось сразу четыре, на 25 – три... Не легче был декабрь. И Новый, 38-й год, сразу же обагрился кровью невинных: 4-го расстреляли троих, 8-го – двоих, ну и далее пошла писать губерния... Инициаторы и исполнители расстрелов всякого рода не это ли есть «народ», которому единственно и можно вменить богохульную войну с Православной церковью, голод, разруху и раздрай, нанёсшие сокрушительный урон стране на долгие годы. Но – мы, хочется верить, извлекли правильные уроки из истории, с нами Бог, и никто же на ны!



**Виктор
САВОСТИН**

**Александр
АНДРИАНОВ**

НЕЗАЖИВАЮЩЕЕ



Вот так выглядел
Александр Васильевич Болдырев
в год своего ареста

РОДИЛСЯ он в г. Азове, в 1894 г., в шахтерской многодетной семье. Восемь ребят – прокорми! Мальчишкой пошел помогать семье, взяли в шахту лампоносом. Потом был рассыльным и писцом – кое-какую грамоту родители всё же дали... Учиться парню очень хотелось. При любых обстоятельствах искал возможность пополнить знания. Перед Первой мировой войной успел даже закончить 8-месячные фельдшерские курсы и в период боевых действий был уже ротным фельдшером. В годы гражданской войны проявил незаурядную активность: был избран членом, затем заместителем председателя солдатского госпитального комитета...

После войны вернулся в шахту – шахтером, шахта – это родное, надежное, это хлеб для всей семьи. Люди чувствовали в Болдыреве эту надежность, тяготение к правде. Избрали в стачечный комитет, подтолкнули к вступлению в партию – чтобы из комитета защищал их права, верили в это...

Жизненный путь шахтера Болдырева мог бы стать темой романа или диссертации... Но переведите взгляд на этот документ – «Свидетельство о смерти», обратите внимание на прочерки в графе «место смерти». Место, которое неизвестно где: ни в городе, ни в селении, ни в районе, ни в республике. Случилась эта смерть якобы 20 декабря 1941 г., а запись о ней сделана только через пятнадцать лет, в мае 1956 года...

Черту жизни Болдырева «подвели» в 1938 г. в Туле, куда он был направлен в октябре 1935 г. – пролетарским директором Косогорского металлургического завода. Но вот

штука: когда черта под жизнью Болдырева была подведена взаправду, состава преступления... не обнаружилось.

Жена Александра Васильевича была большевичкой с дооктябрьским партийным стажем. Когда подошло время его реабилитации, восстановили в партии и ее, тогда-то и узнала жена Болдырева от членов парткомиссии, что расстрелян он был через несколько месяцев после ареста в одном из тульских оврагов. Местные жители рассказывали, что, бывало, доносились от этого страшного оврага не отдельные выстрелы, а пулеметные очереди.

Случай свел меня с дочерью Александра Васильевича, режиссером студии хроникально-документальных фильмов «Мосфильма», Людмилой Александровной Болдыревой, когда мы готовили киноленту к 50-летию Тульского политехнического института (нынешний Тульский государственный университет).

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-А № 942395

Гр. Болдырев
Александр Васильевич
(фамилия, имя, отчество)

умер (аа) 20.12.1941 Тула Убитый снарядом
(число, месяц, год) (место смерти) (причина смерти)

возраст 47 лет (полные года, месяцы и недели)

Причина смерти
о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1956 года 20 месяца 12 числа
произведена соответствующая запись за № 72-13

Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край, _____
республика _____

Место регистрации: Тула
Убитый снарядом
(дата выдачи) (число, месяц, год)

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния _____

– До 1956 г. ходила я в «дочерях врага народа». Что меня поражало и поражает до сих пор, – с горечью говорила Людмила Александровна, – формула, на которую ссылаются люди: «Время лечит», «Время притупляет». Не верьте. Чем больше проходит времени, тем больше удущье от дикой нелепости, от ненужности принесенных жертв.

Надежда ТЮЛЕНЕВА

* * *

ИЗ МУЗЕЯ БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ КОСОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ РАБОТНИКОВ КОСОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

Не обошли политические репрессии, охватившие всю страну в конце 30-х годов и позднее, Косую Гору. По обвинению в измене Родине, покушении на Сталина, шпионаже по ложным обвинениям было арестовано, расстреляно и сослано более сорока работников КМЗ и жителей поселка Косая Гора.



- 1.** БУДАЕВ Василий Павлович, 1898 г.р., столяр
- 2.** РАЕВ Федор Евдокимович, 1899 г.р., горный мастер
- 3.** ДВОЕНКОВ Иван Дмитриевич, 1907 г.р., нач. смены доменного цеха
- 4.** КОСТРУБА Лариса Николаевна, 1905 г.р., педагог
- 5.** МАЛИЙЧУК Петр Ульянович, 1888 г.р.
- 6.** СЕМЕНОВ Григорий Терентьевич, 1898 г.р., десятник РСЦ
- 7.** КУРЧЕНКО Василий Васильевич, 1912 г.р., слесарь жел.-дор. депо
- 8.** ТОРЖКОВ Тихон Павлович, 1906 г.р., разнорабочий
- 9.** ЛЕОНОВ Андрей Григорьевич, г.р. неизвестен, слесарь дом. цеха
- 10.** АРМЯНСКИЙ Николай Павлович, г.р. неизвестен, начальник охраны завода
- 11.** МАНЕНИН Николай Григорьевич, 1914 г.р., нормировщик «Юждомноремонт»
- 12.** МАКАРОВ Федор Терентьевич, 1911 г.р. точильщик РМЦ
- 13.** РОДИОНОВ Александр Иларионович, 1916 г.р., мастер
- 14.** ТРОШКИН Федор Сергеевич, 1927 г.р.
- 15.** ТЕРЕНТЬЕВ Афанасий Терентьевич, 1912 г.р., рабочий
- 16.** АНТОШЕЧКИН Александр Иванович, 1906 г.р., формовщик доменного цеха
- 17.** РЕДЬКИН Василий Иванович, 1904 г.р.
- 18.** СИДОРОВ Михаил Зотович, 1894 г.р., диспетчер жел.-дор. цеха
- 19.** ЗАЙЦЕВ Иван Филиппович, 1889 г.р., возчик пожарной охраны
- 20.** ТУЧКОВ Ефим Никанорович, 1883 г.р.
- 21.** ЛЕОНОВ Иван Александрович, 1908 г.р.
- 22.** ЩЕГЛОВ Николай Александрович, г.р. неизвестен, зам. главного инженера ОКСа
- 23.** ЧУГУНОВ Александр Николаевич, 1917 г.р., техник КИП
- 24.** ГОМОЗКОВ Василий Семенович, 1913 г.р., мастер КИП
- 25.** ДРОБИШ Максим Иванович, 1909 г.р., начальник КИП
- 26.** ВАСИЛЬЕВ Георгий Тихонович, 1906 г.р., начальник лаборатории

*(данные от 4 декабря 2012 г.
из музея Косогорского металлургического завода.)*

На стенде музея есть четыре фотопортрета репрессированных и одна групповая фотография.

Фото 1. Болдырев Александр Васильевич, 1894 г.р., директор завода с 1935 по 1937г. Обвинен во вредительстве. Расстрелян.

Фото 2. Розенберг Анна Яковлевна, 1893 г.р., преподаватель немецкого языка. Арестована, обвинена в шпионаже, расстреляна 27.01.38. Реабилитирована в 1985 г.

Фото 3. Жучилин Валерий Васильевич, 1908 г.р., работал в токарном цехе токарем, обвинен в причастности к троцкистской организации, вредительстве, после освобождения из лагеря работал мастером доменного цеха. В местах лишения свободы получил тяжелое заболевание, отчего и умер. Знали В.В.Жучилина как образованного и порядочного человека.

Фото 4. Печников Исай Тимофеевич, 1915 г.р. При вывешивании портрета Сталина в 1953 г. ругал вождя бранными словами, по доносу был осужден на 10 лет. В 1958 г. был реабилитирован, работал слесарем ТЭЦ-ПВС. Умер в мае 2012 г.

...Сию групповую фотографию можно было бы дать под рубрикой «Это было, было...». Тут особый случай. Заслуживает внимания третий слева - Никита Андреевич Ребров, председатель поселкового совета Косой Горы. Называл себя ленинцем, оклеветал многих жителей Косой Горы, обвинив их во вредительстве. Этого человека ксогорцы презрительно называли «Никишкой». Он не был репрессирован. Умер на Косой Горе. До пенсии Ребров работал в охране завода. После выхода на пенсию вел общественную работу, был в середине 60-х годов председателем товарищеского суда Косой Горы. Однажды в квартиру Реброва постучался незнакомый человек.

- Здравствуйте, вы будете Никита Андреевич Ребров?

- Я.

- Так это ты, негодяй, погубил моего отца!

Со всей силой незнакомец ударил Реброва. Удар был настолько сильным, что Ребров с разбитой мордой свалился на пол.

К поискам незнакомца подключилась милиция, но так и не смогла разыскать того человека.

Да, пусть так, безымянно, непублично, но достала рука народа этого лжеленинца и клеветника.

Виктор Серафимович САВОСТИН,
ветеран КМЗ,
Александр Васильевич АНДРИАНОВ,

КОРНИ ЖИВЫ — ДЕРЕВУ ЖИТЬ

СОВСЕМ немного лет тому назад такое показалось бы невероятным: вечер памяти жертв сталинского террора. Но вот уже мне довелось быть (причем не однажды) участницей таких вечеров: в музее «Тульский некрополь», в галерее «Ясная Поляна», в городской библиотеке им. Л.Н. Толстого, в Зареченской библиотеке № 20 (семейного чтения) им. А.С. Пушкина, где учащиеся школы № 10 встретились с членами правления Тульского «Мемориала» С.Л. Щегловым, А.А.Лопатыным, представителями Свято-Тихоновского братства малых православных общин Виктором Авиловым и Анной Ксандопуло. Встреча сопровождалась знакомством с выставкой книг, посвященных времени политических репрессий, в частности, пятитомником «Книги Памяти» и произведениями С.Л.Щеглова-Норильского, писателя, журналиста, литературного критика, четверть века возглавляющего Тульский «Мемориал».

Священномученик Иларион Троицкий



*«Надо верить, что
Церковь устоит. Без
этой веры жить
нельзя. Пусть
сохранятся хоть
крошечные, еле
светящиеся огоньки
– когда-нибудь от них
все пойдет вновь. Без
Христа люди пожрут
друг друга».*



В Новомосковской городской детской библиотеке прошел Час памяти – «Ярослав Смеляков. Разговор о главном».

В г. Узловая члены краеведческого кружка «Истоки» провели Урок Памяти в школьном музее под руководством руководителя кружка Ирины Забелиной и библиотекаря Ирины Амелиной.

В Тульской областной научной библиотеке (точнее – в её краеведческом отделе) прошла конференция, посвященная памяти священномученика Илариона (Троицкого), архиепископа Верейского.

Центральным событием вечера было представление книги А.А. Горбачева, катехизатора Белевской епархии. Книга его – «Жизнь и труды священномученика Илариона» – выпущена под занавес 2016 г. издательством Московского Сретенского монастыря. Еще тепленькая, как говорится, только из-под типографского станка. Такой же теплой была атмосфера встречи – ведь, кроме автора, в разговоре участвовали и потомки священномученика Илариона.

Мария Вячеславовна Шишкина, праправнучка Л.П.Троицкой, рассказала о двух братьях Илариона (Троицкого): Дмитри – (в монашестве Данииле), и Алексее, священнике. Все трое были репрессированы, Алексей расстрелян.

Доклад Ю. В. Архангельской, к.ф.н., доцента, с.н.с. лингвистической лаборатории кафедры русского языка и литературы ТГПУ им. Л.Н. Толстого назывался: «Архангельские и Троицкие в моей жизни». Прадед Юлии Владимировны, протоиерей Михаил Прохорович Архангельский и его сыновья, священники, один из которых, Василий, также канонизирован.

Дед Юлии Владимировны, Леонид Михайлович, как и все сыновья Михаила Прохоровича, был священником, окончил Духовную академию. Бабушка, Лидия Павловна, урожденная Троицкая, была двоюродной сестрой Владимира Алексеевича Троицкого (Илариона), большого друга их семьи. Отец Юлии Владимировны, Владимир Леонидович Архангельский, – известный ученый-лингвист.

В заключение встречи был сделан памятный снимок: сотрудники отдела с потомками Илариона.

Мария КАЛИНИНА



**ПОСЛЕДНИЙ
АДРЕС:**
ПУШКИНСКАЯ, 12



Дмитрий Сергеевич Глаголев



Тула стала 37-м российским городом, где начал реализовываться общественный проект «Последний адрес» — такую памятную табличку прикрепили к стене дома № 12 по улице Пушкинской, где жил репрессированный священник, профессор богословия, Дмитрий Сергеевич Глаголев.



В ПЕРВЫЕ органы им заинтересовались в 1925 г. Ему тогда попытались вменить «содействие декларации воззваний митрополита Агафангела». Да что-то у обвинителей тогда не сошлось, через пять суток его отпустили.

Второй раз за Глаголевым пришли в 1930 г. и арестовали за попытку предотвратить закрытие храма, где он служил. 6 октября «тройка» приговорила отца Димитрия к высшей мере наказания. Точная дата расстрела неизвестна, однако родственники полагают, что случилось это 13 октября 1930 г.

Проект «Последний адрес» — это общественная инициатива, имеющая своей целью увековечивание памяти наших соотечественников, ставших в годы советской власти жертвами политических репрессий и государственного произвола. Персональные мемориальные доски единого образца устанавливаются на фасадах домов, что стали последними прижизненными адресами жертв репрессий. Принцип проекта — «Одно имя, одна жизнь, один знак».

Двухэтажный дом № 12 на улице Пушкинской был построен в начале XX века. Ранее здесь жил известный тульский врач Федор Архангельский, на его младшей сестре Софье и женился репрессированный священник Д.С. Глаголев. Молодая пара прожила здесь всего два года до ареста главы семейства. Инициаторами установки таблички священнослужителю стали его родственники.



К слову, в 1937 г. был репрессирован еще один житель этого дома — управляющий трестом «Тулауголь» Василий Степанович Рыбин.

Для установления таблички надо оставить заявку на сайте «Последний адрес», — поясняет Никита Соколов, историк, член правления «Последнего адреса», помогающего в поиске дополнительной информации. Табличка стоит 4000 рублей — она изготавливается из нержавеющей стали вручную, каждый заказ уникален. Способа механизировать этот процесс нет.

Пусть добрая слава не так проворна, как худая, но и добрая на печи не валяется. Вслед за родственниками священномученика Дмитрия Глаголева на сайт обратились с заявкой родственники Александра Александровича Чернова. А.А.Чернов преподаватель Тульского механического института, — проживал в доме № 122 по улице Коммунаров, ныне пр. Ленина, был расстрелян в 1938 г. в Тесницком лесу.

Владимир КОРОЛЕВ

Фото Давила КРИХЕЛИ



**ПОСЛЕДНИЙ
АДРЕС:**
КОММУНАРОВ, 122

Правнучка А.А.Чернова
Наталья Белова
и руководитель
Новомосковской организации
Тульского отделения
"Мемориала" Андрей Клочков,
Тесницкий лес.



Александр Александрович
ЧЕРНОВ



Чернов Александр Александрович родился в семье начальника железнодорожной станции Ясенки Тульской губернии. Его отец не имел высшего образования, но страстно желал, чтобы сын поступил в Московский университет. Александр учился в нем на математическом факультете у таких известных ученых, как Н. Е. Жуковский и Д. Ф. Егоров.

ПОСЛЕ 1905 г. в студенческой среде были сильны революционные настроения. Александр Александрович также принимал участие в студенческих волнениях, поэтому считался «политически неблагонадежным». После окончания университета он женился на Михайловой Зинаиде Михайловне, выпускнице фельдшерского училища, и уехал вместе с ней в г. Вольск Самарской губернии. Зинаида Михайловна работала в роддоме, а Александр Александрович давал частные уроки.

В 1910 г. они вернулись в г. Тулу, где в 1911 г. у них родился сын Лев. В Туле Александр Александрович преподавал математику в школе. В 1913 г. в семье появилась дочь Софья, а в 1915 г. – дочь Татьяна.

Наиболее активная преподавательская деятельность Александра Александровича началась после Октябрьской революции. Александр Александрович проявил себя как прекрасный организатор народного образования. В 1929 г. при поддержке наркома А. В. Луначарского было принято решение о создании в Туле высшего технического учебного заведения, призванного готовить инженеров для предприятий Тульского промышленного района. Александр Александрович был членом организационной комиссии по созданию института. В 1930 г. институт был создан, ему присвоили название «Тульский механический институт» (позднее он был переименован в политехнический).

Многие первые выпускники института, в подготовке которых принимал участие А. А. Чернов, стали видными оружейниками: К. Н. Руднев – министр приборостроения и средств автоматизации в правительстве Косыгина; А. А. Томилин – директор Тульского оружейного завода. В 1980 г. к 50-летию института в Туле была выпущена книга «Кузница инженерных кадров», в которой отмечена плодотворная деятельность А. А. Чернова.



Институт создавался в системе механико-машиностроительного комбината. В состав учкомбината, помимо механического института, входили высшие технические курсы, дневной и вечерний механические техникумы. Александр Александрович возглавлял учебную часть учкомбината, в этой должности он провел большую работу по привлечению в институт видных ученых из Москвы. Сам он был доцентом кафедры высшей математики. Александр Александрович много сделал для организации в институте научно-исследовательской и конструкторской работы, для издания учебно-методической литературы. Для подготовки будущих студентов организовывались рабфаки, в чем Чернов также принимал активное участие. Обо всем этом написано в названной книге. Там же отмечается особое внимание профессорско-преподавательского состава к бывшим рабочим, парт- и профтысячникам, которым было труднее учиться, чем остальным.

Цитата из книги: «Д. В. Богородицкий, А. А. Чернов, А. И. Чистяков и другие помогали вчерашним рабочим ликвидировать пробелы доинститутской подготовки, стать полноценными студентами». Какой отклик находила эта забота в сердцах студентов, демонстрирует следующий отрывок из книги: «Политзачет по материалам 17 съезда ВКП(б) в 1934 г. сдавал весь институт: студенты, профессорско-преподавательский, учебно-вспомогательный и обслуживающий персонал. Политический зачет принимало общее собрание... Из беспартийных преподавателей пожелал сдавать политический зачет преподаватель кафедры математики А. А. Чернов. Инициатива любимого преподавателя была воспринята студентами с большим удовлетворением. «Мы, все студенты, – вспоминал секретарь парткома института С. Д. Бородин, – любили его за отеческую заботу о нас, колоссальную, чуть ли не круглосуточную работу и в институте, и на дому по вытягиванию отстающих, и прямо скажу, за вселение в студенческие души чувства уверенности в своих силах, воспитание воли в трудные часы раздумий, которые у многих были в первый год учебы, когда создавалась угроза отсева по неуспеваемости.

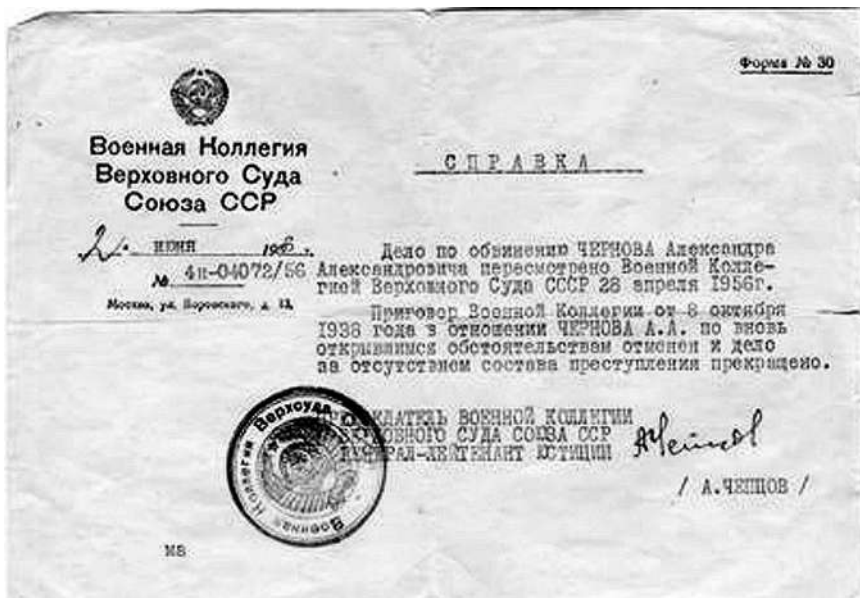
...В актовом зале института собрался весь коллектив, около 500 человек. Можно без преувеличения сказать, что политэкзамен держала вся партийная организация и дирекция института, так как все было ново и неизведанно. Многие боялись подрыва авторитета преподавательского состава. Первым по

списку был приглашен А. А. Чернов. Ему задали вопросы. После небольшой паузы он стал отвечать на них. К ответам абсолютно нечего было добавить. Объявляется отличная оценка, данная президиумом собрания. Зал взорвался бурей оваций. Десятки рук подхватили Чернова. Это была дань уважения ветерану старой школы, понявшему дух и веяния новой эпохи, эпохи социализма, и смело идущему ей навстречу, безраздельно отдавая ей всего себя без остатка».

Однако плодотворная деятельность Чернова была прервана в 1938 г. 29 января он был арестован. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения значится, что он «изобличается в том, что является участником контрреволюционной эсеровской организации г. Тулы». По делу проходило 8 человек: преподаватели, известные в Туле врачи, люди, в основном, с высшим образованием. 10 июля обвинение было перепредъявлено: «Чернов Александр Александрович, являясь участником меньшевистско-эсеровской организации, участвовал в подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и проводил контрреволюционную деятельность, что предусмотрено ст.58 пп 8,10 ч.1 и 11 УК РСФСР».

8 октября проходило закрытое судебное заседание выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР. Заседание продолжалось с 20 час. 00 мин. до 20 час. 15 мин. В результате Чернов был приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества. Приговор был приведен в исполнение 9 октября 1938 г. Семье сообщили, что он осужден на 10 лет без права переписки. Были конфискованы письменный стол, настольная лампа, чемодан с бельем. При аресте было изъято 6-ти томное собрание сочинений Плеханова.

В 1955 г. жена А. А. Чернова, Зинаида Михайловна, обратилась к тов. Маленкову с просьбой сообщить о судьбе мужа. С такой просьбой в то время обращались многие родственники репрессированных. В результате в 1956 г. дело было пересмотрено. Было признано, что «арест был необоснован и осуждение к высшей мере наказания неправильно, что следствие велось необъективно, с применением к арестованному запрещенных законом методов следствия, в результате чего арестованные вынуждены были давать ложные показания».



Семья Чернова получила справку о том, что приговор в отношении А. А. Чернова отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. За конфискованное имущество Чернова Зинаида Михайловна получила компенсацию в размере 245 рублей. О расстреле и в 1956 г. официально не сообщалось, хотя все знали, что это эквивалент «десяти годам без права переписки».

ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС: Тула, ул. Коммунаров, 122

Теперь на этом месте находится многоквартирный жилой дом с другим адресом — проспект Ленина 80-А.

Проспект Ленина — одна из старейших улиц Тулы. До 1963 г. она носила название ул. Коммунаров. Здесь, на окраине города, располагались частные дома с усадьбами под №№ 122-128. Среди них выделялся жилой кирпичный двухэтажный дом Тульского спиртоводочного завода с № 122 (после войны дом сменил нумерацию и стал № 124).

* * *

Два жильца этого дома были расстреляны в годы Большого террора. В квартире № 17 проживал доцент Тульского механического института Александр Александрович Чернов, расстрелянный в Тесницком лесу под Тулой в октябре 1938 г., а квартиру № 16 занимал начальник техотдела Тульского оружейного завода Константин Владимирович Жаков, расстрелянный в Москве в 1937 г. Дома в этом районе были снесены в конце 1950-х годов, когда здесь планировали разместить коммунальный техникум, но в итоге в 1961 г. выстроили пятиэтажку.

* * *

Следует отметить, что на ее месте также находился дом по адресу Коммунаров, № 126. Там жил поляк Гембарский Станислав Стефанович (1886), ректификатор Тульского ликероводочного завода. Он был обвинен в антисоветской агитации и в 1937 г. расстрелян в Бутово.

Источник ГАТО Р-252 оп 11 д. 72, 59

Анна КСАНДОПУЛО



У ЖИЗНИ – НЕТ ГРАНИЦ

Сергей Афанасьев, московский юноша из интеллигентной семьи: папа – художник, мама – фельдшер. Получил в столице строительно-архитектурное образование и 30 апреля 1938 г. по распределению был направлен в строительные части Тихоокеанского Флота.

РАБОТАЛ до 3 октября 1939 г. Потом ряд переназначений, и вот – техник-строитель на строительстве № 62 Управления военно-строительных работ НКВД. Везде о Сергее самые лучшие отзывы. Затем, 2 октября 1940 г., призыв в РККА. Рядовой 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии. Казалось бы, безупречный солдат. Внешне – на редкость высок, строен, дисциплинирован, всегда подтянут, скрупулезен в исполнении профессиональных обязанностей, доброжелателен, исключительно уравновешен. И – вдруг арест. Военным трибуналом Афанасьев осужден по ст. 58-10, ч. II, и 182-1 Уголовного кодекса: 10 лет тюремного заключения, с поражением прав на 3 года. Пожалте – в ГУЛАГ. Из г. Спас-Дальнего в казахстанскую «Долинку». Срок начал «мотать» с 1 августа 1941 г.



Сергей Петрович на заседании правления
Тульского «Мемориала». Лето 2017 г.

Спрашивается, как – менее чем за год – успел Сергей Афанасьев «переродиться» во врага Отечества... В чем обвинялся? Первое – в антисоветской агитации. Второе – в порнографии. «Доказательства»: первого – озвученная высокая оценка немецкой военной техники; второго – найденная у Афанасьева сомнительная картинка обнаженной натуры – работа Давида Микеланджело.

А ларчик просто открывался – любезно предложили «стукачество» – не оценил, отказался.

От участи «зэк вульгарис – раб обыкновенный» спас дефицит профессии. Позарез нужны были строители-профессионалы среднего звена. Был прорабом, начальником строительной части, преподавал на курсах десятников. Каким бы ни было задание, каковы бы ни были участок и контингент подчиненных, умел так поставить дело, так организовать людей, что всё исполнялось даже с опережением графиков и с очень хорошим качеством.

И вот уникальный результат. По крайней мере, мы в нашем «Мемориале» с таким, без преувеличения, чудом встретились впервые. 8 июля 1948 г., 23 июля 1949 г., 9 октября 1950 г., 10 октября 1952 г., 19 июля 1954 г., 3 сентября 1956 г. руководство организаций, где работал Сергей Петрович Афанасьев, обращалось в Главную Военную прокуратуру СССР с ходатайством о снятии с него судимости. Подпись под ходатайством, например, 11 июня 1948 г. – начальника ОКСа КАРЛАГа МВД ст. лейтенанта Бредихина А.И.

Ну и что? Согласно заседанию Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1946 г. срок наказания Афанасьеву С.П. снизили с 10 до 4 лет и поражение в правах на 1 год.

В Тульской области С.П.Афанасьев с 26 января 1960 г.: 43 года трудового стажа – «Углеметаллургстрой», Ломинцевский завод ЖБИ, «Главприокскстрой», «Тульскгражданпроект»... Денежные премия, однажды персонально установленная зарплата, благодарности, Почетная грамота Министерства угольной промышленности... Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», Ветеран труда. Неизменные спутники: скромность, достоинство.

В Тульском «Мемориале» Сергей Петрович – с 1990 г., и сразу – с головой в дела. Участвует в закладке Памятного знака на месте массовых захоронений, избран членом правления, с годами не теряет готовности помочь, всегда на активной жизненной позиции. Приближается юбилейная дата, 100 лет со дня рождения. Мы горды и счастливы, что в наших рядах такой подвижник. Здоровья, бодрости, непреходящего ощущения радости жизни!

Члены правления Тульского «Мемориала»



ОКТАБРЬ. ТРИДЦАТОЕ ЧИСЛО. ТЕСНИЦКИЙ ЛЕС

Октябрь. Тридцатое число.
Тесницкий лес.
Съезжаются сюда
Из разных мест,
Со всех концов земли родной.
Часовня здесь и крест простой.
Здесь обрели покой
Невинноубиенные,
И, может, дед здесь мой...

Клааса пепел?
Крови зов?
Что тянет нас?..
Навек повис над лесом
Журавлиный глас.
Всё меньше средь приезжих
Стариков.
Уходят старики –
Закон таков.
И что?
Наступит день такой –
Один-единственный придет,
Еще живой...
И будет это –
Из черных самых
Самый черный день.
Закроет солнышко живое
Зверя тень...
Беспамятство настигнет -
Как чума.
Зима мертвящая
Настанет на земле.
И будут
В космосе носиться в той земле
Одни покойники...
Так будет?
Так будет!

Если
Зимы беспаятству
Не выставим щита.
Щит – наши дети, внуки,
Руки наши.
Из них - как эстафету -
Свечу,
Горящую святым огнем,
Да, в руки детские
Из наших старых рук
Передадим.
И выживем.
И победим.

Надежда ТЮЛЕНЕВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Надежда ТЮЛЕНЕВА.

Под тенью фантома «Позор» 7

Лидия КОРНИЛОВА.

Тихо память плакала 31

Людмила УСТИНОВА.

Неисповедимы пути наши 63

Виктор СОЛОМИН.

Колымское золото сорок первого 83

Ольга ПЕСНЯ.

Судьба солдата 93

Элеонора ЩЕРБАКОВА.

Исповедь на тетрадных страницах 103

Надежда ТЮЛЕНЕВА

«Яссы-Ясная Поляна,
далее транзитом ГУЛАГ» 113

Л. Ашиткова, О. Сахарова, С. Сахарова

Честь имели! 135

Ирина ИЗВОЛЬСКАЯ

Не говори: «Их нет!» 157

Надежда ТЮЛЕНЕВА

И в каждом граде – свой Китеж 169

Виктор САВОСТИН, Александр АНДРИАНОВ

Незаживающее 181

Анна КСАНДОПУЛО

Последний адрес 187

У жизни – нет границ 200

Составитель
Надежда Константиновна
ТЮЛЕНЕВА

ЧЕСТЬ ИМЕЛИ!
Документальные истории

Тульское отделение
Российского общества
"МЕМОРИАЛ"

Корректор
Лидия Николаевна Кузнецова

Макет, дизайн, верстка
Дмитрий Иванович Кузнецов

Подписано в печать 10.06.2018
Формат бумаги 60х84/₁₆.
Гарнитура Прагматика. Печать офс. Усл. печ. л. 2,0
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО